

УСД АЛЛ.
Г-69У

ГОРНО-АЛТАЙСКИЙ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ВЫПУСК ОДИННАДЦАТЫЙ

ГОРНО-АЛТАЙСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО · 1974

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТ
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Конец, пред. выдан _____

Библиотечный билет № 1. 2 400 000 2 1754—73

ГОРНО-АЛТАЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ВЫПУСК ОДИННАДЦАТЫЙ

ГОРНО-АЛТАЙСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
АЛТАЙСКОГО КНИЖНОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА
ГОРНО-АЛТАЙСК, 1974

0.235446
Ученый Совет
Института
Экономики
и Статистики

Редакционная коллегия:

Р. А. МАЛЬКОВ, Ф. А. САТЛАЕВ, С. С. СУРАЗАКОВ,
П. Е. ТАДЫЕВ (главный редактор), В. Н. ТАДЫКИН.

ВАЖНАЯ ВЕХА В ИСТОРИИ ГОРНОГО АЛТАЯ

Обобщая итоги национально-государственного строительства и первые годы Советской власти, В. И. Ленин писал: «Мы дали всемирно-русским национальностям их собственные республики или автономные области»¹. 1 июня 1922 года Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет принял декрет об образовании Ойротской (ныне Горно-Алтайской) автономной области с центром в с. Улалине.

Важной вехой в истории Горного Алтая является первый областной съезд Советов. В работах некоторых авторов² мы находим упоминание о съезде и его решениях, однако специально о первом областном съезде Советов не написано пока ни одной статьи.

Подготовка первого областного съезда Советов осуществлялась Горно-Алтайским обкомом РКП(б) 15 февраля 1923 г. обком принял постановление созвать съезд Советов 25 апреля 1923 года. Для проведения выборной кампании была утверждена комиссия в составе 5 человек: П. И. Васехо (зав. отделом управления облревкома), И. С. Аламызова, В. К. Манеева, С. И. Комкина, И. М. Малкова. Аналогичное постановление было принято облревкомом 17 февраля 1923 г.³

Накануне волостных съездов Советов обком РКП(б) разослал волостным комитетам партии инструктивное письмо «О перевыборной кампании, в котором говорилось: «Руководящим ядром Советских республик является РКП, но наша партия не управляет, а руководит, поэтому в сельсоветах и волисполкомах не имеет большого значения большинство партийного состава, а имеет колоссальное значение руководящее коммунистическое ядро, которое влияло бы на беспартийный состав Совета»⁴. И далее: «В смешанных обществах сельсоветы в своем составе должны иметь достаточное количество националов»⁵.

Областная избирательная комиссия 1 марта 1923 г. утвердила инструкцию по перевыборам Советов. В инструкции указывалось: «Списки кандидатов в Советы составляются сельскими ячейками РКП(б) и волпарткомами. Там, где парторганизации отсутствуют, право составления списков принадлежит сельревкомам и волревкомам, коим при составлении кандидатских списков надлежит принять для руководства следующее:

1. Обеспечение интересов беднейшего населения по их классовому отношению к более зажиточному элементу середняку и сельскому кулачеству через местные органы Соввласти, сельревкома и волревкома.

2. Обеспечение работоспособности аппаратов сельсоветов и волисполкомов, подбора состава персонально, поэтому необходимо выдвигать кандидатов в сельсоветы и волисполкомы из среды беднейшего населения».

Избирательная комиссия 8 марта 1923 г. обратилась с Циркуляром

ным письмом № 884 ко всем облревкомам, в котором предлагала делегатов на областной съезд Советов избирать на волостных съездах Советов, т. е. путем непрямых выборов «Непрямые выборы в нелокальные, неместные Советы, — писал В. И. Ленин, — облегчают съезды Советов, делают весь аппарат дешевле, подвижнее доступнее для рабочих и крестьян в такой период, когда жизнь кипит и требует особенно быстро иметь возможность отозвать своего местного депутата или послать его на общий съезд Советов»⁶.

На основании распоряжения Сибирского Бюро ЦК РКП(б) и постановления обкома РКП(б) с целью улучшения работы с местным населением и подготовки его к перевыборам Советов было решено провести крестьянские беспартийные конференции с 15 по 22 марта с повесткой дня: О X съезде Советов. Первоочередные задачи по сельскому хозяйству. Финансовое положение Советской власти. Национальный вопрос. Советское строительство и перевыборы Советов. Кооперативное строительство. Борьба за культпросветучреждения⁷.

Избирательная комиссия утвердила норму представительства на областной съезд Советов. В частности, Озеро-Куревская волость с населением 2840 человек должна была направить на областной съезд 5 делегатов с решающим голосом. Алтай-Кельская волость с населением 1622 человека — 3 делегата и т. д.⁸

Выборы прошли с 15 марта по 1 апреля 1923 г. во всех 22 волостях. Были избраны 1321 член и 122 председателя сельсоветов, 66 членов волисполкомов. Из 122 председателей сельисполкомов коммунистов было 27, крестьян 121 (из них 100 бедняков). В отчете по итогам выборов указывалось, что благодаря проведенным во всех волостях беспартийным конференциям, национальной розни при выборах не наблюдалось, в волостях, населенных алтайским и русским населением, выборы членов Совета прошли пропорционально.

В связи с выездом секретаря обкома РКП(б) П. Я. Гордиенко на XII съезд РКП(б), облревком перенес дату проведения первого областного съезда Советов на 1 мая 1923 г.¹⁰

Ревком направил телеграммы в Семипалатинский, Оренбургский, Иркутский, Алтайский, Томский губисполкомы, Бурят-Монгольский ревком с просьбой направить свои делегации в качестве гостей первого областного съезда Советов¹¹. Получив разрешение Народного Комиссариата иностранных дел на въезд в область иностранных делегаций, облревком 7 марта 1923 г. направляет письма на имя Народного Революционного Правительства «Танды Туба» (Урянхай) и Уполномоченному ЦК МНРП в Западной Монголии, Председателю Кобдосской организации МНРП и председателю Кобдосской организации МТСМ (Монголо-Тибетского Союза Молодежи), в которых просит направить свои делегации на первый областной съезд Советов¹². Председатель облревкома Н. Ф. Иванов в марте 1923 года направил телеграммы Наркому внутренних дел, Наркому по делам национальностей, Ойротскому представительству при Наркомнаце, а также Сибирскому ревкому, в которых указал: «На съезде желательное присутствие в качестве почетных гостей в целях информации и налаживания взаимоотношений представителей Кирреспублики, Буробласти, Калмообласти, соседней алтайской губернии, представителей Западной Монголии»¹³.

29 апреля 1923 г. в облревкоме состоялось совещание, на котором присутствовали заведующие отделами, ответработники и члены комиссии по обслуживанию съезда. Было признано, что первый областной съезд Советов подготовлен¹⁴.

Съезд открылся в г. Улале 1 мая 1923 г. в 7 часов вечера и окончил работу 5 мая в 8 часов вечера. На съезде присутствовало 137 делегатов с решающим и 14 с совещательным голосом. В составе делега-

тов ведущее место занимали члены и кандидаты в члены РКП(б), их было 74, рабочих — 8, крестьян 84, в том числе скотоводов 20. Делегатами съезда являлись представители многих национальностей, проживающих на территории области: русских 81, алтайцев 51, украинцев и казахов (их называли тогда киргизами) по два человека и один еврей¹⁵.

Съезд открыл председатель ревкома Н. Ф. Иванов¹⁶. Под бурные аплодисменты был избран Почетный президиум во главе с Владимиром Ильичом Лениным и единогласно избран рабочий Президиум в составе 10 человек. Председателем съезда делегаты избрали Н. Ф. Иванова, секретарем И. М. Малкова.

Возник вопрос, на каком языке вести пленарные заседания. После обмена мнениями было принято решение вести их на русском языке и, учитывая присутствие на съезде многих делегатов — алтайцев, не знающих русского языка, перевести на алтайский язык приветствия, доклады, резолюции, обращения. Указанные документы перевел на алтайский язык делегат из Улаганской волости — учитель М. М. Кочеса.

Председательствующий Н. Ф. Иванов зачитал приветственные телеграммы от Алтайского и Семипалатинского губисполкомов, от работников связи.

Приветственное письмо на имя съезда поступило от уполномоченных Ойротского областного союза сельскохозяйственных, охотничьих, кустарно-промысловых и кредитных кооперативов. В письме говорилось: «Только выборная власть, оформившаяся в самой гуще пролетарского и крестьянского населения, никогда не утратит понимания народных масс и близости к ним»¹⁷.

В дни съезда из Кобдо в Улалу прибыл специальный курьер, который доставил приветственное письмо Западно-Монгольского Бюро РСМ (Революционного Союза Молодежи).

Уместно отметить, что трудящиеся Западной Монголии тепло восприняли весть об образовании Горно-Алтайской автономной области и свои братские чувства выразили еще в письме от 13 ноября 1922 г. на имя председателя облревкома. В письме, подписанном уполномоченным ЦК МНРП в Западной Монголии, председателем Кобдоской организации МНРП и председателем Кобдоской организации МТСМ, говорилось: «Революционеры Западной Монголии с нескрываемой радостью приветствуют в Вашем лице вновь народившуюся Ойротскую Трудовую Автономию — и мы проникнуты глубокою уверенностью, что Ойротская Трудовая Автономия выведет все племена, населяющие Голубой Алтай, на светлый путь духовного раскрепощения»¹⁸.

16 февраля 1923 г. Ойротский облревком и обком РКП(б) направил ответное письмо в адрес Кобдоских организаций, где было сказано: «Ойротский народ только сейчас под флагом Советской власти вдохнул свободной грудью. Только Советская власть действительно освободила Ойротский народ, как и все малые народы бывшей Российской империи, от национального гнета. Только сейчас мы чувствуем себя равными членами трудовой семьи и полноправными гражданами Великой Республики Советов»¹⁹.

Далее съезд перешел к очередным делам. В повестку дня были включены вопросы: 1. Международное и внутреннее положение СССР. 2. Отчетный доклад облревкома и облЭКОСО. 3. Доклады с мест. 4. Национальный вопрос. 5. Советское строительство. 6. Доклад коммунального отдела. 7. Очередные задачи восстановления сельского хозяйства. 8. Налоговая политика в деревне. 9. Доклад отдела народного образования. 10. Выборы областного исполнительного комитета. 11. Текущие дела. Вне повестки в ходе работы съезда была заслушана информация о состоянии здоровья В. И. Ленина²⁰.

Доклад о международном и внутреннем положении СССР сделал

представитель Сибревкома т. Копятевич Съезд одобрил политику советского правительства в области как внешней, так и внутренней. «В области внутренней политики, — указано в резолюции, — первый съезд Советов считает основной задачей — установление неразрывной связи города с деревней». Далее в резолюции говорилось: «...сознавая, что улучшение положения отдельных малых народностей целиком зависит от общего экономического улучшения Республики в целом, областной съезд Советов призывает всех трудящихся Ойротской области все силы свои направить на улучшение экономического положения Республики»²¹.

С отчетным докладом о работе облревкома выступил Н. Ф. Иванов — председатель облревкома²². Он охарактеризовал работу Горно-Алтайского уездного исполкома (центр с Алтайское) по борьбе с бандитизмом. Уисполком, закончив борьбу с врагами рабоче-крестьянской власти, 11 августа 1922 года передал управление областному революционному комитету, назначенному Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов во вновь образованной Горно-Алтайской автономной области. Задачей ревкома было, помимо организационной работы, говорил Н. Ф. Иванов, создать такие условия, при которых истерзанной бандитизмом области представилась бы возможность приступить к залечиванию тяжелых ран, нанесенных врагом.

Заканчивая раздел доклада об организационной работе, Н. Ф. Иванов сказал: «Много у нас еще в организационной работе не доделано ревкомом, можно сказать, еще только заложен фундамент — строить придется тем, кого выдвинет хозяйин области — 1-й областной съезд Советов на эту работу»²³.

Н. Ф. Иванов подчеркнул, что со стороны центральных органов Советской власти область получает широкую поддержку. В частности, область по численности населения должна бы посылать на Всероссийский съезд Советов не более одного делегата, однако ей предоставляется место даже во Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете Советов.

Экономическую жизнь области регулировало Экономическое Сопещание (ЭКОСО), которое имело в своем составе две комиссии: плановую и бюджетную. Под контролем Экономического Сопещания находились кооперативное строительство, финансовое и коммунальное хозяйство, торговля, дорожное строительство. Председатель Экономического Сопещания доложил съезду о трудностях, с которыми столкнулось ЭКОСО: неорганизованность областного аппарата, новизна дела, отсутствие опыта и квалифицированных работников, отсутствие статистических материалов и архива, отсутствие средств. В докладе было освещено экономическое состояние области, а также задачи и перспективы хозяйственной работы. Съезд постановил признать работу облревкома и облЭКОСО правильной и удовлетворительной. Съезд поручил облисполкому согласовывать свою работу с центральными органами РСФСР.

В резолюции съезда обращено внимание будущего облисполкома на необходимость изыскания дополнительных средств для развития экономики и культуры области. В целях сокращения расходов по местному бюджету, съезд нашел возможным сократить областной аппарат.

В резолюции отмечена продуктивная работа работников здравоохранения и выражена благодарность центральным Советским органам и Наркомздраву «за оказанную помощь в деле охраны здоровья трудящихся...»²⁴

Для докладов с мест слово получили руководители районов. В отношении Кош-Агачского района было сделано исключение: «Кош-

Агачской волости предоставить право выдвинуть трех лиц: 1 докладчика и 2-х содокладчиков от разных национальностей»²⁶ (имеется в виду — от алтайцев и казахов — С. Т.). Выступавшие проанализировали положение дел на местах, внесли предложения по улучшению работы и изложили просьбы к областным организациям и учреждениям²⁷.

В резолюции по национальному вопросу, принятой по докладу Н. Ф. Иванова, съезд указал на необходимость неуклонного проведения в жизнь всех решений, принятых по этому вопросу на первой областной партийной конференции (февраль 1923 года). Съезд поручил облисполкому вести беспощадную борьбу со всеми проявлениями шовинизма и национализма «Всех, кто злонамеренно разжигает национальные страсти, кто мутит умы трудящихся возвратом старых порядков, кто не оставил подлой привычки унижать, оскроблять трудящихся Ойротских (алтайских) народов, съезд Советов объявляет врагами трудового народа и после первого предупреждения о недопустимости таких действий, поручает Областному Исполнительному Комитету принять самые решительные меры против таких элементов вплоть до изгнания из пределов области»²⁸.

С докладом о советском строительстве выступил заведующий отделом управления облревкома П. И. Васехо²⁹, который разъяснил делегатам содержание Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа, принятой III Всероссийским съездом Советов в январе 1918 г., и Конституции РСФСР 1918 г. Отметив специфические особенности Горно-Алтайской области: обширность территории, разбросанность населения, плохие пути сообщения, докладчик подчеркнул необходимость повышения роли волостных и сельских Советов в решении всех хозяйственных и иных вопросов, подробно изложил меры улучшения деятельности низового звена.

Резолюция по советскому строительству констатировала: автономная область является частью РСФСР и принимает ее Конституцию как свой основной закон, население области получает права, свойственные всем гражданам Федерации, вся дипломатическая деятельность и сношения с другими государствами осуществляются через органы центральной власти, в то же время автономная область и ее население обязаны предоставлять все необходимые средства для защиты социалистического отечества.

Съезд признал необходимым делопроизводство и отчетность в государственных и общественных учреждениях вести на русском языке, но переводить на алтайский язык распоряжения органов Советской власти, касающиеся всего населения области. Было принято решение ввести в школах для алтайского населения изучение русского языка, а также ознакомление с Конституцией РСФСР³⁰.

По докладу коммунального отдела была принята специальная резолюция. Съезд обязал коммунальный отдел взять на учет все бесхозяйственные дома, разработать план их эксплуатации, принять срочные меры к ремонту дорог, в особенности Чуйского тракта, в застройке и электрификации г. Улалы, как областного центра³¹.

В докладе земельного управления высказывалась озабоченность состоянием дел в сельском хозяйстве и указывались пути дальнейшего развития³². Отсталые формы ведения сельского хозяйства, оставшиеся в наследство от царизма, превратившего Горный Алтай в пушной и скотоводческий район, стали тормозом экономических и социальных сдвигов. Съезд потребовал от местных Советов решительных мер по преобразованию сельского хозяйства, в частности, по возрождению традиционной отрасли хозяйства коренных жителей — животноводства. Отметив положительную работу земельного управления, съезд рекомендовал ему закончить землеустройство в области, обеспечить прове-

денне посевной кампании на высоком организационном уровне, принять меры по развитию животноводства³².

С докладом о налоговой политике выступил секретарь обкома РКП(б) П. Я. Гордиенко. Докладчик проанализировал налоговую политику Коммунистической партии и Советского правительства и призвал делегатов к укреплению смычки между городом и деревней, как важного условия упрочения союза рабочего класса с крестьянством.

Обсудив вопрос «О налоговой политике в деревне», съезд принял резолюцию, в которой одобрил мероприятия центральной власти по этому вопросу, призвал население и работников финансовых органов к неуклонному выполнению всех распоряжений, связанных с проведением единого сельскохозяйственного налога³³.

В докладе отдела народного образования было изложено катастрофическое положение дела просвещения в области. Неграмотные составляли 85 процентов взрослого населения³⁴. И. Ф. Иванов, подводя итоги обсуждения доклада, указал: «Мы, конечно, надеемся, что центр нам поможет, но всецело положиться на эту помощь и сложить руки нельзя... необходимо проявить максимум энергии и инициативы на местах, чтобы исправить создавшееся положение с делом просвещения у нас в области»³⁵. Съезд принял решение ходатайствовать перед правительством о принятии расходов по просвещению в области на государственный счет и предложил облисполкому, облФО и всем волисполкомам и сельсоветам обратить самое пристальное внимание на просвещение. Предлагалось провести широкие меры в области народного просвещения, в том числе открыть школы и интернаты для детей колхозников, детдома, дом ребенка, обратить внимание на детскую беспризорность, обеспечить нормальную работу библиотек, издательств, выделить помещение под областной музей, создать областную совнаршколу, педтехникум, открыть курсы переподготовки учителей.

Резолюция по этому вопросу заканчивалась словами: «Признавая выше перечисленные нужды отдела народного образования как необходимые и подлежащие обязательному удовлетворению, I-й областной съезд Советов предлагает Областному Исполнительному Комитету в самом непродолжительном времени пересмотреть бюджет ОНО в сторону его увеличения и довести таковой не ниже, как на 1,3 всего областного бюджета Обротской области и реализовать его на все 100 процентов»³⁷.

Секретарь обкома партии П. Я. Гордиенко от имени фракции РКП(б) внес предложение избрать в состав облисполкома 17 членов и 7 кандидатов в члены. Список, предложенный П. Я. Гордиенко, был утвержден единогласно. Членами облисполкома избраны Н. Ф. Иванов, Чилекей Анятов, В. К. Мансеев, И. С. Алагызов, Н. Н. Зиблицкий, В. В. Герасимов, И. М. Малков, П. Ф. Мотовилов, Я. А. Алдер, П. И. Васехо, Д. Г. Алухин, Калениченко П. М. Подгоринов., Евлин, Г. Страус, Г. И. Чусов, И. Н. Чейрук; кандидатами в члены облисполкома А. С. Алагызов, М. И. Бедерекоев, А. Н. Данилов, С. И. Комкин, М. М. Кочеев, А. Мандыканов, А. Д. Парк. Председателем облисполкома стал Н. Ф. Иванов. Исполком имел постоянно действующий орган — президиум. В его состав вошли Н. Ф. Иванов, П. И. Васехо, И. С. Алагызов, П. Ф. Мотовилов, Я. А. Алдер. Состав первого исполкома Горно-Алтайской автономной области был интернациональным: 12 русских, 7 алтайцев, 1 казах, 1 латыш, 1 эстонец. Ядро исполкома образовали члены и кандидаты в члены РКП(б) — 77,3 процента от общей численности³⁸⁻³⁹.

Заключительные заседания съезда были посвящены рассмотрению ряда важных документов. Облревком считал необходимым обратиться в Советское правительство с предложением включить в состав Горно-

го Алтая несколько соседних волостей (Черно-Ануйскую, Куяганскую, Сарасинскую и др.)⁴⁰. Делегат М. М. Кочеев предложил ликвидировать монастыри на территории области. Съезд поручил исполкому передать земли монастырей трудящимся крестьянам⁴¹. Далее было принято обращение к областному комитету РКП(б) с просьбой усилить партийное руководство Советами⁴².

Была заслушана информация делегата XII съезда РКП(б) П. Я. Гордиенко о состоянии здоровья В. И. Ленина. Делегаты с удовлетворением отметили улучшение здоровья Ильича⁴³.

Съезд послал приветственные письма и телеграммы ряду организаций и учреждений: Исполкому Коминтерна, ЦК РКП(б), ВЦИК и СНК РСФСР, Наркомупо делам национальностей, Сибревкомупо.

В телеграмме на имя ЦК РКП(б), ВЦИК и СНК РСФСР делегаты съезда торжественно заявляли, что народы Ойротии, освободившись от векового гнета капитала, будут крепко держать знамя пролетарской революции, братской солидарности трудящихся.

В ответ на приветствия из Монголии съезд послал письмо на имя уполномоченного ЦК МНРП в Западной Монголии, председателя Кобдосской организации МНРП и председателя Кобдосской организации МТСМ. В нем съезд горячо приветствовал трудящихся братской Монголии и выражал радость по поводу того, что революционное трудовое население Монголии идет тем верным путем к своей намеченной цели, который проложен трудящимися Советской России⁴⁴.

Таким образом, первый областной съезд Советов под руководством партийной организации последовательно провел в жизнь указания партии о социалистическом строительстве. Съезд исходил из правового положения Горно-Алтайской автономной области в РСФСР, как ее автономной части, поэтому в решениях по конкретным вопросам давал соответствующим органам области наказ согласовывать интересы Горного Алтая с интересами Советской республики и требовал безусловного выполнения постановлений вышестоящих органов РСФСР.

В документах съезда отмечалась связь экономического развития Горно-Алтайской автономной области и РСФСР и указывалось, что правильное развитие экономики может быть обеспечено лишь при условии развития всей Федерации. Вместе с тем съезд требовал учета национальных и иных особенностей области, применения соответствующих форм и методов работы, которые позволяли бы привлекать рабочих и крестьян к творческому, активному участию в социалистическом хозяйственном и культурном строительстве.

Многие документы, принятые на съезде, не утратили свою актуальность по настоящее время. Образованная по инициативе В. И. Ленина Горно-Алтайская автономная область представляет собой яркий пример претворения в жизнь марксистско-ленинского учения о государственном строительстве в многонациональной стране. За истекшие после первого съезда годы область добилась замечательных успехов в государственном, экономическом и социально-культурном строительстве⁴⁵. И сегодня наша мысль обращается к тем далеким временам — к маю 1923 г. — когда первый областной съезд Советов принял всю полноту власти и приступил к разрешению вопросов огромной политической важности региона. И чем больше вчитываешься в строки документов съезда, тем яснее становится дальновидность делегатов, фракции РКП(б) на съезде, которые определили ясные перспективы Советского Горного Алтая.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 146—147.
- 2 См. Борьба трудящихся Горного Алтая за установление Советской власти. Горно-Алтайск, 1957; Борьба за власть Советов на Алтае (исторический очерк), Барнаул, 1957; Г. А. Кордоцкий. Первые Советы Горного Алтая (на алтайском языке), Горно-Алтайск, 1957 г.; С. Я. Пахасев. Гражданская война в Горном Алтае (1918—1920 гг.). Автореферат кандидатской диссертации Томск, 1966. Л. П. Потапов. Очерки по истории алтайцев (2-е изд.), М.-Л., 1963.
- 3 ГАГААО, ф. 5, оп. 1, д. 437, лл. 58—59.
- 4 ГАГААО, ф. 5, оп. 1, д. 434, л. 4.
- 5 Там же.
- 6 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 257.
- 7 См. ГАГААО, ф. 5, оп. 1, д. 437, лл. 33—38.
- 8 Там же, лл. 34, 36, 37.
- 9 Там же, л. 39.
- 10 ГАГААО, ф. 5, оп. 1, д. 437, л. 44.
- 11 Там же, лл. 199, 200, 203.
- 12 Там же, лл. 131, 132, 138, 139, 140.
- 13 Там же, л. 22.
- 14 Там же, л. 89.
- 15 ГАГААО, ф. 5, оп. 1, д. 429, лл. 63—64.
- 16 ГАГААО, ф. 5, оп. 1, д. 429, л. 1.
- 17 ГАГААО, ф. 5, оп. 1, д. 429, лл. 1, 2, 87, на ф. 5, оп. 1, д. 437, лл. 95—97, 99.
- 18 ГАГААО, ф. 5, оп. 1, д. 429, лл. 17—18.
- 19 Там же, л. 19.
- 20 Там же, лл. 3, 40.
- 21 Там же, лл. 5—7, 71.
- 22 Там же, лл. 8—21.
- 23 I-й областной съезд Советов характеризовался как доминирующий в приветствии ряда делегатов и в некоторых документах съезда.
- 24 См. ГАГААО, ф. 5, оп. 1, д. 429, лл. 22—36.
- 25 Там же, л. 72.
- 26 ГАГААО, ф. 5, оп. 1, д. 429, лл. 37—45.
- 27 Там же, л. 73.
- 28 Там же, л. 75.
- 29 Там же, л. 47—50.
- 30 Там же, лл. 76—78.
- 31 Там же, лл. 51—52, 78.
- 32 Там же, лл. 54—56.
- 33 Там же, лл. 79—80.
- 34 Там же, л. 83.
- 35 Там же, лл. 65—67.
- 36 Там же, л. 68.
- 37 Там же, лл. 83—84.
- 38 Там же, лл. 68—91.
- 39 Там же, ф. 5, оп. 1, д. 437, л. 118.
- 40 ГАГААО, ф. 5, оп. 1, д. 429, лл. 69—85. Принятое на I-м областном съезде Советов решение о расширении области за счет присоединения Хакассии, Шории и кузнецов Бийского уезда признано ошибочным. К такому выводу пришел Сибирский ком. РКП(б) 4 сентября 1924 г. по докладу уполномоченного ВЦИК А. И. Чапчашва, возглавлявшего комиссию по обследованию области.
- 41 Там же, лл. 69, 86.
- 42 Там же, л. 73.
- 43 Там же, л. 74.
- 44 Там же, л. 91.
- 45 См. доклад Н. С. Лазебного «О пятидесятилетии Горно-Алтайской автономной области», «Звезда Алтая», 17 июня 1972 года.

РАБОТА ПАРТИЙНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ОБЛАСТИ ПО КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ КРЕСТЬЯНСКИХ ХОЗЯЙСТВ И УКРЕПЛЕНИЮ КОЛХОЗНОГО СТРОЯ (1927—1937 гг.).

Составной частью ленинского плана построения социализма в СССР было социалистическое преобразование сельского хозяйства. Изучение этого опыта в национальных районах позволяет глубже понять историческую закономерность победы колхозного строя.

Строительство социализма в Горном Алтае осуществлялось при постоянной и всесторонней помощи русского рабочего класса, которая еще больше усилилась с образованием в 1922 г. автономной области. Важнейшим этапом на этом пути явилась коллективизация сельского хозяйства и перевод кочевых и полукочевых хозяйств на оседлость, ликвидация на этой основе эксплуататорских классов. Мы ставим своей задачей проследить основные этапы социалистического преобразования сельского хозяйства, осуществленного под руководством областной партийной организации.

Ценный фактический материал о социально-экономическом развитии Горного Алтая в первые годы Советской власти содержится в работе В. С. Янпольского и П. Е. Абаимова¹, написанной на основе материалов экспедиции по обследованию животноводства в области. На которые сведения о начальном периоде производственного кооперирования приведены в работах П. Гордиенко, И. Эдокова². В обобщении опыта колхозного строительства интерес представляет брошюра Л. П. Потапова³. Ценность ее состоит в том, что в ней нашли отражение итоги создания национальных и смешанных колхозов и трудностей, стоявшие на этом пути. Фактический материал содержится в сборнике «10 лет Советской Ойротии»⁴, например, в статьях Н. Яковлева «Колхозное строительство и его очередные задачи», Г. Чучкалова, П. Семенова «Проблема животноводства в Ойротии», П. Мухачева «Перспективы развития животноводческих совхозов в Ойротии», И. Толтока «Проблема кадров в Ойротии и коренизация аппарата».

Заслуживают внимания работы Л. П. Потапова⁵ и В. А. Демидова⁶, в которых рассматриваются многие проблемы колхозного строительства. В кандидатских диссертациях Ф. М. Тимофеевой⁷ и В. П. Казанцевой⁸ исследуются некоторые вопросы колхозного движения в области.

Из опубликованных в сборниках к юбилейным датам (к 200-летию вхождения Горного Алтая в состав России, к 40-летию и 50-летию Октябрьской революции) можно отметить статьи Р. А. Дорохова, М. Ф. Саруевой, И. С. Лазебного, Ч. К. Кыдрашева, М. В. Карамаява⁹.

И все же опыт областной партийной организации по претворению в жизнь ленинского кооперативного плана изучен недостаточно.

В Горном Алтае борьба за осуществление Ленинского кооператив-

ного плана развертывалась в сложных условиях сохранившихся патриархально-феодальных отношений в экономике, при отсутствии промышленного пролетариата, слабости классовой дифференциации алтайского крестьянства, значительная часть которого вела кочевой и полукочевой образ жизни. Хозяйственная отсталость дополнялась культурной отсталостью трудового крестьянства. К моменту образования области свыше 80% всего населения, в том числе свыше 90% алтайцев были неграмотными¹⁰.

Огромный ущерб сельскому хозяйству области, особенно его главной отрасли — животноводству, был нанесен гражданской войной и бандитизмом. поголовье крупного рогатого скота в 1922 г. по сравнению с 1916 г. сократилось на 49%, лошадей — на 48,9%, овец и коз — на 59,9, посевные площади уменьшились на 29%¹¹.

С первых дней образования Горно-Алтайской автономной области Коммунистическая партия и Советское правительство оказывали огромную материальную помощь трудящимся алтайцам. Если в 1923-24 г. сумма государственных дотаций и пособий составляла 87,6 тыс. рублей, или 25,4% областного бюджета, то в 1926-27 г. она возросла более чем в 7 раз и составляла 640,2 тыс. рублей, или 63,6% бюджета. В 1922—1923 гг. только от центрального комитета помощи голодающим область получила более 700 пудов хлеба и 239 тыс. рублей, которые были израсходованы на покупку хлеба, семян, сельхозмашин, на содержание детских интернатов¹².

Горный Алтай был отнесен к скотоводческим районам, что наилучшим образом соответствовало исторически сложившемуся хозяйственному укладу населения и способствовало быстрому развитию животноводства. Беднейшее население было освобождено от натурального налога. В 1923 г. при ведении единого сельскохозяйственного налога в деньгах трудящимся алтайцам разрешалось платить часть налогов натурой.

Областные партийные и советские органы с помощью и под руководством ЦК ВКП(б) и Сибирского крайкома партии, преодолевая трудности, добились значительных успехов в подъеме сельского хозяйства и в кооперировании населения области. В борьбе за восстановление хозяйства и создание условий развертывания массового колхозного движения важную роль сыграли потребительская и сельскохозяйственная кооперация. В условиях Горного Алтая, где значительная часть коренного населения вела кочевой и полукочевой образ жизни, кооперация имела особое значение: она фактически была первой массовой формой приобщения ранее отсталого национального крестьянства к социализму. К 1928 г. потребительской кооперацией было охвачено 90,7% хозяйств. Общий оборот по товароснабжению и заготовкам вырос по сравнению с 1926 г. более чем в два раза. Молочная кооперация увеличила свои обороты в три с лишним раза. Сельскохозяйственная кредитная кооперация объединяла 44,3% крестьянских хозяйств¹³.

Особое значение областная партийная организация придавала простейшим производственным объединениям — животноводческим артелям, сельскохозяйственным, коневодческим, машинным товариществам в системе сельскохозяйственной кооперации. В 1925 г. в 26 товариществах и простейших артелях было 270 крестьянских хозяйств (в том числе 20 алтайских), а в 1927 г. количество их возросло до 76, объединявших 768 хозяйств, в том числе 235 алтайских¹⁴. Простейшие животноводческие товарищества и артели, получившие развитие в кочевых и полукочевых районах Горного Алтая, являлись важным средством подведения трудящихся скотоводов к производственному кооперированию.

Развивая простейшие виды кооперации, Коммунистическая партия видела в них подготовительный этап производственной кооперации.

Поворотным пунктом в борьбе за производственное кооперирование крестьянских хозяйств явился XV съезд ВКП(б), взявший курс на коллективизацию сельского хозяйства. Съезд указал, что «в настоящий период задача объединения и преобразования мелких индивидуальных крестьянских хозяйств в крупные коллективы должна быть поставлена в качестве основной задачи партии в деревне»¹².

Важную роль в осуществлении решений XV съезда партии в Горном Алтае сыграл расширенный пленум обкома партии, состоявшийся в марте 1928 года. Пленум обсудил доклад о производственном кооперировании в области и разработал план колхозного строительства. В резолюции пленума подчеркивалось: «Незначительное количество в области простейших производственных объединений и колхозов и их внутренняя неустроенность ставит перед парторганизацией задачу — решительно усилить темпы колхозного строительства как путем укрепления и пополнения новыми членами существующих объединений, так и организацией новых простейших и сложных колхозов, максимально используя для этого в первую очередь период подготовки и проведения весенних сельскохозяйственных работ»¹³. С учетом условий Горного Алтая пленум определил формы и методы коллективизации. Исходной формой производственного кооперирования могли стать: сельскохозяйственный кооператив с животноводческим направлением, поселковые товарищества, артельные объединения для постройки животноводческих помещений и заготовки кормов.

Руководствуясь решениями XV съезда ВКП(б) и мартовского пленума обкома, областная парторганизация развернула работу по организационному укреплению существующих колхозов, по переводу простейших объединений в более сложные и по укреплению их кредитами, сельскохозяйственными машинами, семенами, проведением землеустройства и т. д. Для оказания финансовой помощи бедноте при вступлении в производственные объединения постановлением бюро обкома от 15 мая 1928 г. при областном отделении сельскохозяйственного банка был образован специальный фонд производственного кооперирования, а при сельскохозяйственных кредитных товариществах — аймачные фонды¹⁴.

В начале июля 1928 г. состоялся первый областной съезд колхозников, который определил конкретные задачи колхозного строительства в Горном Алтае.

Результаты проведенной работы не замедлили сказаться. Если в октябре 1928 г. было 31 производственное объединение, то на ту же дату 1929 г. количество их возросло до 83. Процент коллективизации крестьянских хозяйств увеличился соответственно с 2,5 до 6,3¹⁵.

Во второй половине 1929 г. в основных зерновых районах страны развернулась массовая коллективизация сельского хозяйства. За полгода в колхозы вступило в три раза больше крестьян, чем за двенадцать лет после Октябрьской социалистической революции. И что особенно важно — в колхозы пошел середняк. Массовое колхозное движение потребовало от партии решения ряда экономических и политических проблем: определения темпов коллективизации, форм колхозного строительства, ликвидации кулачества как класса, организации труда в колхозах. Для выработки практических предложений по всем этим вопросам в декабре 1929 г. Политбюро ЦК ВКП(б) создало специальную комиссию. Было запрошено мнение многих партийных комитетов, глубоко и обстоятельно этот вопрос обсуждался в комиссии ЦК, а затем в Политбюро ЦК ВКП(б). В результате было принято постановление от 5 января 1930 г. «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству». В постановлении ЦК

содержались важнейшие указания о том, что главной формой колхозного движения на данном этапе является сельскохозяйственная артель. ЦК предостерегал против нарушения принципа добровольности при вступлении в колхозы.

Учитывая особенности социально-политического и культурного развития национальных республик и областей и опыт социалистического преобразования сельского хозяйства в передовых районах страны, ЦК ВКП(б) в своем постановлении определил, что в важнейших зерновых районах коллективизация «может быть в основном закончена осенью 1930 г. или во всяком случае весной 1931 г.; коллективизация же других зерновых районов может быть в основном закончена осенью 1931 г. или во всяком случае весной 1932 г.»¹⁷.

В национальных и потребляющих районах срок окончания коллективизации не устанавливался, она могла быть закончена позднее. В этих районах проводилась подготовка к массовой коллективизации. По отношению к кулаку здесь сохранялась политика ограничения и вытеснения.

Однако и ходе коллективизации во многих районах страны, в том числе в национальных районах Сибири, получила известное распространение нездоровая тенденция искусственного форсирования темпов колхозного строительства. В Горном Алтае ставилась нереальная задача завершить сплошную коллективизацию весной 1930 г. Это привело к серьезным перегибам и ошибкам в осуществлении ленинского кооперативного плана.

ЦК ВКП(б) принял решительные меры по исправлению перегибов. В постановлении ЦК от 20 февраля 1930 г. «О коллективизации и борьбе с кулачеством в экономически отсталых районах» и от 14 марта «О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении» решительно осуждались допущенные искривления и определялись меры по восстановлению ленинских принципов в колхозном строительстве.

В разработке дальнейшей программы сплошной коллективизации, в исправлении ошибок и перегибов в колхозном движении исключительную роль сыграл XVI съезд партии. В резолюции съезда «О колхозном движении и подъеме сельского хозяйства» намечались конкретные пути и способы развертывания коллективизации и укрепления колхозов. Ставилась задача восстановления и развития животноводства. Ориентируя на сельскохозяйственную артель как основную форму колхоза, съезд разъяснял, что «форма колхоза должна соответствовать хозяйственным особенностям района и отрасли хозяйства. Наряду с артелью в некоторых районах непереходного характера, а также в национальных районах Востока может получить на первое время массовое распространение товарищество по общественной обработке земли, как переходная форма к артели»¹⁸.

После XVI съезда ВКП(б) коллективизация в Горном Алтае получила широкий размах. Последовательно соблюдая принцип добровольности, областные партийные и советские органы значительно расширили и углубили связь с бедняцко-средняцкими массами, подняли их на борьбу против кулацко-байских элементов. В результате решительного исправления извращений линии партии в колхозном строительстве, усиления организаторской и разъяснительной работы партии в массах и всесторонней помощи Советского государства, весна 1931 г. ознаменовалась развертыванием в Горном Алтае массовой коллективизации, коренным поворотом основных масс крестьянства в сторону колхозов. Этот год дал наиболее высокий процент коллективизации. Если на первое января 1931 г. было 181 производственное объединение, то на 1 декабря 1931 г. 343 колхоза объединяли 12362 хозяйства¹⁹. Следует подчеркнуть, что если прежде коллективизация алтайского

населения отставала от коллективизации русского населения, то в 1931 г. удельный вес алтайцев в колхозах повысился с 31,3 до 46,6%²².

Дальнейшему развитию производственного кооперирования в условиях Горного Алтая препятствовало сохранение кочевой формы хозяйства значительной части коренного населения. Без перевода кочевого и полукочевого населения на оседлость невозможно было совершить переход от чрезмерно отсталых, экстенсивных форм к передовым интенсивным формам ведения хозяйства, в корне переделать психологию и быт людей.

К работе по переводу на оседлость в широком масштабе и в плановом порядке было приступлено в феврале 1931 г.; до этого перевод кочевников на оседлость не выходил за пределы разрозненных и незначительных по объему мероприятий. Населению, переходящему на оседлость, выдавался кредит на приобретение живого и мертвого инвентаря, семенного фонда с рассрочкой на десять лет, предоставлялись льготы по единому сельскохозяйственному налогу в течение трех лет согласно постановлению ЦИК и СНК СССР от 10 сентября 1926 г. «О льготах крестьянскому населению по землеустройству и переселению».

Налогообложение на душу населения в национальных районах, в том числе в Горном Алтае, было значительно меньше, чем в смежных округах. В Горно-Алтайской области налог составил в 1927-28 г. 6 руб. 08 коп., в 1928-29 г. — 7 руб. 72 коп., а в соседнем Бийском округе соответственно — 13 руб. 93 коп. и 18 руб. 18 коп.²³.

Распределение средств в самой области осуществлялось с учетом быстрейшего подъема хозяйства и культуры алтайского населения, переходящего на оседлость, что выражало ленинскую национальную политику помощи слаборазвитым народам в приобщении их к социализму.

Важнейшая роль в социалистическом преобразовании сельского хозяйства и переводе коренного населения на оседлость принадлежит животноводческим совхозам, как предприятиям последовательно социалистического типа. Совхозы Горного Алтая, созданные в годы первой пятилетки, выполняли такую же роль в коллективизации животноводства, какую МТС выполняли в коллективизации полеводства зерновых районов. Они не только демонстрировали преимущества крупного социалистического хозяйства перед мелким, но и оказывали окружающим колхозам ТОЖам и крестьянам единоличникам хозяйственную помощь. Так, вблизи Ябоганского конесовхоза, организованного в 1931 г., кочевали и частично уже оседали местные крестьяне-алтайцы, которым совхоз оказывал помощь в борьбе с местными эксплуататорами, а также в организации первых товариществ и колхозов. Применение тракторов и других сложных сельскохозяйственных машин давало совхозу не только расширять посевы зернофуражных культур и укреплять кормовую базу, но и внедрять зерновые культуры в окружающих колхозах, где до этого земледелием почти не занимались (если Яконурские колхозы им. Сталина и им. Карла Маркса в 1932 г. сеяли 62 га ячменя, то в 1940 г. их посевы составляли 417 га). За 8 лет посевные площади возросли почти в 7 раз²⁴.

Крупные социалистические хозяйства, созданные в районах кочевья и полукочевья Горного Алтая, оказывали революционизирующее влияние на формирование новых социально-экономических отношений в национальной деревне.

В результате большой организаторской и массово-политической работы областной партийной организации по подъему колхозного движения, переводу коренного населения на оседлость, созданию животноводческих совхозов, машинно-сенокосных станций и простейших производственных объединений был обеспечен успех коллективизации сельского

хозяйства в области. К концу 1932 г. было коллективизировано 48,7% крестьянских хозяйств и 31,2% скота²¹. Преобладающей формой колхозного производства становится сельскохозяйственная артель: в 1930 г. сельхозартелей было 41,7%, ТОЖев и ТОЗов — 58,3%, в 1932 г. артелей стало 78,9%²².

Однако колхозное строительство развивалось в основном по линии численного роста колхозов и охвата ими все большего количества хозяйств единоличников. Колхозы имели существенные недостатки в организационно-хозяйственном отношении; во многих из них были неудовлетворительно налажены организация и учет коллективного труда, распределение колхозных доходов, слаба трудовая дисциплина. Сохранились еще следы патриархально-родовых пережитков. Вместе с коллективизацией в кочевых районах совершался переход к оседлости, что вызывало дополнительные трудности в овладении новыми отраслями производства, новыми трудовыми навыками. Молодые колхозы не имели ни опыта, ни подготовленных кадров и переживали большие трудности, неизбежные в каждом новом деле.

Продолжая работу по вовлечению крестьян-единоличников в сельскохозяйственные артели, партийные и советские органы сосредоточили внимание на организационно-хозяйственном укреплении колхозов, на улучшении партийного руководства колхозами, воспитании социалистической дисциплины труда и подготовке кадров. Широкое распространение получила организация школ и курсов по подготовке и повышению квалификации руководящих кадров и работников массовых колхозных профессий. В области и за ее пределами готовились кадры председателей колхозов, бригадиров, заведующих колхозными фермами, счетоводов. В 1930 г. областные курсы прошли 64 чел., из них 29 алтайцев, в Барнаул на четырехмесячные курсы счетоводов было направлено 18 человек²³. В аймаках была организована систематическая квалифицированная подготовка таких профессий, как животноводы, доярки, чабаны, весовщики, учетчики. За 1933 г. было обучено более 2 тыс. человек, из них работников животноводства — 1343, полеводства — 700, трактористов — 99, стронтелей — 57²⁴. В последующие годы массовое обучение кадров для колхозов, кооперации, МТС продолжалось.

Исключительное значение в укреплении колхозов и в дальнейшем подъеме сельского хозяйства имели съезды колхозников-ударников. На первом съезде колхозников-ударников был выдвинут лозунг — сделать все колхозы большевистскими, а колхозников зажиточными. Осуществление этого лозунга на практике служило важным средством организационно-хозяйственного укрепления колхозов. В феврале 1935 г. Второй Всероссийский съезд колхозников-ударников принял примерный Устав сельскохозяйственной артели, в котором был обобщен накопленный опыт работы лучших колхозов страны. Устав законодательно закрепил основной принцип развития колхозного производства — сочетание общественных интересов колхозов с личными интересами колхозников при ведущей, определяющей роли общественных интересов, установил правила организации учета в колхозах, распределение доходов в них по количеству и качеству затраченного труда, конкретные обязанности членов колхоза. В течение 1935—1936 гг. основная масса колхозов Горного Алтая перешла на новый Устав сельскохозяйственной артели.

Успешному развитию коллективизации и переходу на оседлость в огромной степени содействовала усилившаяся техническая помощь деревне. С успехами социалистической индустриализации страны, Советское правительство с каждым годом все больше направляло сельскохозяйственных машин в национальные районы. Если в 1931 г. в области работало 7 тракторов, то в 1934 г. количество их возросло до 62.

Значительно увеличился завоз различных видов сельскохозяйственных машин. В 1934 г. область имела до 400 сеялок, около двух тысяч сенокосилок, более тысячи конных граблей и другую технику²⁰.

В 1932 г. согласно постановлению ВЦИК и Совнаркома РСФСР от 28 мая 1932 г. в Горном Алтае была организована первая МТС, которая обслуживала значительное количество колхозов Майминского района.

В результате организационно-хозяйственного укрепления колхозов и перехода большинства кочевых хозяйств на оседлость к 1937 г. в Горном Алтае в основном была закончена коллективизация сельского хозяйства. Уже в 1936 г. в колхозы было вовлечено 83,8% крестьянских хозяйств²¹, с охватом 78% посевных площадей²¹. Удельный вес социалистического сектора в животноводстве составил: по лошадям — 83,7, по крупному рогатому скоту — 53,8, овцам и козам — 75,5%²². Товарная продукция колхозов возросла с 3 млн. в 1933 г. до 7 млн. руб. в 1935 г.²³ Вместо 20—22 тыс. мелких распыленных крестьянских хозяйств с примитивной техникой, в 1936 г. было 371 колхоз и 11 совхозов²⁴. Подавляющая часть земли и скота принадлежала социалистическому сектору. Социалистические производственные отношения стали господствующими.

Торжество ленинского кооперативного плана убедительно проявилось на примере Горного Алтая. За исторически короткий срок алтайский народ, опираясь на братскую помощь великого русского народа, пришел к социализму, минуя капиталистическую стадию развития. Решающую роль в этом сыграла коллективизация сельского хозяйства. Она нанесла решительный удар пережиткам патриархально-феодальных отношений, ликвидировала их и утвердила социалистический строй в национальной деревне. «Коллективизация навсегда избавила деревню от кулацкой кабалы, — записано в Программе КПСС — от классового расслоения, от разорения и нищеты. На основе ленинского кооперативного плана извечный крестьянский вопрос нашел свое подлинное разрешение»²⁵.

Ленинский план преобразования сельского хозяйства на социалистической основе с самого начала привлекал внимание буржуазных историков, экономистов и социологов. Буржуазные идеологи стремятся оклеветать, эволюцию и перспективы развития малых народов СССР.

Не так давно в Англии вышла книга В. Коларца, в которой проповедуется ложь о том, будто в СССР обойдены интересы этих народностей, будто «каждая фабрика, каждая новая угольная шахта на их территории создавались главным образом для великороссов»²⁶. Однако ни один из буржуазных идеологов не приводит, да и не может привести в доказательство каких-либо конкретных фактов, ибо таких фактов не существует в природе.

Как показывает действительность, ленинская национальная политика КПСС вызвала поистине грандиозные перемены в жизни нерусских народов Сибири. В результате победы социализма, с помощью русского рабочего класса буряты, якуты, тувинцы, хакасы, алтайцы и другие народности совершили гигантский скачок по пути социалистического прогресса.

ЛИТЕРАТУРА

1. В. С. Яппольский и П. Е. Абимов. Животноводство в Ойротском крае. Новосибирск, 1929.

2. П. Гордиенко. Ойротия. Новосибирск, 1931; Л. Эдоков. Ойротская автономная область, М. 1931.

- 3 Л. П. Потапов Поездка в колхозы Чемальского аймака Ойротской автономной области, Ленинград, 1932.
- 4 Сборник «10 лет Советской Ойротии», Уулаа, 1932 г.
- 5 Л. П. Потапов Из истории Горно-Алтайской автономной области Ученые записки Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. Выпуск третий, Горно-Алтайск, 1960.
- 6 В. А. Демидов К вопросу о коллективизации сельского хозяйства в Горном Алтае. Записки Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. Выпуск пятый Горно-Алтайск, 1962. Его же Переход алтайцев на оседлость Барнаул, 1968; Боевая молодость. Горно-Алтайск 1963. См. также Краеведческий материал по истории Горно-Алтайской области, Горно-Алтайск, 1962.
- 7 Ф. М. Тимофеева Деятельность Горно-Алтайской партийной организации по осуществлению культурного строительства в области (1920—1933 гг.), Томск, 1966.
- 8 В. П. Казанцева Горный Алтай в годы восстановления народного хозяйства (1920—1927 годы), Москва, 1969.
- 9 Р. А. Дорохов В братской семье советских народов В кн. В братской семье народов СССР Горно-Алтайск, 1962. М. Ф. Саруева Горный Алтай за годы Советской власти В кн. 40 лет Советскому Алтаю Горно-Алтайск, 1957. П. С. Лазебный. По пути расцвета, М. В. Карамеева За дальнейший подъем сельского хозяйства. В кн. Под знаменем Октября (Горный Алтай за 50 лет Советской власти) Горно-Алтайск, 1967.
- 10 Статистический бюллетень Горно-Алтайск, 1962, стр. 23.
- 11 Государственный архив Горно-Алтайской автономной области (ГАГААО), ф. 31, оп. 1, д. 909, л. 36.
- 12 В. А. Демидов Краеведческий материал по истории Горно-Алтайской области, стр. 51.
- 13 Вопросы хозяйственного строительства Уулаа, 1928, стр. 33.
- 14 Десять лет Советской Ойротии, стр. 58.
- 15 «КПСС в резолюциях», ч. II, 1954, стр. 475.
- 16 Партийный архив Горно-Алтайского обкома КПСС, ф. 1, оп. 1, д. 856, л. 62 (ПАГАО).
- 17 ПАГАО, ф. 1, оп. 1, д. 858, л. 331.
- 18 Западно-Сибирский край. Материалы по экономике края. Новосибирск, 1932, стр. 288.
- 19 «КПСС в резолюциях и решениях», ч. II, стр. 665.
- 20 «КПСС в резолюциях и решениях», ч. III, стр. 52—53.
- 21 ГАГААО, ф. 33, оп. 1, д. 881, л. 62, 66.
- 22 ГАГААО, ф. 61, оп. 1, д. 630, л. 109.
- 23 ГАГААО, ф. 33, оп. 1, д. 212, л. 66.
- 24 Я. И. Бражников Ябоганский совхоз Горно-Алтайск, 1960, стр. 19.
- 25 Народное хозяйство Горно-Алтайской автономной области. Статистически сборник. Горно-Алтайск, 1967, стр. 17.
- 26 ПАГАО, ф. 1, оп. 1, д. 640, л. 237.
- 27 ГАГААО, ф. 33, оп. 1, д. 2991, л. 240.
- 28 Важнейшие показатели выполнения народно-хозяйственного плана по Ойротской области за 1933 г. Ойрот-Тура, 1934, стр. 14.
- 29 Государственный архив Новосибирской области, ф. 47, д. 1863, л. 3 (ГАО).
- 30 ГАГААО, ф. 33, оп. 2, д. 81, л. 11.
- 31 Там же, ф. 61, оп. 1, д. 127, л. 7.
- 32 Там же.
- 33 ПАГАО, ф. 1, оп. 1, д. 1419, л. 22.
- 34 Там же, д. 1533, л. 28.
- 35 «XII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет», т. III, М., 1962, стр. 237.
- 36 «Правда», 19 февраля, 1969 г.

ПОДГОТОВКА В ГОРНОМ АЛТАЕ КАДРОВ ДЛЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА ТУВИНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Отмечая полувековой юбилей Союза ССР, советский народ торжественно и с великим достоинством праздновал его как выдающийся исторический факт возникновения нерушимого единства и дружбы всех народов, объединившихся в рамках Советского социалистического государства.

Великая дружба и подлинная интернациональная взаимопомощь народов СССР начала складываться и крепнуть вслед за Октябрьской революцией, т. е. в 20—30 годы, в годы социалистического строительства и окончательно утвердилась в наши дни. Указывая на это Л. И. Брежнев в своем выступлении на совместном торжественном заседании ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и РСФСР, посвященном 50-летию образования СССР, отметил:

«В нашей стране родилось и окрепло великое братство людей труда, объединенных, независимо от их национальной принадлежности, общностью классовых интересов и целей, сложились в истории отношения, которые мы называем ленинской дружбой народов».¹

В данной статье предпринята попытка показать роль Горно-Алтайской партийной организации в становлении и развитии взаимопомощи малых народов Сибири (алтайцев, тувинцев, хакасов, шорцев), перешедших к социализму, минуя капитализм. В частности, в ней рассматривается вопрос о подготовке специалистов народного хозяйства и культуры Тувинской Народной Республики, являвшейся до 1944 г. иностранным государством, не входившим в состав СССР.*

Истории Горно-Алтайской областной партийной организации посвящены работы ряда авторов². В 1971 г. преподаватели Горно-Алтайского государственного педагогического института, сотрудники научно-исследовательского института истории, языка и литературы, и партийные работники опубликовали «Очерки истории Горно-Алтайской областной организации КПСС».

Однако освещаемая нами проблема не нашла отражения в научной литературе. Н. С. Лазебный в статье «По пути расцвета» лишь упоминает имена отдельных партийных, советских и научных работников современной Тувинской АССР, окончивших различные учебные заведения Горного Алтая в 20—30 гг.³

Успешная борьба Красной Армии с интервентами в Сибири, завершившаяся полной победой, а также разгром в Туве оккупационных отрядов и белогвардейских банд совместными усилиями красноармей-

* Тувинская Народная Республика вошла в состав РСФСР 11 октября 1944 г. как автономная область. (см. История Тувы, т. 2, изд. «Наука», М., 1964, стр. 6), с 1961 г. — АССР. (См. там же стр. 438).

цев, русских и тувинских крестьян, позволили в 1921 г. приступить к мирному строительству в Туве.⁴

14 августа 1921 г. Великий Хурал провозгласил независимую Народную Республику Тунну-Тува.⁵

Так Тувинская национально-освободительная революция, победившая в эпоху общего кризиса капитализма, начавшегося после Великой Октябрьской социалистической революции, привела к утверждению в Туве народно-демократического строя и положила начало переходу страны на путь социалистического развития, минуя стадию капитализма.⁶

Развитие молодой республики затруднялось почти полным отсутствием специалистов народного хозяйства и культуры. Тувинская Народно-революционная партия настойчиво искала пути разрешения кадровой проблемы. Ключ к ее решению она нашла в нашей стране.

Уже в 1925 г. в открывшейся двумя годами раньше Ойротской областной советско-партийной школе училось 14 граждан Тувы,⁷ ставших впоследствии организаторами социалистического строительства в республике.

Естественно, представители Тувы, прибывавшие в Горный Алтай на учебу, в большинстве своем были малограмотны. Поэтому обком партии в 1926-27 учебном году организует при образцово-показательной школе 2-й ступени с. Уулаы (ныне Горно-Алтайск) специальный интернат для тувинских учащихся.⁸ Тогда в нем числилось 30 воспитанников-тувинцев.⁹ Выпускники его поступали в СПШ или направлялись в качестве учителей, работников культпросветучреждений, ревсомола, на партийную и государственную работу в хошунные (районные) организации республики.

Следует заметить, что воспитанники интерната и слушатели СПШ содержались за счет государственного бюджета РСФСР и области. Несмотря на дефицит бюджета и ежегодные правительственные дотации, областные органы Горного Алтая сочли необходимым выделять денежные средства на содержание учащихся-тувинцев. Месячное содержание одного учащегося-тувинца составляло 23 рубля, а на учащегося из области отпускалось 17 рублей.¹⁰

В 1929 г. по решению обкома партии при областной СПШ открывается специальное тувинское отделение.¹¹ Оно функционировало вплоть до февраля 1939 г., то есть до момента реорганизации СПШ в областную колхозную школу.¹²

Наряду с подготовкой специалистов народного хозяйства и культуры Тувинской Народной Республики, областная партийная организация оказывала помощь в виде направления в Туву учителей, поскольку алтайский и тувинский языки имеют сходство.

13 августа 1929 г. бюро обкома принимает решение направить в Тувинскую Народную Республику двух учителей-алтайцев (А. И. Арбанакон и К. А. Бедреева), а 21 сентября того же года — еще одного учителя-алтайца И. П. Анаева¹⁴ для работы в Министерстве культуры в качестве консультантов и составителей первых учебников и пособий. В их обязанности входило также преподавание отдельных предметов в тувинских школах, где проходили подготовку и переподготовку учителя тувинских школ.

Готовились в Горном Алтае и специалисты по торговле. В 1930/31 учебном году при Уулаинской (Горно-Алтайской) школе кооперативного ученичества училось 4 тувинца, 30 хакасов, 2 шорца.¹⁵

Решением бюро обкома партии от 30 марта 1931 г. в г. Уулае с 1 сентября 1931 г. при национальном рабфаке было открыто специальное отделение для учащихся-тувинцев.¹⁶

Таким образом, к 1 апреля 1932 г. в учебных заведениях области

(в педтехникуме, зоветехникуме, СПШ, рабфаке, в спецгруппе школы 2-й ступени и школе кооперативного ученичества) обучалось 85 учащихся из Тувинской Народной Республики¹⁷.

Заметим, что специалисты для Тувы готовились также в учебных заведениях других городов СССР.

Не имея своих специальных учебных заведений, руководство Тувинской Народной Республики обратилось в 1934 г. в ЦК ВКП(б) и СНК СССР с ходатайством об организации спецшколы в Горном Алтае для подготовки кадров сельского хозяйства. В феврале 1934 г. Народный Комиссариат Земледелия РСФСР открывает специальную тувинскую сельскохозяйственную школу,¹⁸ которая была призвана готовить специалистов средней квалификации по животноводству и земледелию (зоотехников, ветеринаров, агрономов). На открытие спецсельхозшколы в Горно-Алтайск приезжал министр культуры Тувы¹⁹.

Контингент учащихся первого набора составил 47 человек. В 1934-35 учебном году в школе обучалось 132, в 1935-36 учебном году — 123, в 1936-37 — 125, в 1937-38 — 113, в 1938-39 — 57 человек²¹.

Следует отметить, что это была единственная школа, готовившая специалистов указанных отраслей народного хозяйства вне пределов Тувы²². Поэтому она приобретала исключительно важное значение в деле социалистической реорганизации экономики Тувинской Народной Республики. ЦК Народно-революционной партии и правительство республики придавали ей большое политическое значение. Вопрос о ней стоял на 3-м (1934 г.) пленуме ЦК партии республики²³.

Разделяя озабоченность руководства Тувинской Народной Республики проблемой квалифицированных специалистов народного хозяйства, обком ВКП(б) проявил максимум внимания к комплектованию спецшколы руководителями и преподавателями. Первым директором спецсельхозшколы был коммунист Молчанов Николай Харитонович, с 25 октября 1934 г. — Енчинов Николай (Толуш) Иванович,²⁴ член партии, алтаец, окончивший КУТВ; завучем — Тарсамлаев Федор Васильевич, коммунист, алтаец, окончил КУТВ. Преподавателями работали специалисты высшей квалификации разных национальностей — русские В. Е. Голубева, Г. И. Сукач, алтайцы Анаев И. П., В. Н. Никифоров, И. Алтайчинов, переводчик Спириин А. С., (тувинец).²⁵

Партийно-советские органы Горного Алтая создали условия для успешного функционирования спецшколы. В октябре 1934 г. было завершено строительство учебного корпуса с кабинетами, полным комплектом оборудования и учебно-наглядными пособиями, со спортивным залом.²⁶ Практику учащиеся проводили в учхозе школы и на госплемстанции в Кызыл-Озеке.²⁷

Работа школы находилась под постоянным контролем обкома ВКП(б), который неоднократно заслушивал вопрос о состоянии учебно-воспитательного процесса в школе. Так, 16 марта 1934 г. бюро обкома приняло решение: «в 2-х дневный срок оформить в с/х школе партийную группу и усилить партийное руководство школой»,²⁸ а 2-й (1934 г.) пленум обкома записал в своем решении: «во всей идеологической работе особое внимание обратить на интернациональное воспитание»²⁹.

В октябре 1934 г. работу школы проверяла комиссия обкома ВКП(б). Она отметила, что «материально-бытовые условия и культурное обслуживание студентов хорошие».³⁰

Руководство Тувинской Народной Республики следило за учебной работой студентов. В школе ежедневно проводилась политинформация по газетным материалам, читались лекции по вопросам экономики и политики СССР и Тувинской Народной Республики, о международном положении.³¹

Председатель ячейки Народно-революционной партии при школе

тов. Пичиноол, подводя итоги учебного года, говорил: «мы имеем крепкое политическое и моральное состояние студентов и всесторонний культурный и политический рост их, укрепление дисциплины, а также идейное сплочение коллектива школы»¹.

9 сентября 1935 г. на торжественном собрании школы, посвященном началу нового учебного года, с программной речью выступил, возвращавшийся с 7-го конгресса Коминтерна, секретарь ЦК Народно-революционной партии Тувы С. Тока, который высоко оценил бескорыстную помощь партии Ленина и ее небольшого отряда — областной партийной организации. Он говорил: «Для учебы нам созданы прекрасные, образцовые условия. Я это вижу лично своими глазами. Уверен, что вы будете основными кадрами по закладыванию основ постепенного перехода страны на путь некапиталистического развития»².

В заключение С. Тока поставил перед студентами основные задачи, суть которых заключалась в следующем:

«1. Поднять на должную высоту большевистский энтузиазм и положить всю энергию к тому, чтобы освоить науку, выполнить учебный план, оценки по учебе должны быть только хорошие и отличные.

2. Всесторонне укреплять учебную и общественную дисциплину.

3. Всеми силами укреплять единоначалие в школе, поднимать ее авторитет, любить и уважать руководство школы, всех педагогов.

4. Парторганизация в школе должна стать правой рукой и лучшим помощником директора в обеспечении выполнения учебно-производственного плана и плана политической работы среди студентов. Она должна являться авангардом в школе и приводить в активное движение приводные ремни: ревсомол, профсоюз. Только при условии безусловного выполнения вышеуказанных задач вы оправдаете то огромное внимание, которое уделяет нам великий Советский Союз, его партия и правительство»³.

Задачи, поставленные руководством Тувинской Народной Республики, успешно решались в 1937 г. состоялся первый выпуск школы. Народное хозяйство Тувы получило 42 специалиста средней квалификации⁴.

В настоящее время немало лиц, окончивших различные учебные заведения в Горном Алтае, стали видными работниками Тувинской АССР. Например, Б. Ш. Долчанмаа ныне является председателем Президиума Верховного Совета Тувинской АССР, заместителем Председателя Президиума Верховного Совета РСФСР; Т. Ч. Норбу — председатель Тувинского совета профсоюзов, Н. М. Конгор — заведующий сельскохозяйственным отделом обкома КПСС; С. С. Сомам — заместитель заведующего отделом пропаганды и агитации обкома КПСС Тувы, Ширитывы — заслуженный учитель школ РСФСР, Кызыл-Оол — кандидат исторических наук.⁵

ЛИТЕРАТУРА

1 Л. И. Брежнев. О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических республик. Политиздат, 1972, стр. 12.

2 П. Гордненко. Ойротия. Новосибирск, 1931. Л. Эджов. Ойротская автономная область. М., 1931. Р. И. Эйхе. Социалистическая Ойротия на новом подъеме. Новосибирск, 1935.

3 Л. П. Потапов. Очерки по истории алтайцев. Новосибирск, 1948. Его же. Очерки социалистического строительства у алтайцев в период коллективизации. Горно-Алтайск, 1961. Н. М. Киселев. Ленинская национальная политика в действии. Сб. «40 лет Советской власти». Горно-Алтайск, 1957. Н. С. Лазебный. По пути расцвета. Сб. «Под знаменем Октября (Горный Алтай за 50 лет Советской власти)». Горно-Алтайск, 1967.

4 Н. С. Лазебный. Указ соч., стр. 31.

5 История Тувы, т. 2 «Наука», М., 1964, стр. 73.

6 Там же, стр. 80.

6 Там же, стр 87

7 ПАГАО, ф. 1, оп. 1, д. 665, л. 107

8 ПАГАО, ф. 1, оп. 1, д. 416, л. 238

9 ПАГАО, ф. 1, оп. 1, д. 416, л. 238

10. ПАГАО, ф. 1, оп. 1, д. 416, л. 238.

11. ПАГАО, ф. 1, оп. 1, д. 665, л. 107.

12. ПАГАО, ф. 1, оп. 1, д. 1034, л. 25.

13. ПАГАО, ф. 1, оп. 1, д. 575, л. 63.

14. ПАГАО, ф. 1, оп. 1, д. 575, л. 119.

15. ПАГАО, ф. 1, оп. 1, д. 668, л. 18.

16. ПАГАО, ф. 1, оп. 1, д. 653, л. 95.

17. ПАГАО, ф. 1, оп. 1, д. 660, л. 88.

18. ГАГАО, ф. 189, оп. 1, д. 15, л. 1.

19. ПАГАО, ф. 1, оп. 1, д. 861, л. 43.

20. ПАГАО, ф. 1, оп. 1, д. 861, л. 36

21. ГАГАО, ф. 189, оп. 1, д. 15, л. 1.

22 Там же

23 Там же

24. ПАГАО, ф. 1, оп. 1, д. 861, л. 21.

25. ПАГАО, ф. 1, оп. 1, д. 861, л. 34.

26. ПАГАО, ф. 1, оп. 1, д. 769, л. 21.

27. ГАГАО, ф. 189, оп. 1, д. 15, л. 1.

28. ПАГАО, ф. 1, оп. 1, д. 769, л. 74

29. ПАГАО, ф. 1, оп. 1, д. 874, л. 29.

30. ПАГАО, ф. 1, оп. 1, д. 769, л. 20.

31. ПАГАО, ф. 1, оп. 1, д. 769, л. 16

32 Там же

33. ПАГАО, ф. 1, оп. 1, д. 769, л. 14.

34. ПАГАО, ф. 1, оп. 1, д. 769, л. 15.

35 ГАГАО, ф. 189, оп. 1, д. 15, л. 79.

36 Под знаменем Октября (Горный Алтай за 50 лет Советской власти) Горно-

СТАНОВЛЕНИЕ ПИОНЕРСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ГОРНОМ АЛТАЕ (1924—1934 гг.)

В постановлении Центрального Комитета КПСС о 50-лети Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина отмечается: «Пионерская организация является важным звеном в системе коммунистического воспитания подрастающего поколения, она активно участвует в решении задач идейно-нравственного становления и всестороннего развития юных граждан, активно способствует воспитанию в каждом школьнике лучших черт советского гражданина»¹.

Вместе с пионерской организацией страны прошел славный путь один из ее многочисленных отрядов — пионерия Горного Алтая. В марте 1974 года исполняется 50 лет со дня возникновения Горно-Алтайской областной пионерской организации.

История пионерского движения имеет свою литературу². Ценные теоретические положения о деятельности пионерской организации содержатся в трудах Н. К. Крупской³. Пути становления и развития пионерского движения в РСФСР частично раскрыты в трудах советских ученых-педагогов Ф. Ф. Королева, Т. Д. Корнейчика, З. И. Равкина⁴. Несколько диссертационных работ посвящено детскому движению в республиках, краях, областях и национальных районах⁵. Материал о работе первых пионерских отрядов есть в центральных и сибирских периодических изданиях двадцатых годов⁶ и в шестидесятых в те же годы книгах⁷.

Однако в целом история пионерского движения в Западной Сибири, в частности в Горном Алтае, изучена недостаточно. Бегло упоминается о пионерах двадцатых годов в Горном Алтае в работе Т. С. Майоровой «Юные ленинцы Алтая», в книге В. А. Демидова «Боевая молодость». Некоторый материал о деятельности первых пионерских отрядов находим в сборнике документов по истории Горно-Алтайской областной комсомольской организации⁸.

В данной статье мы ставим задачу показать становление пионерского движения в Горном Алтае и его роль в повышении общественно-политической и трудовой активности учащихся.

Процесс организации пионерских отрядов в Сибири, в частности в Горном Алтае, начался позднее, чем в центральных районах страны. Первая попытка делалась областным бюро РКСМ в апреле 1923 г., но она не увенчалась успехом: в начале 1924 г. вопрос о создании организации юных пионеров обсуждался Ойротским областным бюро РКСМ. Уже 28 января ячейка РКСМ при Улалинской школе 2-й ступени выделяет 9 комсомольцев и 5 комсомолок на двухнедельные курсы вожаты пионерских звеньев⁹. 3-го марта в день празднования четвертой годовщины первой комсомольской ячейки в области официально провозглашается создание Улалинской организации юных пионеров (ЮП), кото-

рая объединяла 150 детей.¹⁰ Весь отряд состоял из 13 звеньев, называвшихся тогда «патрулями».

Одновременно с возникновением пионерских звеньев в областном центре отряды юных пионеров организуются в Турачаке, Усть-Кане, Чергачаке, Чемале. К I-му областному съезду комсомола, проходившему в мае 1924 года, насчитывалось 225 пионеров¹¹. На съезде с докладом о детдвижении выступил секретарь обкома РКСМ Н. Кремлев. Съезд выдвинул задачу усиления роста пионерской организации за счет более широкого вовлечения детей коренного населения. 6 августа этого же года было избрано областное бюро пионерской организации, куда вошли от комсомола Н. Кремлев, от областного комитета партии Л. Папардэ¹².

С начала пионерское движение в области встретило серьезные трудности. Борьба за новый социалистический уклад жизни в Горном Алтае была особенно сложной. Здесь преобладали полукочевые и кочевые хозяйства, разбросанные по горным урочищам и тайге. Кочевые алтайцы представляли собой наиболее отсталую, по сравнению с оседлым русским крестьянством, часть населения. Родители не разрешали детям вступать в пионеры, носить красные галстуки, запугивали их. Реакционно настроенная часть как русского, так и алтайского населения, вела травлю не только коммунистов и комсомольцев, но и пионеров. Так, например, в с. Майма, читаем мы в отчете областного детского бюро за сентябрь 1924 года, «с появлением пионеров на улице деревенские ребятишки с плачем и испугом разбегались».¹⁴

Большим препятствием к развитию пионерского движения в области являлся огромный недостаток пионерских кадров, а имевшиеся пионерские работники очень слабо представляли себе работу с пионерами, плохо знали формы и методы пионерской работы. «Как же пионерам работать, когда родители их не пускают, а мы как ячейка дать им ничего не можем, так как сами ничего не знаем», — говорил один из делегатов комсомольской конференции в мае 1925 г.¹⁴

Тем не менее ряды пионеров продолжали расти и крепнуть. 1 мая 1925 года состоялось торжественное вручение отряду пионерских атрибутов. Впервые жители с. Улала смотрели на отряд подтянутых ребят, дружно шагающих под дробь барабана. В этот день отряду было присвоено имя Ф. Э. Дзержинского. В торжественной обстановке представители ОГПУ вручили подшефному отряду Красное знамя. Первый пионерский отряд с. Улала имел свое помещение, которое называлось вначале «красным уголком», а потом «уголком Ленина», свой каток, коньки, лыжи и прочее.

Успешное в целом развитие детского коммунистического движения в Горном Алтае определялось тем, что его заботливо направляли областная партийная организация и ленинский комсомол. В решениях обкома партии и обкома комсомола постоянно анализировалась работа пионеров, намечались пути детдвижения. Почти в каждом номере газеты «Ойротский край» публиковались материалы о пионерах. «Бережное, любовное отношение к юным пионерам, всяческое содействие со стороны старших — вот наша задача. Дети, сознательно вступающие на путь революции, готовят себя для продолжения дела своих отцов и старших братьев. Детское движение стало фактом и в нашей области. Наша организация пионеров насчитывает уже до 600 пионеров. Пионерское движение проникает уже в гущу туземных алтайских детей», — писала газета «Ойротский край» в 1924 г.¹⁶

В первые годы работа пионерских отрядов отличалась яркостью внешнего оформления (шествия под звуки горнов и барабанов, карнавалы, митинги и пр.), целью которого являлось привлечение внимания населения и неорганизованной молодежи и детей. Отрядные сборы со

всеми пионерскими атрибутами и ритуалами проходили на открытых площадках, где частыми гостями были взрослые и дети. На открытых сборах, в присутствии односельчан ребят принимали в пионеры. С напутственными словами выступали коммунисты и комсомольцы. После таких сборов родители меняли свое отношение к ребятам в красных галстуках, ряды пионеров росли.

Содержание работы первых пионерских отрядов определялось участием их в борьбе с разрухой, неграмотностью, беспризорностью, с церковным влиянием. Пионеры знакомились с окружающей общественной жизнью, с жизнью и работой детских организаций зарубежных стран, с деятельностью Коммунистической партии и ленинского комсомола путем бесед, сборов, костров, вечеров, активного участия в митингах и демонстрациях.

Большую помощь пионеры оказывали избам-читальням, при которых часто создавались пионерские отряды, народам — в устройстве праздников, в разноске книг, оказывали содействие открытию детсадов и детских в деревне. Пионеры всегда были активны в любом деле. В газете «Обротский край» 31 декабря 1924 года сообщалось, что пионеры-ленинцы Успенского отряда, услышав печальное известие о пожаре в Озеро-Куреевском интернате и помня долг товарищества, поставили платный спектакль, произвели сбор пожертвований среди товарищей, среди школьников и граждан с Чон и деньги послали в Озеро-Куреевский интернат. «Призываем всех товарищей — юных пионеров и учащихся школ Успенского аймака и всей Обротской области прийти на помощь пострадавшим. Кто следующий? Пионер! Будь готов!»

Пионерская организация области была активным помощником в деле пропаганды достижений науки и техники, сельского хозяйства. Так, например, 14 декабря 1924 года пионеры села Озеро Куреево под руководством комсомольской ячейки своего села провели праздник «День урожая». Областная газета писала: «На празднике было так много народу, что желающие не могли вместиться в школу, и потому стояли на улице и смотрели в окна»¹⁸.

Интересная работа велась в духе интернационального воспитания. Пионеры завязывали переписку с ребятами из других стран. «Несколько месяцев существует наша организация в Обрате, — писали деревенские пионеры Улалинским ребятам, но за это время мы еще до сих пор не установили тесной переписки. Мы поотрядно пишем сейчас братьям пионерам Франции, Германии, Италии»¹⁹.

Видное место отводилось трудовому воспитанию пионеров. Создавались пионерские огороды, отряды по борьбе с сорняками и вредителями полей и огородов. Бывшая пионерка В. Шилова вспоминает, что пионеры Чемала собирали кучи вредителей полей — гусениц, саранчи. Совместно с ячейками комсомола пионеры участвовали во всех общественно-хозяйственных начинаниях: в починке мостов, в организации пожарного сарая, в помощи погорельцам.

Серьезный вклад внесли первые пионерские отряды в дело пропаганды культурных привычек и навыков как среди русского, так и среди алтайского населения. Пионеры изучали правила личной и общественной гигиены, распространяли их в массах. Они принимали участие в рытье канав и очистке деревенских улиц и дворов от талого снега и грязной воды, брали на себя заботу о чистоте колодцев. Это было особенно важно для отсталой в культурном отношении национальной окраины Сибири. Первые пионеры области вспоминают, как, идя на пионерский сбор, они тщательно умывались, так как перед началом сбора у всех проверяли чистоту рук, ног, шеи и ушей. Устранялись соревнования по чистоте: «Кто чище», «Кто аккуратнее».

С первых дней существования пионерская организация привлекала

к себе внимание трудового крестьянства, добываясь его признания. Большую помощь в этом деле оказывали женсоветы. В докладе представителя городского бюро юных пионеров тов. Тыдыковой «О состоянии работы пионерской организации за период с 1 мая по 1 сентября 1926 года» отмечалось: «Идет бурный процесс втягивания неорганизованной молодежи и детей в пионерскую организацию. Отмечаются факты, когда родители интересуются делами пионеров, приходят на сборы, приводят детей, чтобы записать их в октябрята и пионеры»²¹. За год, прошедший со дня организации первых пионерских отрядов, их ряды значительно расширились. Рост пионердвижения в Горном Алтае за период с 1-го апреля 1924 г. по 1 апреля 1925 г. следующий²²:

Год	Общее число пионеров, (чел.)	Процент пионеров от общего числа учащихся	Национальный состав	
			всего (чел.)	процент от общего числа пионеров
1924	237	1,6	русских 189 алтайцев, казахов и др нац 48	80,0 20,0
1925	1040	5,0	русский 863 алтайцев, казахов и др нац 177	83,1 16,9

Значительный охват детей пионерской организацией, рост ее рядов, ее влияние на школу и другие детские учреждения отметил 2-й областной съезд РКСМ, проходивший в мае 1925 г.: «Пионерская организация области переживает момент перехода от организационного оформления к углублению ленинского воспитания, на рельсы общественной, трудовой работы, к массовому детскому движению»²³. На съезде было дано направление дальнейшей работе пионерских отрядов: углубление партийно-комсомольского влияния на воспитание в отрядах, привлечение детей к практическому участию в жизни трудящихся области, интернациональное воспитание, изучение алтайского ребенка, его социально-психологических особенностей, непосредственная связь со школой. Как известно, первые пионерские отряды формировались не в школах, а на производстве, в учреждениях, детдомах. В школах создавались форпосты из 5—7 человек. На общем собрании форпосты ставили отчеты пионеров, работающих в органах ученического самоуправления, обсуждали учебные и организационные планы. В резолюции 2-го областного съезда РКСМ был специальный пункт о форпостах в школе: «Организационное оформление форпостов в школе не как орган управления, а как политической организации детей. Форпосты должны быть проводником коммунистического влияния на школу, приблизить школу к практической жизни села, деревни»²⁴.

Анализируя материалы из опыта работы пионерских отрядов, начиная с 1926 по 1928 годы, можно отметить определенное оживление активности детей в общественно-политической жизни, в овладении техникой, в работе в сельском хозяйстве. Особое внимание в этот период обком ВЛКСМ уделял национальным пионерским отрядам. В постановлении обком ВЛКСМ «О национальной работе в отрядах и звеньях юных пионеров», принятом в 1927 г., отмечалось: «В настоящее время идет рост пионерских отрядов за счет алтайской детворы. За 3,5 месяца вступили 111 человек»²⁵. Стали создаваться национальные звенья юных пионеров в Бешпельтире, Чемале.²⁶ К концу года в области насчитывалось 8 национальных отрядов (492 пионера-алтайца)²⁷.

16 июля 1929 года бюро областного комитета партии приняло решение о переводе алтайского населения, ведущего кочевой и полукочевой образ жизни, на оседлость.³⁰ Пионерская организация области активно включилась в пропаганду решения областного комитета партии. Так, например, пионеры Чепюша, Узисси, Бешпельтира и многих других аймачных организаций объявили «поход за урожаем». Они делали грядки на которых выращивали разнообразные сельскохозяйственные культуры, участвовали в празднике «первой борозды», вели борьбу с сусликами, проводили широкую организационную работу в период сельскохозяйственных кампаний и т. д.

Пионерская организация проводила большую работу в области антирелигиозной пропаганды при непосредственном руководстве и помощи комсомольских ячеек. Комсомольцы создавали ячейки «Союза безбожников», куда привлекали и пионеров. В Уймоне, например, насчитывалось 7 ячеек «Союза безбожников» (116 человек), в Онгуде — 6 ячеек, в Шебалинском аймаке была проведена кампания передачи церкви под народом, в Онгуде церковь была отдана под школу. Совместно с комсомольцами пионеры принимали участие в «комсомольских рождествах» и «пасхах», устраивали пионерские «октябрины», проводили физические и химические опыты, разоблачая религиозные «чудеса».

Привлечение пионеров к активному участию в улучшении окружающей жизни, в строительстве нового, социалистического общества сплачивало детей, способствовало развитию их творчества, повышало авторитет пионерской организации среди взрослого населения и неорганизованных детей и молодежи.

Организация разумного и веселого отдыха детей являлась составной частью деятельности пионеров. Пионеры устраивали дальние и ближние походы, прогулки, различные игры, оживилась работа кружков, физкультурная работа.

Вся работа пионеров с 1926 по 1929 г. строилась по системе заданий, принятой на расширенном пленуме Центрального бюро детской коммунистической организации (ЦБДКО) в сентябре 1926 г. На основе этих заданий обком ВЛКСМ выдвинул конкретные задачи перед областными пионерскими отрядами, которые в свою очередь реализовывали их. Положительная сторона этой системы заключалась в том, что главным в ней была общественно полезная работа. Этот метод внес некоторое оживление в работу пионерской организации, но довольно быстро отжил, так как перестал отвечать интересам и требованиям организации пионеров. Основной недостаток системы общественно необходимых заданий заключался в том, что пионерская организация отставала от тех задач, которые вытекали из роста сети школ и увеличения числа учащихся. Во многих случаях отсутствовал учет запросов и интересов детей, задания зачастую составлялись наспех, непродуманно, а потому не могли заинтересовать детей предстоящим делом.

В связи с перечисленными выше недостатками ЦК ВКП(б) принял 25 мая 1928 г. постановление «О состоянии и ближайших задачах пионердвижения», в котором дал исчерпывающие указания о роли и значении пионерской организации: «Не допуская, чтобы пионерская организация стояла в стороне от важнейших событий общественно-политической жизни страны, необходимо элементы политического воспитания сделать лишь частью всей воспитательной работы и давать их в формах, отвечающих детскому возрасту, нельзя допускать сухой политической учебы, перегрузки детей собраниями, заседаниями, непосильной работой в связи с политическими и хозяйственными кампаниями»³¹.

Учитывая решения ЦК ВКП(б), ЦК ВЛКСМ совместно с научно-педагогическими работниками выработал новую систему пионерской работы. Сущность ее заключалась в том, что вся работа с пионерами

должна строиться, исходя из примерного круга общественно-полезных дел и связанных с ними навыков и знаний, приспособленных к основным возрастным группам детей, с одной стороны, и исходя из запросов детей и потребностей района, с другой. Это означало, во-первых, сочетание задач коммунистического воспитания с запросами и интересами детей; во-вторых, постепенность и ступенчатость в работе; в-третьих, максимальное развитие самостоятельности пионеров, их инициативы. Необходимым условием перехода пионерской организации к работе по-новому должно было стать коренное улучшение руководства со стороны ленинского комсомола.

Одной из форм массового участия детей в обсуждении актуальных вопросов пионерской работы явились пионерские слеты. Первый пионерский слет состоялся 3-го августа 1929 г. Газета «Ойротский край» приветствовала юную пионерню области. Прибыли пионеры в областной центр г. Улалу из глухих урочищ, с гор, из таежных деревень. Они собрались для того, чтобы обсудить и решить большие вопросы, они ведь должны продолжать то дело, которое начали их отцы в октябре 1917 г. Стройно в колоннах, твердой поступью идут ленинцы на первый в истории пионерского движения митинг областного слета. Гурьбой за ними бегут неорганизованные ребятишки. Не стесняясь, широко раскрыв рты, полным голосом поют пионеры «Буденовку», — писала газета²².

Первый пионерский слет продемонстрировал активное участие пионерии области в строительстве социализма. Слет выявил нужды и требования юных пионеров. В резолюции слета было записано: а) выделить в избах-читальнях специальную детскую библиотеку; б) организовать во всех школах столярные мастерские; в) обеспечить детей бедноты одеждой и обувью; г) изыскать средства для открытия кабинета пионеров, включить в план пятилетнего строительства в области пионерские клубы; д) шире развернуть работу по охвату алтайской детворы школой; а) организовать огороды при каждой школе²³.

Слет потребовал от хозяйственных, кооперативных, советских органов помощи детскому движению. На слете было принято торжественное обещание юного пионера: «Я, юный пионер СССР, перед лицом своих товарищей даю торжественное обещание, что буду твердо стоять за рабочее движение всего мира, честно и неуклонно выполнять заветы В. И. Ленина!»²⁴.

Лучшим пионерам выпала честь представлять областную пионерскую организацию на Всесоюзном пионерском слете в Москве, проходившем с 18 по 25 августа 1929 г. Делегатами области на Всесоюзном слете были: В. Колточакова-Шилова, ныне почетная пионерка дружины школы № 4 г. Горно-Алтайска, М. Тодогошев — ныне работник редакции «Алтайдык Чолмоны», В. Качканакова — в настоящее время работает в животноводстве с Сайдыс, П. Манжин и др. Всего от алтайских пионеров на слет ездили 10 ребят²⁵.

В период с 1930 по 1934 гг. пионерская организация работала в условиях дальнейших успехов социалистического строительства, укрепления и роста советской школы, в условиях введения всеобщего обязательного начального обучения. Пионерская организация области, к этому времени уже массовая политическая организация детей, направляла всю свою энергию на активное участие в социалистическом строительстве, все шире распространяла свое влияние на массы детей как в школе, так и вне ее.

В информационной сводке от 10 апреля 1930 г. «О ходе участия пионерской организации Ойротской области в весенней сельскохозяйственной кампании» сообщалось, что в Улале проведены недельные курсы для пионеров. После прохождения курсов организовано три брига-

ды, которые посылались на 10 дней в помощь пионерским колхозным отрядам. Пионеры г. Улала собрали 25 пудов золы для удобрения колхозных полей, организовали пионерский сельскохозяйственный участок площадью в 1 га³⁶. Пионеры Майминского аймака рапортовали о своих трудовых делах: «Просортировано пятью пионерскими отрядами 71 ц семенного материала, выпосно 27 телят, успешно работают кружки кролиководов и птицеводов. Пионерами обучено 200 человек неграмотных»³⁷. Пионеры Чемала «Организовали 12 кружков птицеводов, 6 кролиководческих, распространили на 59 руб. литературы. Провели 7 собраний с неорганизованной детворой по семено-хозяйственной кампании. Организовали 9 сельско-хозяйственных пионерских участков, работает 11 детских пионерских бригад»³⁸.

Пионеры оказали большую помощь также в разоблачении дезорганизаторов колхозного движения, пьяниц, влостных прогульщиков, расчётчиков колхозной собственности.

В феврале 1931 г. областная организация пионеров включилась во Всесоюзную колхозную эстафету, которая проводилась по 7 основным маршрутам: 1) за коллективизацию и механизацию; 2) за животноводство; 3) за корм; 4) за хлеб; 5) за национальную культуру; 6) за социалистический труд; 7) за овощи, лен, сою. Пионеры работали на совесть, отдавая весь жар и пыл своих сердец общественным делам. С 1-го августа 1931 г. обком ВЛКСМ объявил «Месячник штурма за овладение техникой». Месячник прошёл по линии пропаганды техники, содания технического актива, технических кружков, организации обществ «Техника массам». В сентябре 1931 г. на заседании обкома ВКП(б) и обкома ВЛКСМ было решено открыть областную детскую техническую станцию (ДТС) в Ойгудайском аймаке, которая в дальнейшем стала организационно-методическим центром по технической и агротехнической пропаганде детей и взрослого населения. В 1939 г. 6 юных техников ДТС были делегированы в Москву на ВСХВ.

В тридцатые годы было положено начало экскурсионно-туристическим походам пионеров. На усиление экскурсионно-туристической работы с детьми указывал ЦК ВКП(б) в своем постановлении «О работе пионерской организации» от 21 апреля 1932 г.: «ЦК ВКП(б) объявляет Наркомздравы союзных республик совместно с ЦК Красного Креста, советами физической культуры и Обществом пролетарского туризма всемерно расширять охват пионеров туризмом»³⁹. Краевой комитет ВЛКСМ и Краевое бюро юных пионеров разработали «Положение о кружках «Юные друзья организации путешествий, туризма, экскурсий» (ЮДОПТЭ). Задача кружков заключалась в организации внешкольного досуга детей. Кружки ЮДОПТЭ способствовали правильному отдыху детей, укреплению их здоровья, удовлетворению запросов и интересов ребят в области географии, экономики, естествознания, в изучении родного края.

В 1934 г. по инициативе И. В. Мичурина была организована Четвертая Всесоюзная экспедиция по Алтаю. Об этой экспедиции И. В. Мичурин писал, что пионеры, пройдя свыше 500 км в трудных условиях глухого таежного и горного бездорожья, по р. Катунь от Ойрот-Туры до Кош-Агача, — за два месяца собрали массу ценных в хозяйственном отношении плодовых, пищевых и декоративных растений.

Наряду с успехами в работе пионерских отрядов этих лет наблюдались и серьезные недостатки. Главный из них партия видела в том, что пионерская организация обращала недостаточно внимания на учебу пионеров. Указывая на возрастающую роль школы в социалистическом строительстве, на исключительное значение и подъем ее учебно-воспитательной работы, ЦК ВКП(б) в своем постановлении от 5 сентября 1931 г. «О начальной и средней школе» внес ясность в вопрос

о взаимоотношении школы и пионерской организации Областной комитет ВЛКСМ неоднократно обсуждал вопрос о направлении всей работы пионерской организации на борьбу за качество обучения, за воспитание в пионерах чувства сознательного, социалистического отношения к учебе и труду. Для организации контроля за учебной работой в 30-е годы были созданы «отряды легкой кавалерии». Это были своеобразные рейдовые бригады, которые проверяли состояние учебной работы пионеров, их помощь родителям, подвергали общественной критике антисанитарное состояние школьного двора, общественных столовых, проверяли готовность школ к новому учебному году⁴⁰.

Новые знания пионеры и школьники получали в предметных, технических и сельскохозяйственных кружках в школе, в пионерских клубах, пионерских кабинетах. На сборах дети знакомились с научно-популярными книгами, слушали беседы о лучших представителях отечественной науки, об их открытиях и изобретениях, а потом сами брались конструировать модели, изобретать и рационализировать.

В 1934 г. постановлением обкома ВЛКСМ в Ойрот-Алтайском, Улаганском аймаках были открыты аймачные пионерские клубы. При них работали разнообразные кружки: моделистов, хоровой, драматический, сельскохозяйственный. Учащиеся 12-й школы г. Ойрот-Тура Иофе, Пушенихи и Бельский были утверждены участниками Всесоюзной олимпиады детского творчества по радиотехнике⁴¹.

Улучшилось руководство пионерскими отрядами со стороны комсомола. Этому способствовало решение ЦК ВКП(б) о создании в школах комсомольских организаций (1934 г.). С целью улучшения руководства пионерской работой было предложено провести с начала 1934-35 учебного года переукрупнение пионерских отрядов с тем, чтобы в каждом отряде насчитывались не более 40 пионеров. Это мероприятие потребовало 200 дополнительных вожатых по стране. В 1934 г. на основании приказа Наркома просвещения было мобилизовано 1000 учителей-комсомольцев на работу в качестве освобожденных пионервожатых⁴². Нарком требовал повышения общей и специальной педагогической квалификации не менее чем 5000 пионервожатых в течение 1935 г.⁴³

Комсомол Горного Алтая откликнулся на призыв по мобилизации, отправив лучших своих комсомольцев на работу в пионерские отряды. Так, в резолюции 8-й областной конференции (апрель 1936 г.) было записано: «Организовать систематическое проведение областных и аймачных курсов вожатых пионерских отрядов и октябрятских групп»⁴⁴.

Таким образом, благодаря постоянной заботе и вниманию к работе областной пионерской организации, за сравнительно короткий срок пионерское движение в области приобрело авторитет и выработало формы работы, которые в последующие годы получили дальнейшее развитие и совершенствование. Начав оформляться в 1924 г., пионерия Горного Алтая к 1932 г. насчитывала в своих рядах 4563 пионера, из них 2053 алтайских и казахских ребят⁴⁵.

Вся история пионерского движения — это поиск и борьба, успехи и достижения, постоянное совершенствование содержания и форм пионерской работы. Неуклонно растут ряды пионерской организации, повышается ее роль в коммунистическом воспитании детей. В пионерской организации воспитывалось поколение, свободное от религиозных, расовых и иных предрассудков, активное в своем отношении к жизни, стремящееся к творчеству, к личному участию в перестройке общества на коммунистических началах.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Правда», 1972, 26 марта
2. А. И. Гусев Год за годом. М., «Молодая гвардия», 1970 г.; В. И. Дмитриевский. Бей барбоса. Л., Детгиз, 1964 г.; В. М. Мидайлов Твое поколение. М., «Детская литература», 1964 г.; Смена комсомола (Документы, воспоминания, материалы по истории Всесоюзной пионерской организации им. В. И. Ленина). М., «Молодая гвардия», 1964 г.; Э. С. Саволова и В. А. Тобарко Всесоюзная пионерская организация имени В. И. Ленина. М., изд. АПН РСФСР, 1963 г.; В. Г. Яковлев Рождение пионерской организации им. В. И. Ленина. М., изд. АПН РСФСР, 1962 г.
3. И. К. Крупская Педагогические сочинения, т. 5. Друг большой и заботливый (Переписка И. К. Крупской с пионерами 1924—39 гг.). М., «Молодая гвардия», 1969. О возникновении пионерской организации В. И. К. Крупская о юных пионерах. М., 1957.
4. Ф. Ф. Королев, Т. Д. Корнейчик, З. И. Равкин. Очерки истории советской школы и педагогики 1921—1931 гг. М., изд. АПН РСФСР, 1961, и др.
5. В. Г. Яковлев. Возникновение детского коммунистического движения в РСФСР (1922—1941 гг.). Ю. В. Гербеков «Создание и развитие пионерского движения в Узбекистане», Р. Д. Иржанова Возникновение и развитие пионерского движения в Казахстане», Н. А. Гансбург К истории развития пионерского движения в Восточной Сибири (1920—1942 гг.) Иркутск, 1964.
6. «На пути к новой школе» — журнал НКП РСФСР, «Вождь» — журн. ЦК ВЛКСМ; газ. «Пионерская правда», «Сибирский педагогический журнал», «Прозвучание Сибири», и др.
7. Н. Степанов. Деревенским комсомольцам о пионерах. Сибрайндат, 1925. Готовься к зиме. (Задания пионерской организации Сибирского края по подготовке к весенней сельхозкампании. Новосибирск, 1930. Задания деревенским отрядам Облротской области на зимний период. Обл. бюро ю. п., Улала, 1928. Сибирская советская энциклопедия, т. 4, Новосибирск, 1932. Л. Овалова и А. Шаповалова. Илья в Обротии. М., 1931 г.
8. Т. С. Майорова. Юные ленинцы Алтая. Барнаул, 1969; В. А. Демидов. Боевая молодость Горно-Алтайск, 1963; Дорогой отцов. Горно-Алтайск, 1970; Е. Я. Борина. Юные ленинцы Горно-Алтайск, 1962 (на алтайском языке)
9. ПАНО, ф. 187, оп. 1, д. 361, л. 17
10. ПАНО, ф. 187, оп. 1, д. 361, л. 31
11. Там же
12. Там же л. 29
13. Там же л. 31.
14. Там же
15. ПАГАО, ф. 1, оп. 1, д. 1, л. 147
16. «Обротский край», 1924, 24 сентября
17. «Обротский край», 1924, 31 декабря
18. Там же
19. «Обротский край», 1924, 24 сентября
20. ПАГАО, ф. 4, оп. 1, д. 4, л. 124
21. ПАГАО, ф. 4, оп. 1, д. 4, л. 135
22. Таблица составлена на основе данных ПАГАО, ф. 4, оп. 1, дд. 5, 6.
23. ПАГАО, ф. 4, оп. 1, д. 1, л. 145
24. ПАГАО, ф. 4, оп. 1, д. 1, л. 152
25. ПАГАО, ф. 4, оп. 1, д. 5, л. 63
26. Там же
27. Там же
28. В. А. Демидов. Переход алтайцев на оседлость. Барнаул, 1968, стр. 49
29. ПАГАО, ф. 4, оп. 1, д. 6, л. 130
30. ПАГАО, ф. 4, оп. 1, д. 5, л. 92
31. Документы партии о комсомоле. М., «Молодая гвардия», 1969, стр. 230
32. «Обротский край», 1929, 4 августа
33. «Обротский край», 1929, 6 августа
34. Там же
35. Из воспоминаний пионерки 20-х годов В. Каттачаковой Шиловой.
36. ПАГАО, ф. 4, оп. 1, д. 5, л. 156
37. Там же
38. Там же
39. Документы ЦК КПСС и ЦК ВЛКСМ о работе Всесоюзной пионерской организации им. В. И. Ленина. М., «Молодая гвардия», 1970, стр. 38
40. ПАНО, ф. 196, оп. 1, л. 199, л. 2
41. ПАГАО, ф. 4, оп. 1, д. 9, л. 162
42. ПАГАО, ф. 55, оп. 1, д. 526, л. 133
43. Там же
44. ПАГАО, ф. 4, оп. 1, д. 10, л. 23
45. Сибирская советская энциклопедия т. 4, 1932, стр. 103

УЧАСТИЕ ТРУДЯЩИХСЯ ГОРНОГО АЛТАЯ В ПЕРВОЙ РЕВОЛЮЦИИ (1905—1907 гг.).

Важной чертой первой революции являлось то, что под влиянием революционных боев рабочих и крестьян центральных губерний России на борьбу с самодержавием поднимались и народные массы национальных окраин.

В. И. Ленин, характеризуя обстановку в стране после 9 января, писал «Сотни революционных социал демократов «внезапно» выросли в тысячи, тысячи стали вождями от двух до трех миллионов пролетариев. Пролетарская борьба вызвала большое брожение, частью и революционное движение, в глубинах пятидесяти-ста миллионной крестьянской массы, крестьянское движение нашло отклик в армии и повело к солдатским восстаниям, к вооруженным столкновениям одной части армии с другою. Таким образом, колоссальная страна со 130 миллионами жителей вступила в революцию, таким образом дремлющая Россия превратилась в Россию революционного пролетариата и революционного народа»¹.

К этому движению примкнули трудящиеся Горного Алтая².

В 1905—1907 гг. на этой национальной окраине, являвшейся собственностью царского Кабинета, проживало около 48 тыс. чел.³

Среди населенных пунктов выделялись села Улала (ныне г. Горно-Алтайск), Майма, Черный Ануй, Чемал, Черга, Катанда, Нижний и Верхний Уймон, Усть-Кокса, Усть-Кан, Онгудай. Кроме русских, а основном переселенцев из Европейской России, в этих селах проживали также алтайцы, перешедшие к оседлой жизни⁴.

Весть о начавшейся в стране революции трудящиеся Горного Алтая — русские и алтайские крестьяне восприняли с воодушевлением, однако, до осени 1905 г. воздерживались от открытых выступлений. Мощным толчком к революционному действию явилась Октябрьская стачка 1905 г. «Всероссийская политическая стачка, — писал В. И. Ленин, — охватила на этот раз действительно всю страну, объединив в героическом подъеме самого угнетенного и самого передового класса все народы проклятой «империи» Российской»⁵.

8 ноября 1905 г. в Улале состоялся многолюдный митинг, — первый в истории села и края. На нем с большой речью о происходящей в стране революции выступил волостной писарь Юдалевич. Он, по словам Бийского исправника, «очень подробно и с большой настойчивостью объяснял о сходках, митингах и прочих формах протеста со стороны революционеров». Учителя Блинов и Косвинцев, выступавшие вслед за Юдалевичем, не только осудили антинародные действия полиции, но потребовали от присутствовавшего на митинге станového пристава «никого не держать в каталажке, а арестованных отправлять по домам»⁶.

Активизировали свои действия крестьяне Черного Аюя, одного из крупнейших тогда сел Горного Алтая. В корреспонденции, присланной в Томск в феврале 1906 г., говорилось: «До настоящего времени Черный Аюй спал мертвым сном, но со дня опубликования манифеста 17 октября проснулся и стал оживать. Теперь часто у нас устраиваются митинги. На последнем митинге была вынесена резолюция: «требовать отчета писаря и сельского старосты в податях и налогах»⁷.

Кроме крестьян, в революционных событиях в Черном Аюе активное участие принимали учителя местной школы. Об этом, между прочим, сообщалось в донесении начальника Томского губернского жандармского управления губернатору в январе 1906 г.⁸

Крестьянское движение в Горном Алтае развевалось под влиянием многих факторов. Огромное значение имели большевистские листовки, которые поступали по разным каналам из городов Барнаула и Бийска. Известное влияние оказывал Крестьянский союз Бийского уезда, который возник, как видно из корреспонденции из Бийска в Томск, после октябрьских событий 1905 г.⁹ Организаторами союза были представители революционно настроенной интеллигенции города Бийска, в частности Ешин Леонид Петрович (род. в 1857 г.) — в прошлом народоволец, осужденный в 1887 г. по делу Германа Лопатина на пожизненную ссылку в Сибирь. Крестьянский союз Бийского уезда являлся частью Всероссийского крестьянского союза, основанного летом 1905 г. Всероссийский крестьянский союз, писал В. И. Ленин, массовая организация, «безусловно революционная в своей основе, способная применять действительно революционные методы борьбы»¹⁰.

Крестьянским союзом Бийского уезда было выпущено и распространено большое число листовок, в которых простыми словами пропагандировались идеи демократизации общественного строя в стране путем созыва Учредительного собрания, передачи земли народу¹¹. Вот что писал Бийский уездный исправник Иванченко Томскому губернатору 28 февраля 1906 г.: «В д. Усть-Коксе Уймонской управы старостой Уймонской инородческой управы в лавке запасного матроса Савватия Чеканцева обнаружена продажа листовок, печатанных в типографии И. Н. Кольмина и С. П. Аврова»¹² и выпущенных без предварительной цензуры, под заглавием: 1) «Где правда?», 2) «Народовластие» и 3) «Кого и как выбирать в Государственную думу». На спрос приказчика Чеканцева — Артема Чупина откуда приобретены в лавку означенные листки и для какой цели, последний объяснил, что листки эти присланы хозяину его, Чеканцеву, вместе с товаром для продажи в количестве 30 экземпляров и все эти брошюры (листки — П. К.), за исключением 3 экземпляров, проданы разным лицам и в разные места, но кому именно он, Чупин, упомянуть не может, кроме инородки (алтайки — П. К.) заселка Огневскя Акулины Пантелеевны Черновой, которая купила у них в лавке 3 листка по 1 копейке за каждый»¹³.

Нелегальные листовки возбуждающе действовали на крестьянские массы Горного Алтая. Это тревожило не только царскую администрацию, но и духовенство. Вот что писалось в отчете Алтайской духовной миссии за 1906 г.: «То, что делалось в России, в частности в нашей губернии, в бесславные октябрьские дни минувшего года, грязной волной докатилось и до Алтая. Появились массы летучих листов, брошюр, прокламаций с бесшабашным отрицанием всего святого, с осмеянием самых дорогих верующему сердцу истин. Эта чудовищная подпольная литература развозилась по всем деревням и местечкам целыми пудами, раздавалась открыто на улицах и по домам. Можно предполагать, что получилось от этого. Всякий малограмотный мужик или баба преважно брались осуждать весь существующий строй,

критиковать не только действия земных властей, но и протягивать грязную лапу к вечным истинам евангелия»¹⁴.

Крестьяне те только «преважно» брались осуждать царское самодержавие. Они на деле показывали свою ненависть к царизму. Это, в частности, нашло отражение в избивании должностных лиц. 2 января 1906 г. на помощника управляющего Бийским имением на одной из улиц Улалы было совершено нападение запасными нижними чинами. Один из них нанес чиновнику удар по голове. «Задержать кого-либо не удалось, — говорится в докладной записке заведующего лесной частью начальнику Алтайского округа, — так как местные полицейские власти бездействовали и становой пристав с Улалы объявил себя больным»¹⁵.

Бездействие полиции и «болезнь» пристава безусловно были вызваны страхом перед разбушевавшимися жителями Улалы. 11 января 1906 г. Бийский уездный исправник телеграфировал в Томск: «В селе Улалинском 7 января крестьяне, запасные избили старшину, освободили арестованных, угрожают разгромить волость, становую квартиру, убить пристава, урядников»¹⁶. Через три дня в Улале был избит полицейский урядник Калковский, совершавший ночной обход улиц¹⁷. 11 в этом случае виновники остались не раскрытыми. Исправник Иванченко писал, что несмотря на принятые становым приставом «энергичные» меры к обнаружению виновных в нанесении побоев уряднику Калковскому, «таковых не обнаружено»¹⁸.

С выступлениями в Улале перекликались действия крестьян Онгудая. В телеграмме уездного исправника в Томск от 17 декабря 1905 г. сообщалось: «В селе Онгудая кучка крестьян освободила арестованного старостой крестьянина, разбив каталажку»¹⁹.

Своеобразной формой классовой борьбы в Горном Алтае были самовольные порубки леса. В этом движении, начавшемся в первых числах января 1906 г., участвовали крестьяне многих сел. В объезде № 20 жителями Улалы, Маймы, Чергачака, Платова, Верх-Сетовки было срублено, по словам помощника управляющего Бийским имением Борзенко, не менее 8000 пихтовых, сосновых и лиственничных деревьев. Затем в Катунской черни от Манжерокской поскотинны до Маймы был вырублен сосновый лес на площади 1500 десятин²⁰.

В самовольных порубках леса участвовали как русские крестьяне, так и алайцы.

Порубки леса в Бийском имении, в частности в Горном Алтае, носили настолько массовый характер, что администрации Барнаула и Бийска пришлось принимать срочные меры. В январе 1906 г. в помощь существовавшей лесной страже был сформирован дополнительный отряд в 20 человек. По объяснению управляющего имением Булаваса, кое-где удавалось остановить порубки и задерживать порубщиков. Но, замечал он, «обыкновенно крестьяне, сваливая, по требованию стражи, (порубленный) материал, тут же заявляли, что по уходе с места отряда они вновь приедут за лесом, что и исполняли в действительности»²¹.

Обстановка оставалась тревожной. В феврале Булавас отправился в казачьи станицы Бийского уезда (Терская, Антоиьевская, Николаевская) и организовал отряд казаков из 39 человек. Вооруженный винтовками и шашками отряд в срочном порядке был переброшен в районы массовых порубок леса. 2 марта казаки, возглавляемые Булавасом, прибыли в Улалу и блокировали лесовозные дороги. В селе начались массовые обыски и секвестрование порубленного леса.²² Активное содействие казакам при этом оказывал новый становой пристав Улалы, бывший пристав села Алтайского (прежний пристав Улалы Чертков был отстранен от должности, как лицо не вполне надежное).

В конце марта 1906 г. совместными усилиями казаков, полиции, ре-

гулярной и наемной стражи самовольные порубки леса в Бийском имении, соответственно в Горном Алтае, были приостановлены. Но факты самовольной порубки имели место вплоть до конца революции. Летом 1907 г. администрация была вынуждена признать, что самовольные порубки не прекращают алтайцы, проживающие в селениях Кумандинской и Нижне-Кумандинской волостей. Среди самовольных порубщиков леса на Калташа значились алтайцы Тотнаевы, Быстросовы и др.²⁵

Видное место в событиях 1905—1907 гг. в Горном Алтае занимали отказы крестьян от уплаты податей в царскую казну. Движение это было особенно сильно у русских крестьян. Под влиянием их выступления стали отказываться от уплаты податей и оседлые алтайцы. В отчете Алтайской духовной миссии за 1907 г. говорилось, что среди алтайцев кумандинцев нашлись лица, которые «возмущали своих собратий не платить податей». И далее: «Некоторых из этих агитаторов сослали в Нарымский край, но остальные все же не унимаются²⁶. Есть сведения, что в начале 1906 г. алтайцы села Чопоша высказывали свои недовольства и недоумения «по сбору с них разных земских повинностей»²⁷.

Революция всколыхнула протест и алтайских крестьян против засилья христианской религии. Выразительницей интересов ее в Горном Алтае являлась Алтайская духовная миссия, основанная в 1828—1830 гг. Миссия вначале оказывала влияние на приобщение алтайцев к цивилизации. Но в компенсацию за свои «услуги» миссионеры беспощадно эксплуатировали аборигенов. Недовольство политикой отца миссионеров, накапливаемое годами, со всей отчетливостью проявилось в 1905—1907 гг.

В отчетах Алтайской духовной миссии за 1906—1907 гг. подчеркивалось, что прежние «благожелательные и доверчивые» отношения инородцев к миссионерам «как-то ослабли, изменились»²⁸. В доказательство указывалось на то, что алтайцы совместно с русскими отказываются выполнять обязательства по содержанию причтов и церквей. «Из-за каждой копейки причтового жалования, из-за каждого полена дров для церкви, — писало руководство миссии, — миссионеры приходилось много хлопотать перед обществами русских и инородцев (алтайцев — П. К.)»²⁹. Известны факты, когда крестьяне отказывались не только содержать на свой счет священников, но и покушались на земельные участки церквей, монастырей и отдельных миссионеров. В Чопоше, например, один из алтайцев — потомков древнего рода Т- (имя неизвестно) подговаривал односельчан «отобрать у миссионера покосный участок»³⁰.

Особое «непочтение» проявлялось к Николаевскому женскому монастырю, который находился в 7-ми верстах от Улалы, в Кызыл-Озек. Имея около 7000 десятин земли, монастырь ради своего благополучия жестоко эксплуатировал жителей близлежащих сел. Примечательна в этом отношении история «расцвета» монастыря. В 1890 г. игуменья Стефанида приняла монастырь «бедным и малоустроенным». К 1914 г. она выстроила новый монастырь, в котором имелось несколько капитальных корпусов для келий, свечной завод и т. д. Монастырь состоял из двух храмов, один из которых — каменный летний собор, обширный по размерам и сложной архитектуры, стоил около 100.000 руб. При таких громадных затратах монастырь не только не имел долгов, но хранил в запасе около 30.000 руб.³¹

В 1905—1907 гг. беднота предприняла попытку пресечь грабительство монахов. Крестьяне отказались выполнять повинности — обрабатывать пашни, заготавливать сено, править дороги, чинить мосты, поставлять подводки и т. д.³² Летописец Алтайской духовной миссии писал в 1907 г., что «добрые нравственные отношения инородцев (алтайцев — П. К.) к монастырю постепенно вытравливаются и отходят в области

предания»³¹. В январе 1906 г. игуменья жаловалась на крестьян соседних селений, что «они в последнее время самовольно стали в монастырских дачах рубить и расхищать лес»³².

Таким образом, факты свидетельствуют о том, что героическая борьба рабочих России в 1905—1907 гг. нашла отклик и в такой глухой национальной окраине империи, как Горный Алтай. Совместно с русскими крестьянами (а нередко под их руководством) алтайская беднота поднялась в едином натиске против самодержавия и его представителей на местах.

Первая революция в России была серьезной школой для трудящихся масс Горного Алтая в их развитии по пути к Октябрьской революции, к борьбе за власть Советов.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 310—311.
- 2 История Горного Алтая 1905—1907 гг. отражена в ряде исследований Г. Бузурбаева. Крестьянские волнения в Алтайском округе в 1905—1907 гг. Новосибирск, 1939. Л. П. Поталов. Очерки по истории алтайцев. М.-Л., 1953. Г. Павлов. Горный Алтай в первую русскую революцию 1905—1907 гг. «Краеведческие записки» (Алтайские краеведческие записки), вып. 1. Барнаул, 1956. П. Бородин. Революционные события на Алтае в 1905—1907 гг. Барнаул, 1958. В. А. Демидов. К социализму, минуя капитализм. Очерки социалистического строительства в Горно-Алтайской автономной области, Новосибирск, 1970. В настоящей статье на основе известных и вновь выявленных источников делается попытка обобщить выступления трудящихся Горного Алтая против царизма в революции 1905—1907 гг.
- 3 Отчет Алтайской духовной миссии за 1907 г., «Томские епархиальные ведомости», 1908, № 6, стр. 4—5 (табл. «Число жителей»).
- 4 Там же.
- 5 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 2.
- 6 Государственный архив Томской области (далее — ГАТО), ф. 3, оп. 18, д. 1200, л. 178.
- 7 «Сибирская жизнь» (Томск), № 31, от 9 февраля 1906 г.
- 8 ГАТО, ф. 3, оп. 18, д. 1200, л. 244.
- 9 «Сибирская жизнь», № 16 от 21 января 1906 г.
- 10 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 334.
- 11 В исторической литературе листовки Крестьянского союза Бийского уезда известны под названием «бийских листовок». Их до недавнего времени ошибочно считали изданиями Бийской группы РСДРП. В настоящее время ошибка эта исправлена (см. М. В. Иванова. К вопросу о характере бийских листовок. «Советское крестьянство — активный участник борьбы за социализм и коммунизм». Барнаул, 1969, стр. 34—35).
- 12 Типография Козьмина и Аврора находилась в Бийске. В ней печатались в вольном порядке все листовки Крестьянского союза Бийского уезда.
- 13 ГАТО, ф. 3, оп. 18, д. 1200, л. 278.
- 14 «Томские епархиальные ведомости», 1907, № 16—17, стр. 11.
- 15 «Революционные события на Алтае в 1905—1907 гг.» (Сборник документов), Барнаул, 1967, стр. 66.
- 16 «Революционное движение 1905—1907 гг. в Томской губернии» (Сб. документов). Томск, 1955, стр. 100—101.
- 17 ГАТО, ф. 3, оп. 18, д. 1200, л. 246.
- 18 Там же, л. 248.
- 19 Там же, лл. 174—176.
- 20 «Революционные события на Алтае в 1905—1907 гг.», стр. 67.
- 21 Там же, стр. 67.
- 22 Там же, стр. 67—69, 130—131.
- 23 П. Бородин. Революционные события на Алтае в 1905—1907 гг. Барнаул, 1958, стр. 106.
- 24 «Томские епархиальные ведомости», 1908, № 14, стр. 2—3.
- 25 «Томские епархиальные ведомости», 1906, № 23, стр. 16.
- 26 «Томские епархиальные ведомости», 1907, № 11, стр. 24—25.
- 27 «Томские епархиальные ведомости», 1907, № 16—17, стр. 12.
- 28 «Томские епархиальные ведомости», 1907, № 11, стр. 24—25.
- 29 В. А. Демидов. К социализму, минуя капитализм.
- 30 «Томские епархиальные ведомости», 1907, № 5—6, стр. 18.
- 31 Там же.
- 32 «Томские епархиальные ведомости», 1906, № 23, стр. 16.

К ИСТОРИИ ИССЛЕДОВАНИЯ КОРМОВОЙ БАЗЫ И УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ ЖИВОТНОВОДСТВА ГОРНОГО АЛТАЯ

Ведущей отраслью сельского хозяйства Горно-Алтайской автономной области является животноводство, которое дает свыше 80% валовой продукции¹. Поэтому вопросы изучения кормовой базы имеют не только познавательное, но и практическое значение.

Изучению кормовой базы Горного Алтая посвящено большое число работ. Однако многие исследования имеют односторонний характер, в них рассматриваются лишь отдельные части кормового конвейера. Поэтому автор поставил своей целью рассмотреть все условия в комплексе, необходимые для развития животноводства области. При этом особый упор делается на историю изучения вопроса.

Еще в XVIII веке началось изучение дикой растительности. Первым естествоиспытателем Горного Алтая был аменногорский врач П. Шангин, совершивший экскурсию вдоль реки Чарыш. Большую ценность представляют труды Г. И. Потанина, ботаников К. Ф. Ледебура, А. Ф. Бунге, К. А. Мейера, Э. Э. Лемана, которые собрали огромный материал по культурной и дикой растительности Горного Алтая².

В дореволюционный период проводили изучение флоры В. И. Вербицкий, П. Н. Крылов, Н. М. Ядрищев и другие³. Профессор Томского университета В. В. Сапожников исследовал растительность Алтая во время путешествий в 1895—1911 г.⁴ Крупным исследователем Алтая был В. И. Верещагин⁵. Б. Н. Клопотов и Б. А. Келлер в своих работах приводят характеристику растительности Алтайских гор, сведения о хозяйственном использовании отдельных растительных группировок. В 1910, 1912 и 1915 годах экскурсировал по Алтаю известный ботаник В. В. Ревердатто⁷.

Подводя итоги дореволюционному изучению растительности Горного Алтая, надо отметить, что был собран большой фактический материал. Но с точки зрения его использования в народном хозяйстве сделано и первых шагов. Данные о фактической обеспеченности скота на зиму грубыми кормами в разных «природно-исторических» районах области находим только в материалах Алтайской экспедиции 1897 г. руководимой С. П. Швецовым⁸.

В советский период исследование дикорастущих кормовых растений приняло системный характер. В Горном Алтае работали экспедиции, в которых принимали участие ученые АН СССР, университетов и научно-исследовательских институтов. Характерной особенностью работ в советское время является прикладное их значение, связанное с изучением естественных кормовых угодий как поставщиком кормов для животноводства.

В 1926 году была организована экспедиция по изучению современного состояния и перспектив развития животноводства области. Обследуя обеспеченность скота естественными кормовыми угодьями экспедиция в отношении сенокосов отметила особо сложное положение

в Кош-Агачском аймаке, а в отношении пастбищ — Чулышманской долины.

Авторы книги «Животноводство в Ойротском крае»⁹ давали соответствующие рекомендации по рациональному использованию пастбищ и улучшению кормовой базы. Изучением растительности Чуйской и Курайской степей в 20-е годы занимались профессор В. И. Баранов и В. А. Шелудякова, ботаник М. Н. Смирнов, геоботаник Т. Буторина¹⁰. Они указали на сходство растительного покрова долин реки Чуи и ее притоков с пустынными степями северной части Монголии.

Надо заметить, что прикладное значение и размах исследований особенно возросли со времени социалистической реконструкции сельского хозяйства.

Позднее в Омске была организована Сибирская агростанция. Геоботаническими работами руководили крупные ученые И. В. Ларин и В. В. Ревердатто. В 1932 г. по всей Сибири проводились работы экспедиций НКЗ СССР по инвентаризации кормовых угодий. Геоботаническую часть их на территории Горного Алтая проводила М. А. Альбицкая¹¹.

В результате исследования М. Н. Смирнова (1930—47 гг.) составлена рукописная карта растительности Юго-Восточного Алтая, собран богатый материал о растительности и кормовых ресурсах, проведено геоботаническое районирование Юго-Восточного Алтая, дана детальная геоботаническая характеристика этой территории.

В 1931 г. под руководством Б. К. Шишкина на Алтай была послана большая флористическая экспедиция для выявления растительных ресурсов и изучения полезных растений. В 1936 г. в Горном Алтае проводила исследования экспедиция АН СССР под руководством академика В. А. Обручева. В ее составе был геоботанический отряд Б. К. Шишкина. Им написана работа «Растительность Алтая», помещенная в сборнике «Ойротия»¹². В начале статьи автор кратко останавливается на истории изучения растительного покрова Горного Алтая, говорит об основных закономерностях в распределении растительности, выделяя альпийскую, лесную, степную зоны, затрагивает историю формирования современного растительного покрова. Характеристика растительного покрова дана в разрезе выделенных ботанико-географических округов.

В 1936 г. Советом по изучению производительных сил АН СССР была послана в Южный Алтай комплексная сельскохозяйственная экспедиция.

Во второй половине 30-х гг. экспериментальные исследования в Чуйской и Курайской степях провел А. И. Ивановский¹³. Опытами А. И. Ивановского, сотрудников Горно-Алтайской сельскохозяйственной опытной станции и многих других была доказана возможность возделывания скороспелых морозоустойчивых зернофуражных и кормовых культур, а также многолетних злакобобовых травосмесей. Анализируя результаты многолетних опытных данных, А. И. Ивановский писал в отчете, что продвижение земледелия в полупустынную высокогорную зону требует преодоления суровых климатических и почвенных условий (недостаток влаги и тепла, наличие вечной мерзлоты, бесструктурные почвы).

В работе А. В. Одицова и Д. И. Челышева¹⁴ указываются пути усовершенствования зимней пастбы в Кош-Агачском районе, где применяется тебенёвка скота. Для более полного использования животными пастбищного корма рекомендовалось каждому гурту на зиму и весну отводить постоянные пастбищные угодья с делением их в зависимости от положения отдельных контуров на загоны для поочередного стравливания. Д. И. Челышев разработал производственную ха-

рактеристику основных типов естественных кормовых угодий Чуйской степи и основы рационального их использования¹⁵.

Более полные материалы по естественной кормовой базе области получены коллективом лаборатории геоботаники Западно-Сибирского филиала АН СССР (1949—1954) под руководством А. В. Куминовой. Была выполнена работа по почвенно-геоботаническому изучению и инвентаризации естественных кормовых угодий. В многочисленных работах А. В. Куминовой¹⁶ выявлены естественные кормовые угодья, намечены пути развития кормовой базы животноводства, проведено геоботаническое районирование, даны ценные рекомендации по использованию и улучшению сенокосов и пастбищ Горного Алтая. Геоботанические исследования в составе экспедиции проводили Г. Г. Павлова, Е. И. Лапшина, Е. Ф. Пеньковская, Н. В. Листова, А. В. Ронгинская и другие¹⁷.

В 1954 г. лаборатория геоботаники завершила в основном работу на территории Горно-Алтайской области. Были составлены карты растительности на каждый колхоз в масштабе 1:25000 и карта всей области в разрезе аймаков в масштабе 1:100000. В них впервые дана характеристика природных условий и растительности всей территории Горного Алтая.

Большое значение имеют работы М. Ф. Куликова¹⁸, которые сопровождались лабораторными исследованиями химического состава, питательной ценности и определением продуктивности кормов по различным типам пастбищ и сенокосов.

С. П. Пулькин¹⁹ правильно отмечал, что в Горном Алтае не может быть единой системы ведения животноводческого хозяйства и единого сочетания отраслей животноводства.

Об отдельных аспектах рационального использования естественных кормовых угодий, необходимости улучшения кормовой базы области писали Е. В. Никитина, Ф. М. Доброгорский, Л. В. Окулич-Козарина, Г. В. Крылов, А. А. Кулик, Ш. А. Мкртчян, М. А. Мальгин, Р. Я. Федоткина, О. П. Федоткин, Е. К. Смагина, А. К. Савелькаев, В. И. Баранов, С. Палкин, Е. Ф. Стасевич, А. И. Жуков, Н. Г. Альков²⁰.

Приведенный литературный обзор указывает на большой интерес исследователей к кормопроизводству в области. На современном этапе задача исследователя этой сложной и актуальной проблемы состоит в том, чтобы опираться на работы предшественников, выявить пастбищные и сенокосные ресурсы по крупным физико-географическим регионам. В данной статье автор ограничивается постановкой вопроса.

Из природных ресурсов мы ограничимся рассмотрением только естественных кормовых угодий как фактора непосредственно влияющего на развитие, размещение и специализацию животноводства Горного Алтая. Это та естественная база, на которой будет основываться животноводство области в настоящем и будущем. Задача состоит в том, чтобы наиболее полно и рационально использовать угодья, улучшать и поднимать их продуктивность, увеличивать производительную «емкость» территории.

При большой площади сенокосов и пастбищ (в пользовании колхозов и совхозов на 1 ноября 1971 находилось 1147 тыс га²¹) они различны по своему качеству и доступности — от лесных лугов низкогорных северных районов до высокогорных субальпийских и альпийских лугов и пастбищ центральных и южных районов. Высокогорные и отчасти среднегорные районы, как правило, испытывают недостаток зимних пастбищ, продуктивность их низка, скот зимой нередко находится на голодном пайке. По данным М. Ф. Куликова, урожай в Чуйской степи 2—5 центнеров сена и 4—6 центнеров травы с гектара. Питательность тлебенёвочных пастбищ снижается по кормовым единицам более чем в 2 раза, а по переваримому протеину в 7—9 раз по сравнению с пита-

тельность травы в весенне-летний период (М. Ф. Куликов, 1968). К тому же, зачастую глубокий снег или гололёд не позволяют пользоваться зимними пастбищами. Страховых запасов сена пока не хватает. Это вызывает необходимость давать животным зимой подкормку в виде концентрированных кормов.

Вместе с тем, вследствие трудностей рельефа и невозможности использовать мощную технику на многих горных склонах выкашивается лишь 50% сенокосов и из-за бездорожья, закустаренности, завалушенности и по другим причинам ежегодно используется только 55—60% всех пастбищ области²².

Химический состав травостоя естественных сенокосов, по данным М. Ф. Куликова, характеризуется недостатком фосфора, йода, солей натрия, избытком солей кальция и наличием вредных для здоровья сельскохозяйственных животных свинца, бора. Провинция с повышенным содержанием бора в почве и растительности выявлена на пастбищных участках Семинского перевала.

Поздние сроки скашивания (август) снижают питательную ценность сена по кормовым единицам на 25% и по переваримому протеину на 50% (М. Ф. Куликов, 1968). Для получения сена высокого качества сенокосение необходимо проводить в сжатые сроки (в период колошения и цветения).

Важным резервом создания прочной кормовой базы области является обводнение засушливых территорий. Орошение полупустынных пастбищ Чуйской степи увеличивает продуктивность летних и осенних выгонов в 5—7 раз, зимних в 8—9 раз (М. Ф. Куликов, 1968).

Мероприятия, направленные на улучшение использования естественных кормовых угодий, следующие: создание долгодетных культурных пастбищ, проведение поверхностного и коренного улучшения угодий, а также внесение удобрений, орошение и осушение, введение пастбищеоборота и другие.

При кормлении сельскохозяйственных животных необходимо учитывать особенности питательности и питательного состава кормов и дополнять рационы животных макро- и микроэлементами применительно к каждой зоне (району) области.

Экономические факторы, определяющие развитие, размещение и специализацию сельского хозяйства Горно-Алтайской автономной области характеризуются такими особенностями: во-первых, удаленностью области от крупных городов и промышленных центров с их большим числом потребителей при весьма неудовлетворительном состоянии дорожной сети (за исключением Чуйского тракта). Для дальнейшего развития производительных сил Горному Алтаю необходимо иметь железнодорожные выходы в Алтайский край (Бийск) и Восточный Казахстан (Ленингорск), а также вести новое строительство и улучшать существующую внутриобластную и хозяйственную транспортную сеть для того, чтобы можно было завозить прессованные грубые и концентрированные корма из предгорий Алтая. Кроме того, недостаточная трудообеспеченность отрицательно сказывается на развитии сельского хозяйства. По данным Н. А. Иванова, фактическая обеспеченность колхозов и совхозов края специалистами сельского хозяйства (на 1 января 1973) — 43,1%, в том числе инженерами и техниками — 32,3, зоотехниками — 37,2, ветеринарными работниками — 49,3, работниками бухгалтерского учета — 27,2%²³. Это связано также и с тем, что в последние годы в демографической обстановке Алтайского края наметился ряд отрицательных тенденций. В частности, начиная с 1963, систематически снижается численность населения, резко упали темпы естественного прироста. В 1968 г. только по Горно-Алтайской автономной области естественный прирост населения составил 12,1 челове-

ка на 1000 жителей (по СССР — 9,6). Наблюдается также интенсивный отток населения из сельской местности за пределы края. По области в целом естественный прирост населения исчерпывается отрицательным сальдо внешних миграций. Поэтому произошла стабилизация численности населения²⁴.

Миграция сельского населения отвлекает главным образом трудоспособное население и прежде всего молодежь. Так, в 1969 году из общей численности сельских мигрантов на долю трудоспособных приходилось около 74%. По окончании школы более 80% выпускников уезжают в города и уже не возвращаются (Н. А. Иванов, 1972). Проблема закрепления молодежи на селе стала общегосударственной. Необходимо создание комплекса культурно-бытовых условий в деревне. При дефиците рабочей силы в крае все еще низка степень механизации сельскохозяйственных работ. Механизация работ в совхозах Алтайского края (в % на 1970 год, по Н. А. Иванову)

Виды работ	%
Механизация на фермах КРС (% к поголовью)	.
доение коров	78,0
подача воды	54,0
раздача кормов	8,1
очистка помещений от навоза	15,0

Из таблицы видно, что особенно низки показатели по раздаче кормов (8,1) и очистке помещений от навоза (15%).

Ускорение развития мясной и молочно-мясной промышленности в области окажет положительное влияние на экономические показатели хозяйства. В связи со строительством в девятой пятилетке Алтайского скотодобойного пункта и проектирующегося в Онгудея мясокомбината создаётся возможность для экономических связей между сельскохозяйственными и промышленными предприятиями, концентрации, специализации, интенсификации сельскохозяйственного производства, рационального использования трудовых ресурсов.

Исторически сложившиеся традиции ведения животноводства также оказывают влияние на развитие и размещение этой отрасли хозяйства на территории Горного Алтая. Местные национальные кадры — алтайцы, к которым добавляется в Кош-Агачском районе большая группа казахов, формируют в основном чабанские бригады. Алтайцы и казахи обладают опытом и трудовыми навыками в отгонно-пастбищном хозяйстве, эти навыки передаются из поколения в поколение.

Таким образом, природно-экономические условия Горного Алтая обуславливают специализацию сельского хозяйства области на производстве дорогих и транспортабельных продуктов животноводства (шерсти, пуха, пантов, сыра, мяса и масла). Поэтому перспективными являются мясошерстное овцеводство, пуховое козоводство, пантовое оленеводство, яководство и табунное коневодство (дающие самое дешёвое мясо)²⁵, разведение крупного рогатого скота мясного направления и молочного — для получения высококачественных алтайских сыров и масла. Огромное поголовье скота требует большого количества кормов. Поэтому на ближайшее время главным объектом изучения и пристального внимания практиков остается создание достаточного количества кормов для развивающегося животноводства.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Данные Горно-Алтайского областного управления за 1971 г., ф. 29, с-х.
- 2 Г. И. Потанин. Полгода в Алтае, «Русское слово», № 9, 1859. Его же. От Кош-Агача до Бийска, «Древняя и новая Россия», вып. 6, 1879. Р. Ф. Ледебур, К. А. Мейер, А. Ф. Бунге. О путешествии по Алтайским горам в Сибири, «Азиатский вестник», т. 2, 1926. З. Леман. Материалы для флоры Бийского уезда Томской губернии, Труды Калужского общества любителей естествознания, т. 38, вып. 2, 1903.
- 3 В. Вербицкий. Поездка на Телецкое озеро, Томские губернские ведомости, 34, 1880; П. И. Крылов. Краткий очерк флоры Томской губернии и Алтая, Известия Ботанического сада, СПб, т. 2, вып. 3, 1902. Н. М. Ядринцев. Отчет о поездке по поручению Западно-Сибирского отделения Императорского географического общества в Горный Алтай по Телецкому озеру и в вершины Катуня в 1880 г., Омск, 1882.
- 4 В. В. Сапожников. По Алтаю (дневник путешествия 1895 года), Томск, 1897. Его же. Поездка в Юго-Восточный Алтай и окрестности Монголии в 1905 году, Известия Томского государственного университета, кн. 28, 1907. Его же. Пути по Русскому Алтаю, Новосибирск, 1926.
- 5 В. И. Верещагин. По Катунским белкам, «Естествознание и география», № 10, 1910. Его же. Поездка по Алтаю летом 1906 г. (путевые заметки), «Алтайский сборник», т. 10, 1910; Его же. В истоках Чулышмана, «Сибирская природа», № 2, 1922.
- 6 Б. Н. Клопотов. Ботанические исследования в Горном Алтае. Предварительный отчет о ботанических исследованиях в Сибири и Туркестане в 1908 г., Известия Переселенческого Управления, СПб, 1909; Б. А. Келлер. Бийский уезд Томской губернии. Предварительный отчет о ботанических исследованиях в Сибири и Туркестане в 1909 году, Издание Переселенческого Управления, СПб, 1910. Его же. Исследования в Горном Алтае, Труды Почвенно-ботанической экспедиции по исследованию колонизации районов Азиатской России, вып. 6, 1910. Его же. По долинам и горам Алтая, Ботанико-географические исследования, Труды почвенно-ботанической экспедиции 1910 г., СПб, вып. 6, 1914.
- 7 В. В. Ревердатто. Основные формации высокогорно-тундровой зоны северо-восточного Алтая, Известия Томского отделения Российского Ботанического общества (РБО), т. 1, 1921. Его же. Растительность Сибири, Новосибирск, 1931.
- 8 С. П. Швецов. Горный Алтай и его население (Кочевники Бийского уезда), т. 1, вып. 1, Барнаул, 1900.
- 9 В. С. Ямпольский, П. В. Абамов. Животноводство в Ойротском крае, Новосибирск, 1929.
- 10 В. И. Баранов, В. А. Шелудякова. К изучению степей Юго-Восточного Алтая, Труды сельскохозяйственной Академии, т. 5, 1926. М. И. Смирнов. Растительность и кормовые ресурсы Юго-Восточного Алтая, автореферат, Новосибирск, 1950; Т. И. Буртанина. Геоботанический очерк Чуйской степи Кош-Агачский аймак Ойротия, Рукопись Алтайской зонально-опытной станции (ЗОС), 1932. Ее же. Курайская степь Алтай, Геоботанический отчет, 1932.
- 11 М. А. Альбицкая. Материалы по изучению лугов и пастбищ Центральной Ойротии, Труды Томского государственного университета, т. 90, 1936.
- 12 Б. К. Шишкин. Растительность Алтая, сб. «Ойротия», Издание АН СССР, М.-Л., 1937.
- 13 А. И. Ивановский. Продвижение земледелия в высокогорную зону Ойротии, Известия Всесоюзного Географического общества (ВГО), т. 71, вып. 8, 1939. Его же. Полевое кормодобывание в высокогорной зоне Алтая, Сборник научно-исследовательского института животноводства, вып. 6, 1940. Его же. Земледельческое освоение высокогорья Алтая, Горно-Алтайск, 1962.
- 14 А. В. Одинцов, Д. И. Челышев. Зимние пастбища и зимнее содержание скота в Кош-Агачском аймаке Ойротской авт. обл., Ойрот-Тура, 1947.
- 15 Д. И. Челышев. Естественные кормовые угодья высокогорной зоны Ойротии, Ойрот-Тура, 1947.
- 16 А. В. Куминова. По Алтаю, Новосибирск, 1952 (По Горному Алтаю, Барнаул, 1953). Ее же. Естественные кормовые угодья Горно-Алтайской авт. обл., сб. «Естественная кормовая база Горно-Алтайской авт. обл., Новосибирск, вып. 2, 1956. Ее же. Некоторые вопросы правильного использования и улучшения сенокосов и пастбищ Горного Алтая, там же. Ее же. Растительный покров Алтая, Новосибирск, Изд. СО АН СССР, 1960.
- 17 Г. Г. Павлова. Особенности кормовой базы в колхозах долины Чулышмана и бассейна Башжалуса и пути ее улучшения, сб. «Естественная кормовая база Горно-Алтайской авт. обл.», Новосибирск, вып. 2, 1956. Е. И. Лапина. Картирование растительности Горного Алтая, там же. Е. Ф. Пеньковская. Основные дикорастущие многолетние кормовые травы сенокосов и пастбищ Горного Алтая, там же. Н. В. Ликтова. Использование и улучшение пастбищных лугов Горного Алтая, там же; А. В. Ронгинская. Характерные черты растительности и естественно-кормовых угодий северо-восточных районов Горного Алтая, там же; Н. В. Логутенко. Низинные луга северо-западных районов Горно-Алтайской авт. обл. и пути их улучшения, автореферат кан. дисс., Томск, 1959.

18 М. Ф. Куликов Урожайность и питательность сенокосов и пастбищ Горно-Алтайской авт. обл., Труды Алтайского сельскохозяйственного института, вып. 2, 1955. Его же: Химический состав и питательность кормов сенокосов и пастбищ Горно-Алтайской авт. обл., сб. «Естественная кормовая база Горно-Алтайской авт. обл.», Новосибирск, вып. 2, 1956. Его же: Корма естественных сенокосов и пастбищ Алтайского края, их химический состав и питательность, автореферат докт. дисс. Омск, 1966.

19. С. П. Пулькин. Современное состояние животноводства в колхозах Горно-Алтайской авт. обл., Новосибирск, вып. 2, 1956.

20. И. В. Никитина. Материалы по изучению кормовой площади Алтай (долина ср. Чарыша от р. Хайсына до с. Коргон), автореферат, Известия Томского государственного университета, т. 74, 1924; Ф. М. Доброгорский. Овцеводство Горного Алтая и методы качественного его улучшения, Горно-Алтайск, 1954; Л. В. Окулич-Кизарина. Зимнее пастбищное содержание овец в Горном Алтае, Горно-Алтайск, 1956; Г. В. Крылов. Природные ресурсы Горного Алтая и их рациональное использование, Труды первой научной конференции ОННИ, Горно-Алтайск, 1961; А. А. Кулик. Исследование кормов и применение микроэлементов в животноводстве, там же; Ш. А. Мартчан. Перспективы развития мясного животноводства в колхозах и совхозах Горного Алтая, там же; М. А. Малыгин. Содержание марганца в почвах Горно-Алтайской авт. обл., там же; Его же. Микроэлементы в почвах и применение микроудобрений, Вопросы развития сельского хозяйства Горного Алтая, Новосибирск, 1968; Р. Я. Федоткина. Активизация окислительных процессов при прорастании семян кукурузы как фактор ускорения роста и развития сельского хозяйства Горного Алтая, Горно-Алтайск, 1962; О. П. Федоткин. Пути укрепления кормовой базы в Горном Алтае, Горно-Алтайск, 1962; А. К. Савелькаев. Свеклу и бобы — на поля Горного Алтая, Горно-Алтайск, 1962; В. Г. Баранов. Размещение и специализация сельского хозяйства Горно-Алтайской авт. обл., канд. дисс., Новосибирск, 1967; С. Пажин. Вопросы земледелия в Горном Алтае, Горно-Алтайск, 1967; Е. Ф. Стасевич. Экономика овцеводства в Горном Алтае, канд. дисс., М., 1969; А. Н. Жуков. Агротехника возделывания люпина «Быстрорастущий — 4» в Горном Алтае, «Природа и природные ресурсы Алтая и Кузбасса», т. 1, Бийск, 1970; Н. Г. Аляков и Н. Д. Жданова. Сильные культуры в разных агроклиматических зонах Горного Алтая, кн. «Резервы сельскохозяйственного производства», вып. 2, Барнаул, 1971.

21. Данные Горно-Алтайского облсельхозуправления (отдел землеустройства и землепользования), ф. 22, 1971.

22. Данные Горно-Алтайского облсельхозуправления за 1971 г., ф. 29, с. 4.

23. И. А. Иванов. Проблема обеспеченности и рационального использования трудовых ресурсов в сельском хозяйстве (на примере Алтайского края), автореферат канд. дисс., М., 1972.

24. И. А. Иванов, то же. В. П. Петров. Сезонные миграции населения в горных районах (на примере Горно-Алтайской авт. обл.), канд. дисс., М., 1972.

25. Г. Семенов, Б. Колловский. Яки, «Звезда Алтая», 30 дек. 1972 г. «Шире развивать табунное коневодство», «Звезда Алтая» (перезовая), 13 июня 1972 г.

ЗАРОЖДЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА ГОРНОГО АЛТАЯ (ПЕРИОДИЗАЦИЯ И ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ)

«В условиях социализма, — сказано в Программе КПСС, — происходит расцвет наций, укрепляется их суверенитет. Развитие наций осуществляется не на путях усиления национальной розни, национальной ограниченности и эгоизма, как это происходит при капитализме, а на путях сближения, братской взаимопомощи и дружбы». Одним из существеннейших показателей национального развития является рост самобытной художественной культуры, социалистической по содержанию и национальной по форме и, в частности, возрождение и широкое развитие изобразительных искусств. И хотя алтайское профессиональное изобразительное искусство еще не оформилось в самостоятельное художественное явление, более чем полувековой опыт его развития представляет немалый интерес.

Прояснению некоторых особенностей зарождения алтайского изобразительного искусства, краткой характеристике этапов его развития, анализу основных источников изучения — посвящена настоящая статья.

Изобразительное искусство Горного Алтая имеет давние традиции. Об этом свидетельствуют древние курганы, наскальные писаницы и каменные изваяния — молчаливые свидетели протекавших на территории Алтая исторических процессов.

С. И. Руденко, возглавлявший раскопки Пазырыкских курганов, датируемых V—II вв. до н. э., писал: «Курганы эти настолько насыщены образцами искусства, что даже самые обыденные вещи являются образцами искусной резьбы, художественной аппликации, орнаментики и скульптуры»¹.

Позднее эти традиции нашли свое отражение в декоративно-прикладном искусстве алтайцев. И, хотя говорить о непосредственной генетической связи искусства древнего населения Алтая с искусством современных алтайцев можно только относительно, она все же прослеживается, например, в отдельных элементах и комплексах орнамента, его мотивах, специфике употребления тех или иных материалов².

Исследованию декоративно-прикладного искусства алтайцев не было посвящено ни одной специальной работы. История этого искусства, его достижения, богатство и своеобразие, отношение к художественной культуре прошлого, а также к культуре соседних, прежде всего тюркских и монгольских народов, наконец, его состояние в советское время — все эти и многие другие вопросы ждут своих исследователей.³

Несколько лучше выглядит история изучения профессионального

искусства Горного Алтая, зарождение которого относится к началу XIX века и связано с именем художника Григория Иванченко Гуркина*.

Начало критическому изучению творчества первого алтайского художника положила статья петербургского критика М. Далькевича⁴, посвященная персональной выставке Гуркина в Томске (декабрь 1907 г.), которая содержала не только подробное освещение начала его творческого пути, анализ наиболее значительных картин и этюдов, но и ряд интересных, и, как теперь представляется, небезосновательных предположений.

Так, М. Далькевич впервые со всей определенностью связал выставку Гуркина с началом зарождения изобразительного искусства Сибири, а самого его назвал первым сибирским художником «Явятся новые художники, — писал он, — подымут его (сибирское искусство — В. Э.) до европейского уровня, но первым на этом пути остается Гуркин, и в этом его огромная заслуга перед родным краем, который он приобщил к искусству и его радостям»⁵.

Это смелое для того времени заявление оказалось верным. Действительно, Гуркин стал первым живописцем, кто открыл и выразил эстетическую ценность сибирской природы в художественных произведениях и тем самым ввел в русское искусство пейзаж Сибири. Он же стал первым национальным художником сибирского края.

Из других многочисленных авторов дореволюционного времени, писавших о Гуркине, для нас особенно интересны статьи художницы Л. П. Базановой, публициста А. В. Адрианова, крупного ученого и путешественника Г. И. Потанина⁶, а также очерки сибирского писателя Г. Д. Гребенщикова, проникновенно осветившего ряд выставок пейзажиста.

Наиболее общим моментом характеристики деятельности Гуркина до революции было искреннее убеждение авторов, писавших о нем, в его исключительности. Все они считали Гуркина своеобразным феноменом, отдавая этим определением дань как талантности алтайца, так и исключительным трудностям, которые необходимо было преодолеть «инородцу», чтобы в российских условиях его дарование получило надлежащее развитие.

А. В. Адрианов писал в 1910 г., что для появления такого выдающегося явления в жизни Сибири, как Гуркин, требовалось «стечение счастливых случайных обстоятельств и невероятно тяжелой борьбы, чтобы дарование не погибло»⁷. Но все же это определение, верное конкретно по отношению к Гуркину, не отражает исторической перспективы, проявившейся в наше время: она показывает, что путь Гуркина — это путь первого художника, создателя национальной традиции в искусстве. Появление его в русском, а затем советском искусстве было типичным показателем того, как под благотворным влиянием прогрессивной русской культуры зарождались и развивались национальные искусства народов России.

Иными словами, истоки зарождения профессионального искусства алтайцев кроются еще в середине XVIII в., когда Горный Алтай добровольно вошел в состав Российского государства. Благотворные последствия приобщения к более высокой культуре русского народа выразились не только в ускорении общественно-экономического развития кочевников, но и в зарождении у них новых форм духовной культуры.

Зарождению народного реалистического искусства также в какой-то мере способствовало насаждению христианской религии. Вместе с хри-

* Г. И. Гуркин в данном случае показан лишь с одной стороны, как художник. Его общественно-политическая деятельность автором статьи не рассматривается. (Прим. ред.)

⁶⁶ Г. И. Потанин не только ученый и путешественник, но и общественный деятель буржуазно-либерального направления. (Прим. ред.)

стианством в Горном Алтае стала распространяться сначала привозная иконопись, а затем, в конце XIX в., появились иконы, выполненные местными мастерами. В конце 70-х гг. при миссионерской школе в Улале был организован иконописный класс, где готовились кадры для открытой несколько позднее иконописной мастерской.

Кратковременная история Улалинской иконописной мастерской любопытна, а роль ее в развитии художественной культуры на Алтае при всей ограниченности ее назначения, очевидно, следует считать положительной. И не только потому, что подобные мастерские служили для многих художников того времени начальной школой обучения, но и потому, что в условиях оторванности от культурных центров страны, в которой находилась тогда Сибирь и Алтай в частности, иконописные мастерские были единственным местом, где и в какой-то степени могла проявляться художественная одаренность местного населения.

Не случайно группа улалинских иконописцев имела в своих рядах несколько талантливых мастеров-алтайцев. А. В. Анохин, известный ученый-этнограф, фольклорист и музыкант, посвятивший свою жизнь изучению Горного Алтая, вспоминая деятельность мастерской, писал: «Эта первая на Алтае школа рисования за время своего существования выпустила несколько талантливых мастеров из туземцев. Теперь еще Алтай помнит братьев Никифоровых, Тельгерových, Зяблицкого, Садонова, которые оставили после себя заметный след в художественной работе»⁷.

К сожалению, добавить что-либо к этому свидетельству сейчас трудно: работы алтайских иконописцев не сохранились.

Первые упоминания о Гуркине в советское время появляются в 1925 г., после его возвращения из эмиграции (он жил в Тувинской народной республике). Все отзывы на участие художника в различных выставках Москвы и Сибири весьма положительны, а отзыв А. В. Луначарского, назвавшего его работы «замечательными по живописи»⁸, говорит сам за себя.

Сравнительно недавно в Горно-Алтайске⁹, Ленинграде¹⁰ и Барнауле¹¹ вышли популярные монографии, посвященные Гуркину. При разном качестве их профессионального искусствоведческого уровня, объеме информации о жизни и творчестве художника, они страдают рядом общих недостатков, из которых наиболее существенным является слабая, неполная характеристика послеоктябрьского творчества художника, оценка его подлинного значения в строительстве национальной культуры.

Между тем, до- и послереволюционная деятельность первого алтайского художника имеет принципиальное различие.

Если в первый период своей деятельности Гуркин распространял при помощи искусства сведения об Алтае и его народе, то после Октября он целиком подчинил себя строительству новой культуры алтайцев. Его творчество, корнями связанное с художественной жизнью дореволюционной России, обогатилось плодотворными идеями социализма. Это нашло свое выражение и в новизне художественных образов, и в тематике произведений, и в том энтузиазме, с которым он принимал участие в педагогической, издательской и просветительной деятельности. Дыхание современности открыло в его творческой биографии новую главу. Результатом осмысления советской действительности явился его интерес к таким жанрам как портрет, тематическая бытовая и историческая картины, монументальная живопись, которыми он увлеченно занимался в 20-е и 30-е годы. Первая газета, выпущенная на Алтае, первые учебники и другие издания на алтайском языке были оформлены его рисунками. Надо сказать, что научная оценка деятельности Гуркина как художника еще не сделана. Причина этого в том, что до сих пор не прослежен весь путь развития социалистической культуры Горного Алтая в целом и особенности развития изобразительного искусства, в частности.

Исследователи еще не объединили свои усилия в изучении отдельных видов искусства — литературы, музыки, живописи, не вывели общие закономерности и особенности становления национальной культуры. Но не только Гуркина, никакого деятеля культуры нельзя оценить по достоинству, вырвав его из системы исторических связей и зависимостей. Нельзя должным образом понять историческое место художника без учета предшествующего, современного ему и последующего состояния национального искусства и того влияния, которое он оказал на его развитие.

Что же касается Гуркина, ничто так не раскроет его роли в развитии алтайской культуры, не возвеличит его многолетнюю художественную деятельность, как обобщение достижений социалистической культуры Горного Алтая.

Но поскольку развитие алтайского профессионального искусства началось с Гуркина, а лучшие проявления его дореволюционного творчества представляют исходную точку, от которой начинается отсчет советского алтайского искусства, мы должны выявить непреходящие качества его искусства, которые составляют сердцевину заложенной им художественной традиции, ибо органическое развитие всего прекрасного, что было создано в прошлом, составляет основу для поступательного движения художественной культуры настоящего.

В. И. Ленин указывал, что в условиях буржуазного общества в каждой национальной культуре есть две культуры, и мы берем из наследия «только и безусловно» наличествующие в ней «элементы демократические и социалистические». Такими элементами в творчестве первого алтайского художника являются демократизм его искусства, стремление выразить в своих произведениях народное понимание добра, красоты и силы родной природы. А это и есть доказательство демократических и гуманистических устремлений художника, их создателя. Гуркин был пейзажистом, и потому мир его образов, их связь с современной ему действительностью не так проста для понимания, ибо скрыта не только в условиях жанра, но и в условиях и своеобразии национального миропонимания алтайцев, выражение которого он считал своим основным долгом. Не надо забывать, что в годы, когда начинал творить Гуркин, искусство было единственной возможностью проявления пробуждающегося национального самосознания алтайского народа. «Воспитательная роль искусства, в том числе и в области национального самосознания, — пишет Г. Недошвинин, — нередко выражается не в пропаганде тех или иных тезисов, но именно в создании такого «духовного климата», который сам по себе имеет революционизирующее значение, ибо пробуждает спящее сознание. Именно поэтому всемерная забота Коммунистической партии и Советского государства о свободном развитии национальных традиций в искусстве определялась в значительной мере тем, что это помогало людям каждой нации почувствовать себя свободными в единой интернациональной семье народов Советского Союза»¹².

Литература о другом крупном алтайском художнике — Николае Ивановиче Чевалкове, деятельность которого занимала центральное место в художественной жизни Горного Алтая 20-х и 30-х годов, насчитывает всего несколько названий. Из них наиболее ценны очерк В. Гуляева в журнале «Сибирь» (1925) и публикация писем Чевалкова журналом «Настоящее» (1928). Из статей последнего времени лучшие принадлежат перу новосибирского искусствоведа П. Муратова, воскресившего после более чем 20-летнего забвения имя алтайского художника¹³. Большое значение для изучения биографии Чевалкова имеют опубликованные Муратовым письма художника¹⁴.

Важным фактором роста национальной культуры стало открытие в 1931 г. областной художественной школы, которая целое десятилетие

была центром развития изобразительного искусства Горного Алтая. Из числа учеников школы вышли Г. Бекин, Я. Мечеш, Н. Шагаев, А. Каланов, А. Таныш и другие художники, которые внесли значительный вклад в развитие алтайской живописи и графики. К сожалению, архив школы не сохранился, и сейчас главным источником информации о ее деятельности являются газетные заметки да воспоминания бывших ее учеников.

Мало материалов (произведений и литературных источников) осталось от периода 40—50 гг. Немногочисленные статьи и рецензии в областной печати носят информационный характер. Лишь в конце 50 — начале 60-х гг. в отдельных рецензиях и заметках о выставках предприняты попытки самостоятельного анализа художественных произведений.

Великая Отечественная война в известной степени затормозила нормальное течение художественной жизни в области. Многие художники поколения 30-х годов, выпускники областной художественной школы, только вставшие на путь самостоятельного творчества, были мобилизованы в армию и надолго оторваны от своих занятий. Не все из них вернулись с войны. Потребовалось немало времени, чтобы прерванная традиция в развитии алтайского изобразительного искусства была восстановлена. Она связана в значительной степени с лучшими достижениями творчества художника Игната Ортоңулова, чья деятельность, как и деятельность целой группы других молодых художников, начавшаяся в первой половине 1960-х гг. составляет центральное место в современном изобразительном искусстве области.

Таким образом, по нашему мнению, развитие изобразительного искусства Горного Алтая имеет четыре периода: зарождение профессионального искусства (конец XIX — начало XX вв.) период становления (20 и 30-е гг.); 40 и 50-е гг. и современное искусство Горного Алтая (последнее десятилетие его развития).

Периоды эти неравноценны по своим художественным достижениям, но все же не этот и не хронологический принцип был главным условием их разграничения, а стилистический. При всей общности творческих задач, характерных для развития советского искусства в целом, каждый период времени накладывал на поиски алтайских художников свой отпечаток, который и стал определяющим моментом их характеристики.

Так, например, если в 40-е годы все устремления художников были подчинены задачам военного времени, а после войны — воспеванию торжества, победы и радости мирного труда, то для творчества современных художников характерны интенсивные поиски национального стиля, что находит свое отражение в растущем интересе к народному декоративно-прикладному искусству, орнаменту, к археологическому прошлому Горного Алтая.

Предложенная периодизация не противоречит основным этапам развития социалистической культуры Горного Алтая и всего советского государства, а по своему дополняет их.

Таким образом, рассматривая историю зарождения и развития алтайского изобразительного искусства, можно сделать следующие выводы: профессиональное искусство Горного Алтая зародилось в результате непосредственного влияния передовой русской культуры конца XIX — начала XX вв. и развивалось в русле советской художественной культуры. Стилистической основой алтайского профессионального искусства на всех этапах развития стал реализм — «действительно правильный путь для верного художественного отображения как общих, так и особых национальных форм проявления этих идей каждым народом, каждой национальной автономной республикой»¹³. Анализ творчества алтайских художников всех периодов убеждает, что главным стимулом их творческого развития были не самоцельные поиски предвзятой сугубо на-

циональной формы, а органическая слитность с жизнью народа, связь с его социалистическими устремлениями.

Как указывалось выше, главная особенность развития алтайского изобразительного искусства на современном этапе выражается в интенсивных поисках национального стиля. Не отражении национальной тематики, что подразумевается само собой, а именно поиски некоего стилового единства в выражении определенной образности и своеобразия мировосприятия алтайского народа — традиционного и современного. Это находит свое выражение в растущем интересе художников к народному декоративно-прикладному искусству, орнаменту, эпосу, к археологическому прошлому Горного Алтая. В то же время для алтайских художников характерен пристальный интерес к искусству других народов страны, ко всем достижениям советского и мирового искусства.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 С. И. Руденко. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.-Л., 1953, стр. 272.
- 2 С. И. Руденко. Горно-Алтайские наводки и скифы. М.-Л., 1952, стр. 144—145.
3. Перспективным планом Горно-Алтайского ИИИИЯЛ утверждено издание в 1976 г. альбома-монографии «Декоративно-прикладное искусство алтайцев». Авторы С. В. Невзгов и В. И. Эдоков.
- 4 М. Дальневич, Г. И. Гуркин, «Нива» СПб., 1906, № 4, стр. 855—857.
5. Там же, стр. 855—856.
- 6 А. В. Адрианов. Алтай и его художники. Газ «Жизнь Алтая», Барнаул, 1911, № 72.
7. А. В. Анохин. Воспоминания. Рукопись краевед. партархива Алтайского крайкома КПСС. Барнаул, ф. 1061, оп. 1, ед. зр. 533, стр. 4.
- 8 А. В. Луначарский. Предисловие к каталогу «6 в выставка картин и скульптуры «Жизнь и быт народов СССР», М., 1926, АХРП, стр. II.
- 9 Г. А. Образцов. Гуркин. Горно-Алтайск, 1968.
- 10 С. А. Стрельцов. Гуркин. Л., 1970.
- 11 В. И. Эдоков. Гуркин. Барнаул, 1967.
- 12 Г. Недошивин. Роль национальных традиций в развитии социалистического искусства. «Искусство», 1971, № 2, стр. 10.
- 13 П. Муратов. Художник Чевалкое. «Сибирские огни», 1962, № 7, стр. 155—157.
- 14 Письма опубликованы в журналах «Сибирские огни», 1971, № 6 и «Художник», 1971, № 7.
- 15 В. С. Кеменов. Из выступления на творческой конференции, посвященной обсуждению выставки художников 16-ти автономных республик РСФСР, «Художник», 1972, № 10, стр. 55.

АЛТАЕ-САЯНСКИЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ К ДРЕВНЕТЮРКСКОМУ ОБРЯДУ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ И ИХ ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Изучение древней духовной культуры тюркоязычных народов Алтае-Саянской горной системы, как это теперь признано, имеет большое и весьма актуальное научное значение. Оно необходимо не только для изучения общей истории религии и культуры ряда народов Центральной Азии, но прежде всего для исследования проблемы происхождения, этнической истории, общественного строя, культурно-исторических и этнографических связей упомянутых народов. Научная ценность изучения народной духовной культуры, в частности ранних религиозных представлений алтае-саянских народов, возрастает в связи с тем, что эти народы до недавнего времени не имели своей письменности, собственных письменных источников, отражающих их историческое прошлое. Советские этнографы и историки, в том числе и археологи, стремятся использовать материалы духовной культуры данных народов в качестве историко-этнографических источников. К категории таких источников относятся различные данные по народным религиозным верованиям, древним культурам, ритуальным предметам и т. д. К их числу следует отнести, например, шаманские бубны, — эти своеобразные историко-этнографические памятники, ныне совершенно исчезнувшие из быта упомянутых народов¹.

Различные обычаи и обряды, сопровождавшие изготовление бубнов, особенно обряд их «оживления», и многое другое убеждают в том, какое большое научно-источниковедческое богатство заключает в себе этот примитивный на вид и по устройству культовый инструмент. Можно только пожалеть, что шаманские бубны большинства народов Сибири остались во многом неизученными.

Попытка вернуться к изучению ритуальных бубнов в среде народов, в которой они бытовали, едва ли даст в настоящее время большие результаты, так как сменилось поколение, при жизни которого шаманские бубны имели реальное значение, исчезли и сами шаманы. Для современного поколения бубен, как и многие другие предметы шаманского культа, также непонятны и загадочны, как и посетителям музея. Тем не менее, еще и теперь кое-что можно изучать в указанном смысле по памяти отдельных представителей старшего поколения алтайцев, тувинцев, шорцев, хакасов. Эти материалы несомненно сыграют положительную роль в исследовании ряда проблем, интерес к которым сохраняется в международной этнографической науке.

Предлагаемая тема не была предметом специального исследования, хотя интерес к ней иногда и проявляется, но главным образом попутно

с рассмотрением других сюжетов быта тюркских народов. Между тем значение ее выходит за пределы истории отдельных народов. Из домашних животных конь с глубокой древности играл видную роль в жизни кочевников и нашел отражение в различных областях их не только материальной, но и духовной культуры, особенно в религиозных верованиях. Культ коня в них обычно выступает в двух основных формах: в виде жертвоприношения с умерщвлением животного, с последующим ритуальным поеданием мяса и вывешиванием шкуры на жертвеннике, и в виде посвящения коня тому или иному божеству, при котором конь оставался живым в табуне своего хозяина, но был отмечен особым знаком и по отношению к нему соблюдался ряд обрядов, обычаев, ритуальных запретов. Обычай принесения коня в жертву восходит к глубокой древности тюрко-монгольского этнического мира. Он, видимо, был известен хуннам (сюнну), приносившим жертвы Небу, Земле и различным духам, о чем свидетельствуют ранние письменные источники². Позднее такие жертвы практиковали этнические потомки хуннов или племена, сменившие их в восточной части Центральной Азии, в частности гаогюйцы и уйгуры, возглавлявшие племена теле. Трудно допустить, чтобы эти этнические предшественники и современники древних тюрков, находившиеся в контакте с последними, при своих моленьях и жертвоприношениях тому же Небу не приносили в жертву коней, как это делали древние тюрки, и в недавнее время алтайцы и буряты. Стоит напомнить, что такие жертвоприношения устраивали и средневековые монголы-шаманисты³. Немногие письменные источники содержат прямые свидетельства существования у древних тюрков обряда жертвоприношения коня. Параллели этому обряду имеет смысл привести и проанализировать. Исследователи, обращавшиеся к изучению древних тюрков по письменным источникам, отмечали существование у них этого обычая в связи с почитанием божеств, главным из которых являлось Небо. Так, например, Э. Шавани, ссылаясь на свидетельство Феофилакта Симокатта, пишет про западных тюрков «Они восхваляют Землю, но они поклоняются и называют только одного творца Неба и Земли, они приносят ему в жертву лошадей, быков, баранов». Х. Хаусиг, посвятивший сообщением Ф. Симокатта специальную работу, отмечая сведения византийского источника о жертвоприношениях Небу западными тюрками домашних животных прежде всего, упоминает лошадь⁴. В китайских исторических сочинениях также сообщается о жертвоприношениях древними тюрками Небу лошадей и овец, которые они устраивали ежегодно в пятом месяце, съезжаясь на р. Тамир⁵. Упоминается также жертвоприношение лошадей, быков и баранов в связи с погребальным ритуалом древних тюрков, с последующим вывешиванием на деревянных шестах шкуры и головы жертвенного животного⁷.

К сожалению, по дошедшим до нас письменным источникам невозможно составить представление о самом обряде жертвоприношения божествам домашних животных у древних тюрков, как и вообще у тюркоязычных племен Центральной Азии и Южной Сибири периода раннего средневековья. Поэтому кажется целесообразным привлечь соответствующий этнографический материал, относящийся к современным тюркоязычным народам, обитающим в пределах Алтае-Саянской горной системы. Сравнение или сопоставление фактов религиозных верований у тюркоязычных народов, разделенных между собой многими столетиями истории и тысячами километров пространства, дает весьма плодотворные результаты (в этом, в частности, убеждает мой собственный исследовательский опыт)⁸.

Предлагаемые мной сравнения оправданы еще и следующим существенным обстоятельством. В этническом составе современных тюркоязыч-

ных народов Алтая и Саян выявлены древние этнические элементы, входящие к периоду существования государств обоих тюркских и уйгурского каганатов, входившие в их состав. Они отражают этнографические и историко-культурные связи данных народов с их ранними этническими предшественниками и далекими историческими предками.

Обращаясь к этнографическим материалам по рассматриваемому сюжету, ограничимся освещением и интерпретацией изученных нами материалов о жертвоприношении только коней.

Жертвоприношение коней у народов Алтая и Саян сохранилось до революции только у народов Алтая (телеутов, тубаларов, кумандинцев, челканцев, северных шорцев). У южных алтайцев считалось обязательным для каждой семьи приносить в жертву коня высшему божеству Ульгею, обитавшему на самом верхнем слое неба, раз в три года. В то время, когда я вел свои полевые наблюдения (в 20-х годах), этот срок уже нарушался по разным причинам. К началу 30-х годов жертвоприношение коней вообще прекратилось. У северных алтайцев считалось, что коня принести в жертву было достаточно один раз в жизни, если к этому хозяин семьи не вынуждал какие-либо чрезвычайные обстоятельства.

Нет необходимости описывать весь ритуал жертвоприношения совершаемого всегда шаманом, так как сведения о нем опубликованы в этнографической литературе⁹. Отмечу лишь некоторые наиболее характерные черты обряда.

Жертвоприношение, как правило, устраивалось на горе. Конь умерщвлялся при помощи аркана, которым обматывали морду. Шкура, с оставленным в ней черепом и нижними конечностями ног, вывешивалась (головой на восток) на жерди, приставленной к дереву (обычно березе) или укрепленной на особом деревянном помосте. Моление было родовым, хотя устраивалось той или иной индивидуальной семьей. На нем присутствовали в первую очередь сородичи, которые и ели ритуальную пищу, прежде всего вареное мясо жертвенного коня. Женщины не могли находиться близ жертвенника, они располагались поодаль, иногда даже у подошвы горы. Существенной особенностью жертвоприношения было требование, предъявляемое к масти жертвенного коня. У алтайцев, например, высшему божеству Ульгею полагалось приносить в жертву коня обязательно светлой масти. Причем раньше приносили коня не вообще светлой масти, а конкретной, например, белой, светло-серой. При этом каждый род (сенок) приносил Ульгею коня своей избранной масти. Следовательно, масть жертвенного коня различалась в зависимости от того, к какому роду принадлежал хозяин, устроивший это моление. Одномастность жертвенных коней была свойственна каждому роду, что подчеркивает лишний раз родовой характер обычая.

Обычай принесения в жертву одномастных коней в каждом роде подтверждается рисунками шаманских бубнов. Еще в 1927 году, будучи у шорцев, я обратил внимание на рисунки, нанесенные на внешней стороне кожаной обтяжки бубнов. Местные шаманы их называли обобщенно «бура». Они представляют собой примитивные изображения каких-то животных, осмысливших собой изображения коней, как это было отмечено отдельными исследователями, пытавшимися описать рисунки алтайских бубнов¹⁰. По словам же моих собеседников — шаманов «бура» — это кони, на которых «ездит» шаман во время камлания, или ездовые кони отдельных божеств — покровителей. О символизации бура в качестве коней говорит тот факт, что именовались они по мастям, свойственным коням. Например, один из таких рисунков шаман Поликарп назвал «Саврасая бура божества Когышхана»; второй — «синей» (кок) масти бура»; третий — «вороной масти бура» и т. д. Здесь каждая бура, изображенная на бубне, символизировала ездовое живот-

ное — бура, принадлежащее тому или иному божеству. Известно также, что шаманы — алтайцы термином бура называли и «душу» лошади, приносимой в жертву божествам¹¹. Но вот что интересно. На многих шаманских бубнах эти «кони» — бура изображались рогатыми, почти не отличаясь по своему виду от древних изображений оленя или марала, втекающих среди наскальных рисунков Алтая.

Удалось выяснить, что первоначально слово «бура» было обобщенным названием дикого копытного животного, рогами, шкурой которого был обтянут бубен. Это название было перенесено шаманами для обозначения «коней», т. е. ездовых животных «хозяев» гор и других почитаемых покровителей, к которым они обращались, помещая рисунки их бура на бубнах¹².

В 1932 году я изучил бубен телеутской шаманки Марфы Тодышевой из сеока (рода) Нутты, распространенного у «скузнецких телеутов», характеризовавшихся смешанным составом родов различного происхождения¹³. Основная часть телеутов оказалась здесь в связи с падением Джунгарского ханства во второй половине XVIII в., найдя убежище в России и смешалась с ранее жившими здесь телеутами, шорцами, куманджицами и др.¹⁴

На бубне упомянутой шаманки я увидел шесть бура, изображенных уже в виде коней в верхней части бубна. Это были: синяя бура божества Неба ойрот, вороная бура божества Байлана рода Муидус; саврасая бура божества Неба Кызыган¹⁵, покровителя рода Меркит; синяя бура божества Неба рода Тумат; пегая бура — ездовой конь «хозяина» бубна, «душа» — шаманки; и вороная бура (в нижней части бубна) почитаемого Адам-бурула — покровителя всех телеутов¹⁶.

Названные рисунки бура дают ценный материал для изучения этнического состава телеутов. Вместе с тем они несут следы почитания духов или божеств отдельных родов, следы древнего родового культа животных, изображения которых помещали на шаманском бубне. Бубен у алтайских шаманов был когда-то родовым. Это не вызывает сомнения. Встречались шаманы у северных алтайцев, имевших одновременно по два бубна. Один из них считался родовым и шаман камлал с ним только сородичам, а со вторым — чужеродцам. В связи с разложением родового культа традиция его сохранялась уже в том, что обслуживая одним бубном религиозные нужды смешанного населения, шаманы стали наносить на бубне изображения родовых божеств местных родов. Размещение на бубне покровителей родов в представлении шаманов «по слоям небес», отдельно друг от друга, отразило, вероятно, бывшее обособление территории и расселения родов. В то же время концентрация на одном бубне изображений покровителей нескольких конкретных родов отражала реальную территориальную консолидацию телеутских сеоков. Но в этом есть и дополнительное свидетельство большей древности родовых культов по сравнению с шаманством. Шаманство впитало в себя ряд таких народных культов, модернизировав и монополизировав их¹⁷.

Шаманка М. Тодышева камлала своим бубном не только сородичам, но и телеутам из сеоков Ойрот, Муидус, Меркит, Тумат, жившим смешанно в районе рек Большого и Малого Бочатов, поэтому изображения «покровителей» данных сеоков имелись на ее бубне.

Нельзя не обратить внимания на то, что ездовая «бура» божества или духа покровителя у каждого сеока имеет свою особую масть. Этот факт вводит нас в интересный, но еще мало разработанный в этнографии круг народных религиозных представлений, связанных как с принесением в жертву коня, так и с его посвящением божествам у кочевниково-скотоводов. Однако, несмотря на сохранение древнего обычая приносить в жертву каждым родом одномастных коней, у алтайцев наблю-

далось в большей степени другое. Одномастность жертвенных коней гробовалась и соблюдалась по отношению почти к каждому божеству персонально, независимо от того, каким родом оно почиталось. Например, божеству Йер-су (божество Земли и воды, имя которого известно и древнетюркским руническим надписям) нужно было приносить красных или рыжих коней, а местным духам гор и тайги — соловой масти. У телеутов род Тонгул приносили в жертву Ульгеню коня чалой масти, а Тезиму (Дезим-бий) — духу высоких (со снежными вершинами) гор — соловой масти. Кумандинцы каждого рода приносили в жертву Ульгеню обычно солового коня, а тубалары — серого.

Ряд различных родоплеменных групп приносил в жертву общему для них божеству коней одной и той же масти. Это приносится в жертву «хозяину» тайги, покровителю охотников, по имени Каным, почитаемому челканцами, тубаларами, частью кумандинцев. Ему предназначали коня рыжей масти. Правобережные катунские алтайцы, смешанного родоплеменного состава, поступали так в отношении Кудай-бия, покровителя аналогичного Каныму, которому приносили коня соловой масти. В рисунках на шаманских бубнах телеутов и «стециных» шорцев, отразилась и эта особенность. Рисунки некоторых «бура» здесь символизировали коней определенной масти, принадлежащих конкретному божеству, составлявших атрибут этого божества, в качестве его ездового животного. Таковы «Саврасая бура божества Когышкана», синяя и белая бура «Пакты-Хана и Бай-Кыргыса» (синовой Ульгеня) и других.

В большей степени, чем жертвоприношение с умерщвлением животного, было распространено у тюркоязычных народов Саяно-Алтая посвящение коня божеству, причем конь оставался живым, находясь в своем табуне. Посвященные кони у алтайцев, телеутов, киргизов назывались «ийык», у различных групп современных хакасов — «ызык», у северных алтайцев — «ызык», у тувинцев и тофаларов (карагасов) и якутов «ыдык» (ытык). Под названием «ийызык» они были известны и желтым уйгурам¹⁸. У алтайцев «ийык» хотя и ходил в табуне порой долгое время, но в конце концов его приносили в жертву. Обряд посвящения коня был более всего развит у различных тюркоязычных групп населения Минусинской котловины: качинцев, сагайцев и др., ныне именуемых хакасами. Здесь конь — «ызык» если не становился жертвой волков или другого несчастного случая, доживал в своем табуне до старости, когда его заменяли новым и обязательно той же масти.

Посвящали ызыхов обычно «хозяевам» гор и Небу с целью получить плодovitость и благополучие скота, «хозяину» воды этого не делали, («толбанча», как коротко выразился один старик). Но посвящали часто ызыхов различным духам, главным образом, посылающим болезни на людей.

Весьма развит был обряд посвящения божеству домашних животных у тувинцев. Лошадь посвящали в ыдыки лишь при болезни хозяина, чтобы он «унес» его болезни. Посвящение в ыдыки у тувинцев испытывало большое влияние ламанзма, стремившегося адаптировать древние, шаманские обряды¹⁹. Обращаясь к характеристике обряда у хакасов следует подчеркнуть его тесную связь с шаманством. Для выбора и посвящения коня обычно приглашали шамана, который камлал в юрте хозяина, в своем ритуальном костюме, с бубном. В качестве ызыха шаман указывал на определенного коня из табуна хозяина, на котором еще никто не ездил. Камлание начиналось с вечера и длилось до рассвета. В юрте (в переднем углу) вкапывалась березка с листьями и корнями, перед ней ставился столик с посудой, наполненной аракой

Белого годовалого барашка, предварительно обведя его три раза, вокруг очага, колотли, мясо варили и выкладывали на столик вместе с осердием.

Приготовленный к посвящению конь стоял у коновязи близ юрты. Шаман, когда было готово мясо, начинал камлание, направляясь к Ызых-хану — покровителю всех посвященных коней, живущему на хребте «Ыргак-Тыргак» (хребет в юго-восточной части Западного Саяна. Он обозначен на картах под названием Эргак или Эргак-Таргак) или, по другой версии, на горе Тигир-тиш («Зуб неба») и едящему на вороном коне. Достигнув Ызых-хана, шаман угощал его аракой и мясом и просил одобрить посвящаемого коня. В знак согласия Ызых-хан давал шаману «чулу» (особую «душу»), которую шаман «вбивал» сильным ударом (по бубну) в ухо коня или же помещал чулу в чашку с аракой, которую затем насильно вливал в рот коню (с помощью хозяина). В течение ночи посвящаемый конь стоял у коновязи, а утром его вели на вершину горы, где хозяин снова вкапывал березку и к ней его привязывал.

На эту часть обряда съезжалось много народу. Хозяин и его родственники ехали верхом в шапках, украшенных цветными ленточками, которые потом привязывали к вкопанной березе. Перед последней ставили большой стол, наскоро сделанный из жердочек и веток, на котором расставлялось в посуде вино и мясо, перед столом раскладывали огонь, вокруг стола и костра трижды обводили белых ягнят, привезенных мужчинами — родственниками хозяина, затем ягнят умерщвляли, варили мясо и выкладывали его на стол. Моление начиналось с того, что шаман зачерпывал чашкой вино, выплескивал его на вершину березы и начинал камлать. Во время камлания шаман и три человека (в том числе и хозяин) обходили кругом березу (по солнцу), каждый с чашкой в руке. Один нес чашку с аракой, второй с молоком, третий с бульоном и кусочками мяса. Шаман, идя впереди, называл некоторые окрестные горы и реки, просил у них благополучия (урожая, трав, дождя и т. д.) и восклицал — «Сок!» Вслед за этим каждый из идущих за ним мужчины кропил из своей чашки, а остальные мужчины, сидевшие позади березы, клалились одновременно. Женщины в это время сидели поодаль от мужчин как зрители.

Нельзя обойти молчанием еще одну особенность обряда, фиксирующую, видимо, его развитие из более ранней формы, предусматривающей обращение шамана за согласием непосредственно к индивидуальному покровителю изыха. Имеется в виду изготовление изображений (тос) «покровителей» изыхов при посвящении коней некоторой определенной масти. Так поступали, например, некоторые шаманы при посвящении коня рыжей и вороной масти. Для покровителя рыжих изыхов изображение делали в виде березовой палки, около метра длиной, с прикрепленным к ее верхнему концу куском кожи бритой овчины (кырна), к которой пришивались белая и красная ленты. Шаманы опоясывали палку красной тряпочкой. Ее вешали на стене юрты налево от входа. Когда устраивали камлание для посвящения коня, изображение снимали и втыкали около посвящаемого коня, стоявшего у коновязи. Когда шаман «мыл» изыха вином, он в то же время окропляет и изображение. В дальнейшем при камланиях, связанных с болезнью членов семьи, изыха не ловили из табуна и не проводили к больному, а ставили в юрте упомянутое изображение и «угощали» его молоком и вином. Для вороного изыха изображение (тось) покровителя представляло собой тоже березовую палку с развилкой на конце, между концами которой натягивалась кожа (кырна) и к ней пришивали вырезанную из коры тополя фигурку птицы «курку» (тетерева) и прикрепляли еще крыло этой птицы, которое, за отсутствием тетерева, заменяли крылом черного петуха. Посредине палку опоясывали черной тряпочкой. Хранилось изображение также на стене юрты, от входа налево. Когда посвящали вороного, рыжего или солового коня, то моления на горе не устраивали. В даль-

нейшем сам хозяин два раза в год (весной и осенью) «мыл» своего ызыха (гриву и хвост молоком) и менял ленты, привязанные к гриве, не обращаясь для этого к шаману.

Родовой характер обряда посвящения коня хорошо прослеживается у сагайцев шорского происхождения²⁰. Здесь шаман показывал ызыха священной горе (Тос-Таг) того рода, к которому принадлежал хозяин, посвящавший коня. Так как упомянутые сагайцы переселились в Хакасию (бассейн левобережья Абакана) и Шорню, то их почитаемые родовые горы естественно остались на старой родине (в бассейнах Мрасы и Кондомы и верховьях Томи). Поэтому камлание этим горам было длительным и трудным. Чтобы добраться до родовой горы шаману приходилось преодолевать большое расстояние. Например, сагайцы родов Карга и Сайын почитали родовую гору Падын-Таг на р. Мрасе. Шаман отправлялся показывать ызыхов, посвящавшихся хозяевами из этих родов Падын-Тагу. Последний либо одобрял ызыха, либо отвергал его и требовал другого, сообщая приметы такого коня; обряд посвящения коня был, конечно, заимствован сагайцами шорского происхождения от окружающего местного населения в районе их нового места жительства, где они стали заниматься скотоводством. На прежней родине, будучи пешими охотниками-звероловами, они не знали обычая посвящения домашних животных божеству. Но и при заимствовании обычая они сохранили кое-какие свои традиции при исполнении нового для них ритуала. Например, их шаманы угощали Падын-Тага по-прежнему рыбой, луковыми сараны и клубнями кандыка, лепешками из пресного теста и т. п. Молочные продукты и мясо домашних животных (в отличие от качинцев, бельтиров и др.) из жертвенной пищи исключались. Посвятив коня в ызыхи, просили его обеспечить удачную охоту. Многие из таких сагайцев, занимаясь, наряду со скотоводством, охотой на зверя, осенью, перед охотничьим сезоном, специально звали шамана для камлания об удаче. Но камлали уже не родовой священной своей горе, как это делали у себя на прежней родине, а своему ызыху, который был теперь как бы представителем их родовой священной горы, одобрившей данного ызыха.

Таким образом, обряд посвящения коня не утратил родовых черт и у сагайцев шорского происхождения, кроме того, сохранил в себе еще кое-какие особенности, говорящие о происхождении их от шорцев. Прослеживаются родовые элементы обряда и у бельтиров. У них во время камлания при посвящении коня на горе присутствовали только сородичи; чужеродцы допускались лишь в качестве зрителей. Когда распределяли жертвенное мясо ягнят, его ели сородичи хозяина, посвящавшего коня; ить паска сёок кизи пербес, то есть мяса людям другого сеока не давали!

По представлению же сагайцев, каждый ызых — конь имел своего покровителя (тось) в образе «хозяина» горы Ызыхов в старину посвящали только горам и изображений их не делали. Связь посвященных коней с почитанием гор, на которых или в честь которых посвящали ызыха, действительно выступала очень явственно. Она отразилась и в названии таких гор. У алтайцев они назывались Ыйых-ту, у тувинцев — Ыдык-Таг, у хакасов — Ызых-тах. У тувинцев также удалось получить сведения о посвящении коней-ыдыков не только божествам высшего ранга, но и отдельным священным горам. Восточные тувинцы посвящали ыдыка-коня горе Одуген, название которой повторяет наименование знаменитой горно-лесистой местности «Отукан йыш», почитавшейся древними тюрками, неоднократно упоминаемой в древнетюркских надписях²¹.

Наиболее специфической и, по-видимому, архаической особенностью рассматриваемого обряда нужно признать представления, связанные с ритуальным значением масти посвящаемых коней-ызыхов. Я записал

воспоминания о том, что раньше каждый род придерживался обыкновения посвящать коней одной и той же масти, считавшейся «родовой» ритуальной мастью. По словам бывшего шамана Кайдаракова и других стариков, выяснились следующие конкретные данные в отношении кочевцев. Род Пурут посвящал соловых коней, род Ара — рыжих, род Каски — бурых, а род Кыргыс — сивых. У сагайцев род Кобый «ставил ызыхов бурой масти, но отдельные семьи (тоя) рода — вороных. Род Карга посвящал в большинстве бурых ызыхов и лишь отдельные семьи его — вороных и соловых. Масть ызыхов у названных групп была одним из атрибутов родового культа.

И все же в действительности здесь более характерным и широко распространенным было посвящение одномастных коней, почитаемым отдельным персонажем независимо оттого, к какому роду принадлежал владелец ызыха. Свидетельством тому служит большой конкретный материал как опубликованный, так и собранный мною на месте. Обобщая его можно утверждать, что это относится, прежде всего, к Небу и «хозяйствам» гор, а также и к отдельным персонажам местного пантеонизма, в котором большую роль играли демоны, насылающие или исцеляющие болезни. Небу и божествам небесного ранга посвящали коней светлой масти (сивой, белой, голубой и т. д.), к какому бы роду (сбоку) ни принадлежал владелец ызыха. Горам предназначались ызыхи более темных мастей (бурые, гнедые, карие и др.).

Одномастные кони ызыхи были характерны, в свое время и для тувинов. Г. Н. Потанин в 70-х годах XIX в. отметил посвящение ызыхов в честь Кайкаракана (или Кудая) — белой масти, в честь божества Джетыгана — чубарой, в честь Олан-Телегея (соответствует алтайскому Персу) — вороной масти²².

Одной из важнейших целей посвящения коней у тувинов, а особенно у хакасов, было предупреждение или исцеление болезней. Ызыхов хакасы посвящали демонам как местного, так и пришлого происхождения. Таков был, например, Кинен, ездивший на красно-рыжем коне, обитавший в основном в пустыне Гоби. Он исцелял от болезней глаз и головной боли. То же самое можно сказать про демона Тума, ездившего на «лунно-вороном» коне, проживавшего вообще где-то на Алтае, насылавшего ломоту тела и высокую температуру. Последнему посвящали коней вороной масти, а Кинену — рыжей. Таким демонам горных молений не устраивали, а камлали только в юрте, где постоянно хранили их изображение (тбс). Данная категория демонов представляла собой покровителей всех посвященных им коней той или иной масти, каковым был, скажем, Салыг — покровитель всех соловых ызыхов, живший на хребтах Саянских гор или покровитель вороных ызыхов Тума и др. В религиозных представлениях хакасов возникла категория покровителей посвященных коней по их мастям, возглавляемая Ызых-ханом, покровительство которого распространялось на ызыхов всех мастей.

Ритуальное значение конской масти прослеживается не только у саяно-алтайских народов. Оно отмечено и у якутов, у которых по сведениям 1822 года «демонов» называют по шерсти лошадей²³, а кроме того, как писал один из авторов, якуты считали, что «у каждого бога лошади имели свои специфические масти»²⁴.

Одномастность священных коней запечатлена в монгольском средневековом эпосе дербетов, который хотя и пропитан ламанстскими религиозными представлениями, но сохранил сведения о посвящении одномастных коней онгону Синего Неба. Зафиксированы факты о наличии священных коней одной и той же масти и у волжских калмыков²⁵. Следовательно, масть посвященных и жертвенных коней играла значительную роль в религиозных верованиях кочевников, по крайней мере в тюрк-

ско-монгольской этнической среде. Масть коней не только имела ритуальное значение, но даже вошла в местные родовые культы в качестве одного из сакральных признаков родового культа, подобно тому как в героическом эпосе кочевников конь определенной масти стал неотъемлемой частью внешнего образа богатыря и вошел в качестве эпитета в собственное имя богатыря.

Из предшествующего изложения следует вывод об изменении или модернизации ритуального значения масти коней от родовой атрибуции в культе к атрибуции общего божества, почитаемого одновременно различными родоплеменными группами. Эта эволюция связана с отражением в культе реальных изменений в общественной жизни кочевников. Сущность их выражалась в децентрализации родов в смысле расселения, смешении родоплеменных групп, в их этнической консолидации на больших территориях. Процесс этот происходил под влиянием роста производительных сил и увеличения плотности населения. Одномастность жертвенных или посвященных лошадей не могла оставаться в рамках уже изжившего себя родового культа. Одномастность стала сакральным элементом в почитании персонифицированных божеств межродового или межплеменного ранга. Возникает вопрос о причинах, под влиянием которых масть коней у кочевников приобрела столь видное значение в религиозных воззрениях. Ответить на такой вопрос не просто, но высказать предположение вполне возможно, если принять во внимание довольно известный факт практического значения различия и названия коней по цвету их шерсти у кочевников-скотоводов, занимавшихся коневодством. При пастбищном содержании скота в течение всего года, масть служила важным признаком для опознания животных в табуне, при поисках отбившихся коней и т. д. Различение коней по мастям было весьма важно и для учета табунов, составлявших едва ли не наиболее ценный основной фонд «живого» богатства скотовладельцев их подвижного имущества. Конечно, не случайно, а именно в связи с этим у кочевников-скотоводов выросла большая номенклатура названий и цветов мастей, их оттенков и сочетаний, исчисляющаяся не одним десятком терминов.

Как показывают некоторые исторические факты, практическую опознавательную роль масть коней играла также при войнах и стычках сражающихся всадников. У сюнну (хуннов) были целые соединения конницы, подобранной по масти лошадей. По свидетельству одного из ранних письменных источников «Конница у гуинов на западной стороне имела белых на восточной — серых, на северной — вороных, на южной — рыжих лошадей»²⁶. О подборе коней по масти в коннице кочевников свидетельствует и киргизский эпос «Манас». Например: «войска Урбю приезжают перед выступлением в поход на конях черной масти, войска Тоштука — на конях гнедой масти»²⁷. Стало быть, одномастность коней выступала иногда в качестве цветового признака военного соединения. Поскольку последние формировались у кочевников из ополчения родоплеменных групп, то можно полагать, что масть коней в таких соединениях могла быть внешним показателем родоплеменной принадлежности ополченцев.

Исходя из практического значения в жизни кочевников различия коней по масти, можно понять и отражение этого признака в их культе, в котором лошадь играла столь видную роль.

Обращаясь к сюжету, послужившему предметом настоящей статьи, находим, что изложенные выше этнографические материалы обнаруживают тесную связь с древнетюркским жертвоприношением коней, по признакам отмеченным ранними письменными источниками, включая названия высших божеств, которым устраивались жертвоприношения. По этим материалам можно предполагать существование у древних тюрков и обычая посвящения коней. К ним относится факт широкого

распространения у современных тюркских народов, в прошлом связанных с историей тюркских каганатов, а ныне отдаленных друг от друга большой исторической и географической протяженностью, термином *ыдык*, в значении посвященного животного. Он известен (в фонетических вариантах) и тюркском этническом мире от якутов — на востоке и северо-востоке — до киргизов и уйгуров — на западе и юге, сохранившись даже в условиях мусульманства. И везде, где удастся проследить, отражает устойчиво общие главные черты обычая посвящения животного божеству.

Термин «ыдык», как говорилось выше, у современных алтае-саинских народов применялся и к названию гор, на которых или в честь которых посвящали домашних животных. А так как в древнетюркских рунических текстах слово *ыдык* тоже связано с названием некоторых гор, вполне логично видеть в этом отражение обычая посвящения животного у древних тюрков.

Имела ли ритуальное значение масть лошадей в культурах древних тюрков? Прямых данных на этот счет нет, но отсутствие в известных письменных источниках, к тому же весьма ограниченных по содержанию в них сведений о религиозных воззрениях древних тюрков, равносмысленно, не отрицает самого факта существования таких представлений. Ничто не препятствует видеть следы такого значения масти коней, например, в погребальном ритуале древнетюркских каганов.

Хорошо известно участие в похоронах каганов многих представителей различных племен и народов как зависимых, так и находившихся в союзнических или дружественных отношениях с тюркскими каганатами. Они приезжали по обычаю в качестве «плачущих и стонущих», чтобы выразить общее горе, протекающее в русле погребального ритуала, и привозили богатые дары или подношения умершему, предназначенные для погребения с ним. В числе даров несомненно были лошади от различных племен и родов, которые подбирались, видимо, по мастям, ибо такой обычай был известен кочевникам Южной Сибири и Центральной Азии уже задолго до древнетюркского периода, о чем свидетельствуют археологические раскопки. Особенно убедительны в этом смысле раскопки огромного кургана Аржан, в долине р. Уюк (Северная Тува), вблизи которого раньше была обнаружена древнетюркская руническая надпись — эпитафия на камне («Уюк-туранская надпись»), посвященная знатному владельцу шести тысяч коней (датируется примерно серединой IX века)²⁸.

Упомянутый «царский» огромный курган датируется VII в. до н. э. В нем в первый сезон раскопок (1971 год) были вскрыты три деревянные сруба с погребениями лошадей. В двух из них находилось по тридцать а в третьем 15 жеребцов. В каждом срубе кони были подобраны одной масти (соловые, гнедые, рыжие). Исследователи кургана справедливо полагают, что кони были погребены в качестве дара умершему для загробной жизни. Их похоронили трупами, в специально для них построенных деревянных погребальных камерах. Мясо их не тронуто и шкура тоже. При жертвоприношении же шкуры вывешивались отдельно, мясо съедалось. Находки трупов, погребенных одномастных лошадей известны и на Алтае, и относятся к так называемому скифскому времени. Тюркскими кочевникам раннего средневековья не могли быть неизвестными древние обычаи их исторических и этнических предшественников и предков.

На сакральное значение конских мастей указывают факты из области шаманского кругозора. У «кузнецких» телеутов шаманский бубен во время камлания назывался «ак-чагал». Подлинное значение этого ритуального названия бубна было забыто даже самими шаманами, с помощью которых я изучал их бубны. Но потом удалось его расшифровать.

как «священная (ак) пегая лошадь (чагал)». Слово «чагал» в значении пегой масти оказалось уйгурским и сохранилось у уйгуров и якутов⁷⁹. Кстати, советские гиппологи установили центрально-азиатское происхождение пегих якутских лошадей⁸⁰, подтверждение чему видно в китайских письменных источниках о народе или племени алатов-пеголошадников (китайская калька этого слова бо ма), обитавшем в древнетюркское время в Центральной Азии по северную сторону Гоби. Кроме того, одноступенчатость некоторых разводных древними тюрками лошадей отмечена в одном из китайских сочинений VIII—IX вв., в разделе «Тагри лошадей вассальных княжеств»⁸¹. Следовательно, нет ничего невероятного в отражении ритуального значения масти и в религиозных представлениях древних тюрков, поскольку в рассмотренных обрядах жертвоприношения и посвящения коня на позднем этнографическом материале, т. е. в обрядах, существовавших также и у древних тюрков, это явление занимает видное место и хранит архаические элементы.

В настоящей работе осталось не рассмотренным жертвоприношение лошади, о котором упоминают ранние письменные источники о древних тюрках, связанное с погребальной церемонией. Этот вопрос освещен на широком археологическом и этнографическом материале алтае-саянских народов, в сопоставлении с древнетюркским, в специальном исследовании В. П. Дьяконовой, посвященном изучению погребального обряда. Автору удалось проследить этногенетическую связь соответствующих материалов и представлений, сохранившихся у саяно-алтайских тюркоязычных народов до этнографической современности, с древнетюркскими и установить важное источниковедческое значение погребального обряда для историко-этнографических исследований у названных народов.

ЛИТЕРАТУРА

1 См. Л. П. Потапов. К семантике названий шаманских бубнов у народностей Алтая. Советская тюркология, 1970, № 3, Баку; Некоторые аспекты изучения сибирского шаманизма, М., 1973 (Доклады советской делегации на IX Международном Конгрессе антропологических и этнографических наук) и др.

2 Н. Я. Бичурин (Макинфи). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, Т. 1, М.—Л., 1950, стр. 490. Ср. И. И. М. де Гроот. Дие Хувен дер Вохристилихен Сайт. Берлин, 1921, 1, стр. 59. Лю Мау-Тсай. Дие динезишен Нахрихтен цур Гешихте дес Ост-Тюркен, В. 1, Внесбаден, 1958, стр. 40, 109.

3 И. А. Бойле. А. Форм оф Хориз Сакрификсе амонг 13 тх анд 14 тх—Центури Монголс Централ Азиати. Журнал, в. X, Но 3—4, 1965.

4 Е. Шаваннес. Документс сур дес Туркс Оксидентеау. Ст. Пет. 1903, п. 248. И. П. Роух. Ла религион дес Туркс де Л'Орхон дес VII-е эт VIII-е ет сиеклез. Реvue де Л'Хистори де религионс (RHR), 1962, т. 161, п. 227.

5 Х. В. Хауссия. Теофилакте Экскурн Убер дие скитхишен Велкер Вицантион, т. XXIII, Брюссельс, 1953, стр. 367.

6 Лю Мау-Тсай. Дие хинезишен Нахрихтен цур Гешихтен дер Ост-тюркен (Тулук) Бд 1, с. 10, 42, 456. И. П. Роух «Тагри» Эзай фур ле диез-диеу дез пеоплес алтайцев. RHR, т. 149, 1—2, 1956, т. 150, 1—2, 1956.

7 Лю Мау-Тсай. Ибидем. Бд. 1, стр. 9—10.

8 См. Л. П. Потапов. Основные проблемы изучения народов Алтая в советской исторической науке. Доклады советской делегации на XXIII Международном конгрессе востоковедов, М., 1954. Его же. Применение историко-этнографического метода к изучению памятников древне-тюркской культуры. Доклады Советской делегации на V Международном Конгрессе антропологических и этнографических наук, М., 1956. Его же. К изучению шаманизма у народов Саяно-Алтайского нагорья. Сб. Памяти академика Б. Я. Владимирцова, М., 1958 и др.

9 В. Вербицкий. Алтайские инородцы, М., 1893. А. В. Анохин. Материалы по шаманизму у алтайцев. Петроград, 1924. А. Глухов. Тайялга. Материалы по этнографии Т. III, в. 1, Ленинград, 1927.

10 Г. Н. Потанин. Очерки Северо-Западной Монголии, т. IV, СПб., 1883, стр. 45, 48. А. В. Анохин. Материалы по шаманизму у алтайцев, стр. 61. У телеутов терми-

ном буре называли животное, предназначенное для жертвы. Рисунки буре и их описание см. в моей статье Дие Херштеллуи дер Шаманентроммел бай ден Шор Мит тайлунген дер Семинарс фир Ориенталише Шпрахен цу Берлин. XXXVII, 1934, Абт. 1, стр. 60—64.

11. В. Вербицкий. Словарь алтайского и аладатского наречий тюркского языка. Казань, 1884, стр. 272.

12. Л. П. Потапов. Следы тотемистических представлений у алтайцев. Советская этнография, 1935, № 4.

13. Л. П. Потапов. Бубен телеутской шаманки и его рисунки. Сб. Музея Антропологии и этнографии АН СССР, т. X, М.—Л., 1949.

14. Л. П. Потапов. Происхождение и этнический состав алтайцев. Л., 1949, стр. 129—131 и др.

15. Ср. Кызы-ган (т) — подвластный Улыкену дух, ездит на красно-буром коне с красным шелковым поводом. Вербицкий Словарь, стр. 166.

16. По представлениям телеутов, каждый шаман имеет особую душу «тын буре» в образе дикого животного, которую он прячет в тайге и вызывает только во время камлания (подробно см. мою статью «Следы тотемистических представлений у алтайцев»).

17. См. Л. П. Потапов. Обряд оживления бубна у тюркоязычных племен Алтая. Бубен телеутской шаманки и ее рисунки. Культ гор на Алтае. Сов. Этнография, 1941, № 2. К изучению шаманизма у народов Северо-Алтайского нагорья (Сб. «Памяти академика В. Я. Владимирцова») и др.

18. В. Вербицкий. Словарь, стр. 457, 466. У киргизов — это священное домашнее животное пущенное в стадо. К. К. Юзвани. Киргизско-русский словарь, М., 1911, стр. 73. С. Е. Малов. Остатки шаманизма у желтых уйгуров. Живая Старина, 1912, в. 1, стр. 73.

19. См. Л. П. Потапов. Материалы по этнографии тувинцев районов Монгун-Тайги и Кара-Холя. Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции Института этнографии Акад. наук СССР (ТКАЭЭ). М.—Л., 1960, стр. 214—218, см. же. Очерки народного быта тувинцев, М., 1949.

20. См. подробно Л. П. Потапов. Этнический состав сагайцев. Советская Этнография, 1947, № 3.

21. Л. П. Потапов. Новые данные о древнетюркском «Отүмеш». Советское востоковедение, № 1, 1967, стр. 112.

22. Очерки Северо-западной Монголии. Т. IV, стр. 77, 80, 92.

23. См. Описание якутов. Журнал Северный Арханг. СПб., 1822, № 15, стр. 218.

24. А. Е. Кулаковский. Материалы для изучения верований якутов. Записки Якутского Краеведческого Географического общества, 1, Якутск, 1932, стр. 17—18.

25. У. Э. Эрдинев. Калмыки. Историко-этнографические очерки. Элиста, 1970, стр. 268.

26. Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, стр. 51, ср. Н. М. де Гроот. Дие Хуниен дер ворхристенхем Шайт. Берлин, 1921, Бд. 1, стр. 63.

27. С. М. Абрамзон. Черты военной организации и техники у киргизов. Труды Ин-та языка, литературы и истории Киргизского филиала АН СССР, в. 1, Фрунзе, 1945, стр. 176.

28. Л. Р. Кыласов. Новая датировка памятников енисейской письменности. Сов. этнография, 1960, № 3.

29. Л. П. Потапов. К семантике названий шаманских бубнов у народностей Алтая. Советская Тюркология, 1970, № 3, Баку.

30. В. А. Лаппинг. Якутская лошадь. Журнал «Коневодство», 1937, № 6.

31. Ю. А. Зуев. Тамги лошадей из вассальных княжеств. Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР, т. VIII, Алма-Ата, 1960.

32. В. П. Дьяконова. Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник (автореферат диссертации). Ленинград, 1970. Материал по жертвоприношению лошади в погребальном обряде у алтайских народов («алтайских») в широком историко-лингвистическом понимании) древности и средневековья, по письменным источникам, сосредоточен и обобщен в книге Н. П. Роуха. Ла морт хез лез пеоп лез алтайквел анциен эт медиевалх. Париж, 1963.

См. Критическую рецензию на эту книгу Е. Lot-Falck, RHR, 1965, pp. 104—106.

О НАСКАЛЬНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЯХ НЕКОТОРЫХ ЖИВОТНЫХ В ГОРАХ ЮГО-ВОСТОЧНОГО АЛТАЯ

Изучение истории распространения диких животных имеет научный и практический интерес. Однако, материалы, характеризующие фауну минувших времен, как правило, крайне малочисленны. При рассмотрении этого вопроса, наряду с прочими археологическими данными, неоценимую услугу может оказать тщательное изучение наскальных изображений животных. Справедливо заметил Р. Л. Потапов¹, что «Во многих областях при почти полном отсутствии остеологического материала такие изображения являются единственно достоверным источником, дающим материалы по фауне края в отдаленные времена». К таким областям относятся и Юго-Восточный Алтай.

Формирование фауны Юго-Восточного Алтая издавна привлекало внимание исследователей. Юго-Восточный Алтай находится на стыке крупнейших зоогеографических подразделений (Северной и Нагорно-Азиатской подобластей) и естественно поэтому, что его фаунистический комплекс включает представителей как Центрально-Азиатской пустынно-степной, так и Сибирской горно-таежной фауны².

Состав фауны Юго-Восточного Алтая не остался неизменным. Существенные изменения произошли в нем за последние две тысячи лет — сократился ареал ряда видов, а некоторые исчезли совсем. Изменения в составе фауны этих мест вызваны, скорее всего, не переменной климатических условий, а усиливающимся воздействием антропогенного фактора. К такому заключению мы пришли на основании изучения многочисленных наскальных изображений животных и сравнения экологических потребностей этих видов с существующими природными условиями.

Основная масса петроглифов сосредоточена в урочищах Бураты, Туюк-Гобо, Шибэ, Оюм, Чаган-Бургазы, Тархата (все на северных отрогах хребта Сайлюгем). Имеются петроглифы в урочищах Бугузуи и Бар-Бургузы (система хребта Чихачёва). Все перечисленные урочища (схема 1), лежат в зоне высокогорной (около 2200 м над у. м.) опустыненной степи. Климат здесь суровый, резкоконтинентальный, годовое количество осадков не превышает 120 мм. Основное занятие местного населения — кочевое скотоводство. Петроглифы расположены в районе зимних пастбищ. Значительных по площади скальных обнажений здесь нет. Чаще всего это небольшие выходы коренных пород, располагающиеся, главным образом, по гребням, разделяющим небольшие ложки, выходящие устьями в Чуйскую степь. На гладких поверхностях таких скальных выходов, иногда покрытых солнечным загаром, и помещали древние художники свои рисунки. Рисунки выбивались также на каменных стелах, на поверхности камней, составляющих наброску древних могил, на отдельных камнях, разбросанных по степи, на валунах ледниковых морен. Петроглифы располагаются в различных плоскостях — верти-

кальных, горизонтальных, наклонных, поодиночке и группами. Описываемые здесь петроглифы выполнены выбивной техникой. Выбивались изображения чаще сплошь, реже по контуру. Сохранность большинства рисунков хорошая. Общее количество изображений исчисляется многими сотнями.

* Сибирский горный козел (*Capra sibirica* Pall 1776). Петроглифы, изображающие сибирских горных козлов, обнаружены в урочищах Бураты, Туюк-Гобо, Шибее Оюм, Тархата, а также по выходам горных пород между этими урочищами. Кроме того, они встречаются на отдельно лежащих камнях непосредственно в Чуйской степи в 10 км от п. Ташанты и на каменных стелах, стоящих у древних курганов в урочищах Бугузуун и Бар-Бургазы. Рисунки этого животного самые распространенные и многочисленнее. Видимо, горные козлы имели исключительное большое значение для благополучия древних жителей Юго-Восточного Алтая. Горные козлы изображались как одиночно, так и табунками. Их рисовали в различных позах: спокойно стоящими, пасущимися, стремительно бегущими, бодающимися. Есть сцены, на которых изображены древний охотник, натянувший тетиву лука и готовый пустить стрелу в стоящего горного козла, или охотник, стреляющий из лука в козла, которого на него нагоняют собаки (рис. 1, 2, 3). Охота с собакой на горного козла у теленгитов Центрального Алтая сохранилась до начала нынешнего столетия². Интересен рисунок, на котором изображен сибирский горный козел, стоящий на скале в окружении двух барсов (рис. 4). Представляет интерес изображение козла на рис. 5. Обычно стройное, подтянутое животное изображено в данном случае массивным, несколько тяжеловатым. Видимо его хотели изобразить в зимнем меху. Если это так, то нужно думать, что здесьние места являлись не только летними, но и зимними стациями горных козлов.

В прошлом горные козлы были распространены в Алтае значительно шире и населяли как Центральный Алтай (Каракольские писаницы) так и Западный Алтай (петроглифы у д. Тюдрала).

Архар (*Ovis amon* Linn. 1758). Изображения горных баранов найдены в урочищах Бураты, (Туюк-Гобо, Шибее, Оюм). Рисунки располагаются чаще одиночно, иногда парами и группами и вместе с фигурами других животных (рис. 6, 7). Интересны рис. 8, 9, на первом животное настороженно смотрит в сторону, как бы почуяв опасность, на втором два самца бегут навстречу друг другу. Изображения архаров встречаются редко. Надо полагать, численность диких баранов всегда была низкой. Вместе с тем, в прошлом область их распространения простиралась много дальше в северном и западном направлениях. Об этом говорят находки наскальных изображений архаров в Центральном Алтае и материалы раскопок Папнырьских курганов⁴.

Марал (*Cervus elaphus* Linn. 1758). Наскальные изображения маралов встречаются на большинстве писаниц, известных на территории Горного Алтая (Шиникманские, Тюдралинские, Бичикту-Боомские, писаницы в окрестностях Пазырыка), но особенно многочисленны рисунки этих животных в Юго-Восточном Алтае (рис. 10—13). Здесь изображения маралов встречены на скалах в урочищах Бураты, Туюк-Гобо, Оюм, Шибее, междуречья Чуган-Бургаз и Тархаты, на камнях около Чуйского гракта в 10 км от п. Ташанты, в долине р. Бар-Бургазы на спиной стороне каменного изваяния человека. Наряду с рисунками, выполненными в высшей степени реалистично, на которых четко схвачены не только характерные черты животного, но соблюдены пропорции и все детали выписаны тщательно и аккуратно, имеются изображения примитивные, схематичные часто преувеличенно подчеркивающие ту или иную часть тела животного. Маралов рисовали в различных ситуациях. Чаще изображались быки-маралы с рогами. Вероятно этим было проще под-

черкнуть видовую принадлежность особи. На рис. 14 показано животное, допавшее, очевидно, в ловчую яму. Факт, говорящий о том, что этот древний способ добывания животных практиковался и здесь. П. С. Палласом⁵ отмечен этот способ охоты на маралов у аборигенов Западного Алтая, перенятый впоследствии поселившимися на пограничной линии казаками. Указание на еще один способ охоты, с собаками, мы находим на рис. 15 (урочище Бураты). Группа собак преследует оленя, чуть в стороне показана еще одна собака, хватящая марала за заднюю ногу. С этим рисунком перекликается другой, найденный у д. Тюдрала в Западном Алтае (рис. 16), на котором показаны две лайки, а выше выбит человек. Следовательно, охота на маралов с собакой была известна для обширной территории Алтая.

На рис. 17 древний художник изобразил ревущего быка марала — шея вытянута, рот приоткрыт, рога закинута на спину. Поза весьма характерная, и интересно, что современные маралы во время рева принимают позу своих далеких праправщуров.

Большое впечатление производит мастерски выполненная сцена охоты на быка марала волчьей стаей (рис. 18).

По количеству изображений маралы занимают второе место после сибирского горного козла. Вероятно, маралы имели большое значение и в жизни людей.

Вопрос обитания маралов на безлесных пространствах Юго-Восточного Алтая имеет особое значение и на нем следует остановиться подробнее. Описывая восстановленный ареал марала В. Г. Гептнер исключает из него Чуйскую степь⁶. Действительно, теперь маралы не встречаются на безлесных хребтах, окружающих Чуйскую степь, а именно здесь располагается основная масса их изображений. Кроме того, имеются и другие факты, говорящие о былом пребывании маралов в этих местах, в 1897 г. охотничьей экспедицией Демидова, а в 1912 г. экспедицией под руководством Холлестера⁷ в Чаган-Бургазах (хребет Сайлюгем) было найдено много старых рогов маралов и засвидетельствованы сообщения старожилов, указавших на пребывание в этих местах маралов в недалеком прошлом. Автором настоящего сообщения также были найдены остатки рогов маралов в 1972 г. в Чаган-Бургазах и в вершине р. Уландрык (хребет Сайлюгем), и в урочище Байлюгем (хребет Чихачеца). Об обитании маралов в рассматриваемых местах говорят и данные топонимики. В Юго-Восточном Алтае имеются несколько урочищ, в основе названий которых лежит корень «Бугу», что в переводе означает «олень» (например, Бугуты, Бутузун).

Мнение о том, что марал — животное открытых пространств, не ново. Еще в 1762 г. П. Рычков писал «Марал — зверь степной»⁸. Интересное подтверждение этого мнения мы находим на Алтае. На костяной обкладке седла из могильника Кудыргэ на Чолышмане изображена сцена охоты на маралов⁹. Всадник на всем скаку стреляет из лука в убегающих от него маралов, самца и самку. Стрелять из лука зверей на полном скаку в лесистой местности едва ли можно. Такой способ охоты возможен только в случае обитания маралов на открытых пространствах.

О большом количестве изображений маралов на писаницах Тувы (Центральная Тувинская котловина, Монгун-Тайга, Овюр) по соседству с Юго-Восточным Алтаем, найденных в горных степях пустынного типа, где маралов теперь нет, пишет А. Д. Грач¹⁰. Зоолог Р. Л. Потанов¹¹ видит причину исчезновения маралов из мест, где обнаружены их многочисленные изображения, в изменении экологической обстановки — исчезновении лесов. С. И. Руденко¹², напротив, говорит о неизменности климата, а, следовательно, и экологической обстановки на Алтае в последние две тысячи лет, убедительно подтверждая это фактами. В таком случае причину исчезновения маралов из Юго-Восточного Алтая нужно

искать в другом. Вид *Cervus elaphus* в современном понимании занимал в прошлом значительные пространства в Европе и Азии. Причем степные и даже пустынные области входили в его ареал¹³. Приведенные выше соображения позволяют предположить, что марал населял и пустынные местности Юго-Восточного Алтая и Тувы, и исчезновение его связано не с изменением природной обстановки, а вызвано, скорее всего, давлением промышленного пресса, история которого исчисляется тысячами лет.

Кулан (*Equus hemionus* Pall. 1775). В 1971 г. в урочище Шибек было найдено изображение кулана (рис. 19), он выбит рядом с сибирскими горными козлами. Рисунки кулана ранее не были известны в писаницах Алтая, но это животное было знакомо местному населению. Подтверждением служит обнаружение рисунков куланов среди живописных, вытатуированных на теле вождя из Пазырыкского кургана, а также выгравированные фигурки куланов на обложке седла из могильника Кудыргэ на р. Чолышман. В настоящее время куланы встречаются в Монголии на расстоянии 350 км (по прямой) от Чуйской степи, отдельные заходы их известны еще ближе¹⁴. Вполне возможно, что десятки лет назад куланы могли быть в Чуйской степи.

Лось (*Alces alces* Linn. 1758). В 1972 г. в урочище Бураты, на скалах левого склона в 300 м от устья лога, обнаружена выполненная крупным планом группа лосей. Фигуры животных выписаны тщательно, с большим мастерством (рис. 20). Лоси выбиты на поверхности, которая до этого подвергалась какой-то обработке, видимо, до лосей там были нанесены иные фигуры. К группе лосей пририсованы другие животные, но их исполнение примитивно. В стороне выбит еще один лось (рис. 21) меньшего размера, и по мастерству исполнения значительно уступает первым. Никаких других свидетельств обитания лосей в Юго-Восточном Алтае пока не обнаружено. Ближайшие места, в которых засвидетельствовано обитание лосей — Западный Алтай¹⁵ и Катунский хребет¹⁶ находятся в 240—360 км (по прямой) от урочища Бураты. Факт нахождения петроглифов с лосиными фигурами в нетипичной для этого зверя местности имеет несомненный интерес.

Дикий кабан (*Sus scrofa* Linn. 1758). Несколько фигур кабанов выбито в урочище Туюк-Гобо, на левом склоне, в скалах, расположенных в устье лога (рис. 22). В прошлом кабаны спорадически встречались в хребтах Южного Алтая¹⁷. Сейчас изредка эти животные забегают на территорию Юго-Восточного Алтая из Монголии. Об одном из таких заходов сообщалось в газете «Звезда Алтая» в марте 1966 г. Обильные снегопады, прошедшие в Монголии, вынудили животных мигрировать, и табун из 8 особей (2 самца, 2 самки и 4 молодых) поселился в тальниковых зарослях, в долине р. Бар-Бургазы. Вероятно, такие заходы бывали и раньше.

Дзерен (*Procapra gutturosa* Gmel. 1760). Рисунки этой антилопы встречаются в урочищах Бураты, Туюк-Гобо, Шибек, Оюм (рис. 23). Вне сомнения, ее хорошо знали люди, населявшие некогда Юго-Восточный Алтай. Все ученые, в работах которых приводятся сведения о териофауне этой части Алтая, указывают на обитание дзеренов в Чуйской степи и окружающих ее пространствах. В настоящее время дзерены встречаются нерегулярно в вершинах урочищ Уландрык и Чаган-Бургазы (хребет Сайлюгем), заходя летом и осенью из Монголии. Основной причиной исчезновения дзеренов из этой части их бывшего ареала является преследование со стороны человека и интенсивное хозяйственное использование территории.

Сайга (*Saiga tatarica*, Linn. 1758). Ближайшее место, где теперь сохранились сайгаки, — Улан-Гомский аймак МНР¹⁸ находится менее чем в 300 км от Чуйской степи. Люди Пазырыкской эпохи на Алтае зна

ли сайгаков и изображениями их головок украшали предметы быта. Среди петроглифов Тувы были найдены изображения сайгаков¹⁹. Обнаружение в 1971 г. выбивных изображений сайгаков (рис. 24) в урочище Туюк-Гобо является дополнительным подтверждением былого распространения на Алтае этого животного. Судя по количеству изображений, численность сайгаков никогда не была большой, и они не играли существенной роли в хозяйстве древних людей.

Антилопа-оронго (*Pantholops hodgsoni*). При изучении наскальных изображений Южной Тувы Р. Л. Потапов²⁰ столкнулся с изображениями антилопы с длинными, вертикально поставленными рогами. Среди живущих в Азии антилоп такие рога имеет только антилопа-оронго, сохранившаяся ныне лишь в высокогорных степях Тибета. Изображения антилоп, очень похожие на Тувинские, найдены нами в урочищах Бураты и Туюк-Гобо (хребет Сайлюгем) — рис. 25, 26. Если рисунки действительно изображают оронго — ареал этого вида распространялся в свое время и на Юго-Восточный Алтай.

Верблюд (*Camelus bactrianus* Linn, 1758). Обнаруженные в урочище Шибэ семь изображений верблюдов располагались двумя группами — три и четыре штуки (рис. 27). Помимо этих встречаются и другие изображения верблюдов, но на них рядом с верблюдом всегда присутствует человек (верхом на верблюде, человек, ведущий верблюда в поводу, и др.). Здесь же животные изображены без человека. Можно предположить, что хотели в данном случае изобразить диких верблюдов, так как не исключено проникновение их в Чуйскую степь из Центральной Азии во времена, когда эти животные были там более многочисленны.

Як (*Bos mutus* Przewalski, 1883). Выбивные изображения яков встречены нами в урочищах Бураты и Шибэ (рис. 28, 29). Чаще яков изображали поодиночке, изображения человека рядом во всех случаях отсутствовали. Нельзя исключить поэтому, что мы имеем дело с изображениями диких яков. Горный Алтай один из немногих районов Советского Союза, где в настоящее время занимаются разведением яков. Возможно, что он являлся и одним из центров одомашнивания этих животных.

Следует упомянуть и еще об одном изображении, которое представляет большой интерес. На рис. 30 выбит человек верхом на северном олене. Ближайшее место, где по сей день занимаются таежным оленеводством, — Тоджинский район Тувинской АССР. Дикие северные олени в небольшом количестве сохранились на Алтае в долине р. Лебедь и в Шапшальском хребте²¹. Вопрос о домашнем оленеводстве на Алтае не решен, хотя имеется ряд фактов, говорящих в пользу его существования в прошлом, например, упоминание о верховом олене при совершении религиозных обрядов камами северных алтайцев²². Маски оленей, надевавшиеся на головы лошадей, также по мнению ряда авторов говорят за то, что этот ритуал есть дань давно минувшей действительности. Вероятно, упомянутый рисунок может служить дополнительным доказательством домашнего оленеводства на Алтае.

Наконец, из копытных имеются изображения быков (рис. 31—34). Среди хищников есть изображения барсов (рис. 35), волков, лисицы (рис. 36) и предположительно корсака (рис. 37).

Большинство выбивных изображений животных на Алтае (Шишикманские писаницы, Бичиктү-Бомские, Пазырыкские) датируются второй половиной I тысячелетия до н. э.²³ Возраст ранних петроглифов Тувы (Центральная Тувинская котловина, Монгун-Тайга, Овюр), аналогичных петроглифам Юго-Восточного Алтая, определяется в две тысячи лет²⁴. Вероятно, описанные нами изображения диких животных также имеют не менее чем двухтысячелетнюю давность.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Р. Л. Потапов К истории фауны Центральной Азии (о наскальных изображениях животных в Туве). Сб. МАЭ, 1967 т. XVII, стр. 429—431.
- 2 П. П. Сушкин Зоологические области Средней Сибири и ближайших частей Горной Азии и опыт истории современной фауны Палеарктической Азии, В. МОИП, 1925, т. XXXIV, стр. 7—86, А. М. Колосов, Фауна млекопитающих Алтайской области Монголии в связи с некоторыми проблемами зоогеографии, Зоол. 1939, т. XVIII вып. 2, стр. 162—178.
- 3 А. Булавин, О некоторых копытных в Кош-Агачском аймаке, ж. Охотник Сибири, 1934, № 3 стр. 24—25.
- 4 С. И. Руденко, Второй Пазырыкский курган, Л., 1949, А. М. Маринин, Наскальные рисунки Горного Алтая, Изв. Алт. отд. ГО, вып. 6, 1965, стр. 89—95.
- 5 П. С. Паллас, Путешествие по разным местам Российского государства, ч. 1, книга 2, СПб., 1786, стр. 478.
- 6 В. Г. Гентнер, А. А. Насимович, А. Г. Банников, Млекопитающие Советского Союза, т. I, М., 1961, стр. 775.
- 7 А. М. Колосов, История фаунистических исследований Алтая, Тр. Алт. гос. ун-та, вып. 1, 1938, стр. 327—393.
- 8 В. Г. Гентнер, А. А. Насимович, А. Г. Банников, Указ. соч., стр. 775.
- 9 А. А. Гаврилова, Могильник Кудыргы как источник по истории Алтайских племен, М. Л. «Наука» 1965, стр. 108.
- 10 А. Д. Грач, Петроглифы Тувы. I (Проблема датировки и интерпретации, географические традиции), Сб. МАЭ, т. XVII, М. Л. 1967, стр. 385—428, А. Д. Грач, Петроглифы Тувы II. (Публикация комплексов, обнаруженных в 1955 году), там же т. XVIII, 1968, стр. 339—384.
- 11 Р. Л. Потапов, О некоторых наскальных изображениях животных в горах Тувы-Ола и Монгу-Тайги, Сб. МАЭ, т. XVIII, 1968, стр. 385—389.
- 12 С. И. Руденко, Культура населения Горного Алтая в скифское время, Л., 1938, стр. 501.
- 13 В. Г. Гентнер, А. А. Насимович, А. Г. Банников, указ. соч., стр. 775.
- 14 А. Г. Банников, Млекопитающие Монгольской Народной Республики, 1964.
- 15 П. С. Паллас, указ. соч., стр. 478.
- 16 А. М. Колосов, указ. соч., стр. 327—383.
- 17 Там же.
- 18 А. Г. Банников, указ. соч., стр. 669.
- 19 А. Д. Грач, указ. соч., стр. 385—428, 339—384.
- 20 Р. Л. Потапов, указ. соч., стр. 385—389.
- 21 Ф. Д. Шапошников, К экологии и морфологии алтайского северного оленя, Зоол. ж., 1955, т. 34, вып. 1.
- 22 Л. П. Потапов, Очерки по истории алтайцев, М. Л., 1963, стр. 442.
- 23 Л. Л. Евтюхова, К вопросу о писаницах Алтая, КСИИМК, вып. 36, 1951, М. Л., стр. 189—190, А. Н. Минорский, Древние наскальные рисунки Горного Алтая, КСИИМК, вып. 36, М. Л. 1951, стр. 184—188, П. П. Хороших, Писаницы Алтая. Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях института истории материальной культуры, т. XIV изд. АН СССР, М. Л., 1947, стр. 26—34, С. С. Сорокин, В. Ф. Чинаев, Наскальные изображения в районе Пазырыка, Ученые записки Горно-Алтайского НИИЯЛ, вып. X, 1971, стр. 140—141.
- 24 А. Д. Грач, указ. соч., стр. 339—384.

(6)

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Р. Л. Потапов К истории фауны Центральной Азии (о наскальных изображениях животных в Туве). Сб. МАЭ, 1957 г. XVII, стр. 429—431.
- 2 П. П. Сушкин Зоологические области Средней Сибири и ближайших частей Горной Азии и опыт истории современной фауны Палеарктической Азии, Бюл. МОИП, 1925, т. XXXIV, стр. 7—86, А. М. Колосов, Фауна млекопитающих Алтая и смежной области Монголии в связи с некоторыми проблемами биогеографии. Зool. журн. 1939, т. XVIII вып. 2, стр. 162—178.
- 3 А. Булавиц О некоторых копях...
ри, 1934 № 1 ...

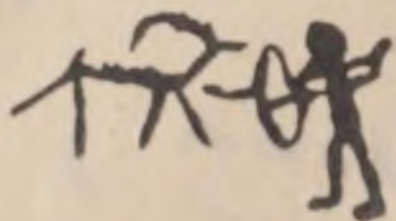

Рис. 1

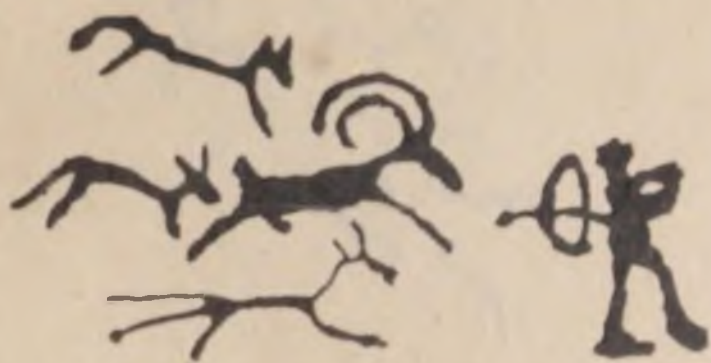

Рис. 2

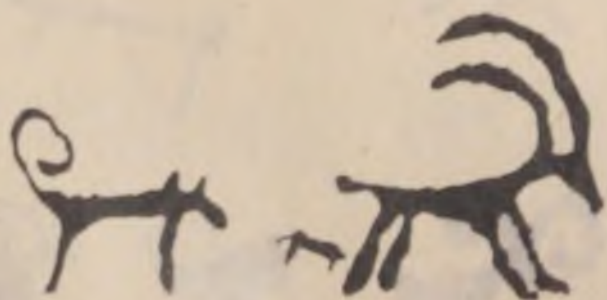

Рис. 3

Рис. 4

Рис. 5

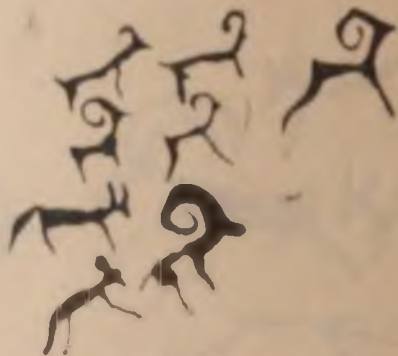

Рис. 6

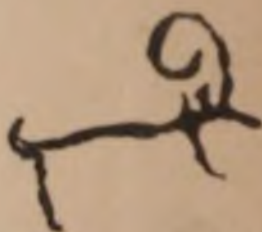

Рис. 7

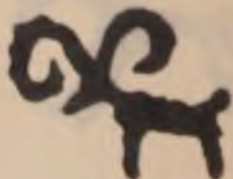

Рис. 8

Рис. 9

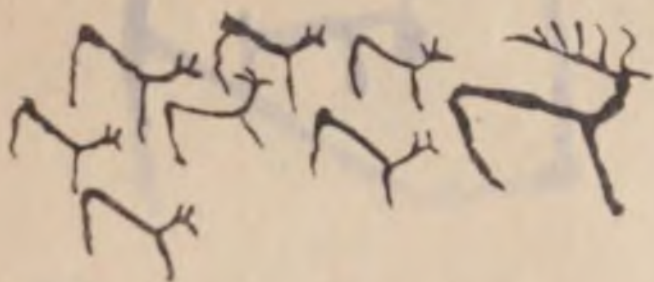

Рис. 10

Рис. 11

Рис. 12

Рис. 13

Рис. 14

Рис. 15

Рис. 16

FIG. 17

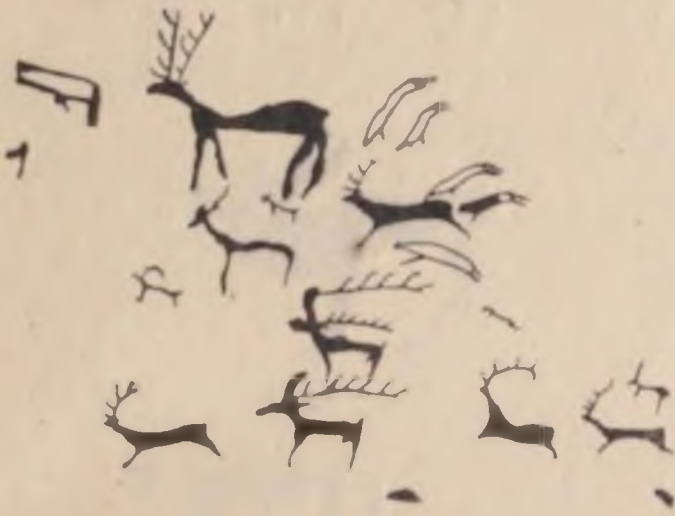

FIG. 18

FIG. 19

Рис. 20

Рис. 21

Рис. 22

Рис. 23

Рис. 24

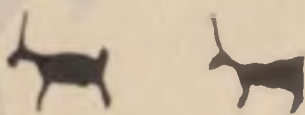

Рис. 25

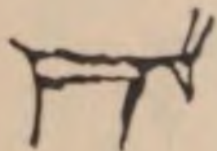

Рис. 26

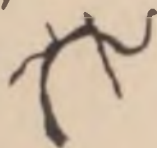
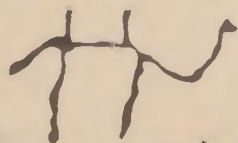
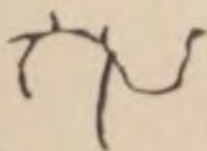

Рис. 27

Fig. 28

Fig. 29

Fig. 30

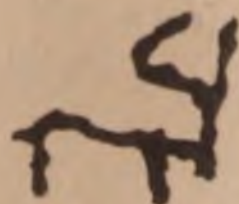
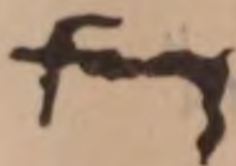

Fig. 31

FIG. 32

FIG. 33

FIG. 34

FIG. 36

FIG. 35

FIG. 37

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ПЛУЖНОГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ В ГОРНОМ АЛТАЕ (XIX — начало XX вв.).

Изучая вопросы, связанные с историей формирования крестьянства в Горном Алтае, следует отметить, что они тесно связаны с процессом заселения края русским населением, которое способствовало коренному преобразованию экономики региона¹. Русские основали здесь десятки сел и деревень, распространили плужное земледелие, способствовали появлению у алтайских племен более продуктивного стойлового скотоводства, оказали большое влияние на духовную и материальную культуру алтайцев². Автор статьи не претендует на полное освещение всех вопросов, связанных с темой. Изучению колониальной, аграрной и переселенческой политики царизма в Горном Алтае должно быть посвящено отдельное исследование.

Заселение русскими Горного Алтая началось в XVIII в. Массовое движение крестьян в горные районы относится к 1801—1802 гг., когда крестьяне совместно с небольшой группой проживавших среди них алтайцев ходатайствовали перед горным начальством о переселении их за пограничную казачью линию³. За «линией» возникли новые населенные пункты: Сrostки, Березовка, Быстринка, Сетовка и др., в которых вместе с русскими крестьянами жили и алтайцы. Например, в селе Березовка, кроме заводских крестьян, проживали 30 человек телеутов и 10 кумандишцев. Та же картина наблюдалась в селе Быстринка⁴.

Колонисты распахивали целину, сеяли хлеб, косили сено, обзаводились жильем и хозяйственными постройками. С каждым годом район заселения ширился, приближаясь к Горному Алтаю. Уже к 1811 г. крестьяне Мишей и Алексей Зяблицкие и еще человека четыре проникли до устья реки Маймы. Здесь на левом берегу речки Чергачак в трех верстах от «калмыцких кочевий» они основали село Чергачак. В этом же году по рекам Иша, Карагуж, Ташта, Чепша и Барда русские крестьяне выбрали места для поселений. Братья Кайгородовы (Андрей, Василий и Яким) положили начало селу Карагуж, а Петр и Осип Кривоуцкие «с товарищи» начали строиться на речках Чепша и Барда. Тогда же было основано село Шульгин Лог⁵.

В 1815 г. за Бийской казачьей линией оказалось уже 17 сел с общей численностью населения 1300 душ муж. пола. В 1816 г. ставится вопрос об образовании волости из вновь возникших сел. Впоследствии была образована Алтайская волость с центром в Верхней Каменке. В составе волости были Нижняя Каменка, Сетовка, Шульгин Лог, Чергачак (Майма), Карагуж (Нижний), Усть-Иша, Барда, Белокуруха, Точильная и другие⁶. Хозяйства этих сел в общей сложности засеивали 4500 десятин земли, держали 4 тыс. ульев, 6 тыс. лошадей, 5 тыс. коров, 5800 овец и заготавливали до 320 тыс. копен сена⁷.

С 1812 по 1815 гг. эти хозяйства намолотили 377 тыс. пудов хлеба. Только из урожая 1815 г. продано в заводское ведомство 30,5 тыс. пудов, в «провиантские военные магазейны» 13320 пудов зерна и 1880 пудов крупы. В 1817 г. крестьяне доставили для линейных войск муки 6082 пуда и крупы 610 пудов. Кроме того, в этом же году ими доставлено в заводские магазины 26160 пудов муки, 390 пудов ячменя и 200 пудов овса⁹. Не случайно военное начальство всячески поощряло заселение края заводскими крестьянами. О необходимости этой меры указывалось в рапорте командира отдельного Сибирского корпуса Г. И. Глазенапа на имя князя Горчакова-первого⁹.

Совмещая основное занятие со скотоводством и пчеловодством, русские крестьяне по примеру местного населения занимались промыслом пушного и копытного зверя, сбором кедрового ореха и ловлей рыбы¹⁰.

В 1918 г. был издан Указ Александра I, по которому все желающие с «ведома и утверждения Колывано-Воскресенского горного начальства» могли свободно переселиться за Бийскую пограничную линию «до границ китайских, но без стеснения живущих там ясаших народов»¹¹. К 1825 г. за Бийской линией насчитывалось уже 54 села¹². Первыми засельщиками были выходцы из деревень, расположенных в истоке Оби и в окрестности г. Бийска. Крестьяне-переселенцы стремились за пограничный рубеж, чтобы, занимаясь земледельческим трудом, одновременно заняться промыслами и торговлей с алтайцами. Эти основные мотивы перемены мест заводских крестьян хорошо отражены в докладной Петра Фролова¹³, горного инженера и начальника Колывано-Воскресенских заводов.

Дорусское земледелие было известно немногим народам Сибири. В частности алтайцам было знакомо мотажное земледелие. Дополненное сбором корней съедобных растений, оно являлось вспомогательным занятием, уступая место ведущим отраслям народного хозяйства, таким, как скотоводство, охота и промыслы.

С появлением русского населения на Алтае новые навыки земледелия постепенно перенимаются алтайцами. При этом большую помощь алтайцам оказали русские крестьяне, которые научили их пользоваться сельскохозяйственными орудиями и обучили новым приемам обработки почвы (Например, в селе Карагуж)¹⁴. Такие случаи не были редкими. «В селе Боровляинском, — говорится в одном документе, — живут ясашины (алтайцы — Ф. С.) вместе с крестьянами, хлеб сеют, разводят скот, ясак платят деньгами, которые получают от продажи хлеба и зарабатывают от крестьянских услуг»¹⁵. У отдельных из них появляется даже некоторый излишек хлеба, который продавался или обменивался «на пушной товар и орехи обратив своей, тем, кто не занимается хлебопашеством»¹⁶.

В следующем документе указывается, что «от соседства с крестьянами татары (алтайцы — Ф. С.) живут согласно и по скудости своей, одоляясь у крестьян получением для пропитания своего хлеба и других припасов, чтутся более им обязанными. «Кроме того, татары выменивают пушнину и орех на хлеб и табак, имеют выгоду»¹⁷.

В районах тесного соприкосновения с русским населением алтайцы строили жилые дома и хозяйственные постройки, распахивали пашни и сеяли хлеб, заготавливали сено. Под влиянием русских более оседлым становится их быт. Например, телеуты с Ишинская Кузнецкого уезда имели избы с сенями, амбары, погреба, хлева с деревянными заплотами, укрепленными в столбы, и гумны. Кроме хлебопашества, первые поселенцы косили сено, разводили скот и ловили на Катунь рыбу «немалой длины неводами», а также имели пасеку из 30 ульев¹⁸. В 1815 г. оседлых алтайцев, проживавших вместе с русскими в срубных

домах, только в четырех селах насчитывалось 224 семьи¹⁹. Подобны указаний в архивных документах первой четверти XIX в. немало. В качестве примера можно привести еще ряд фактов, свидетельствующих о благотворном влиянии русской народной культуры на местных алтайцев. Например, по данным берггешворена (горный чиновник 12 класса Сергея Сметанина, проживающего около села Нижняя Каменка некрещенные татары (кумандинцы, телеуты — Ф. С.) обитали в юртах, имели хорошо сделанные хлева, а землю распахивали сохой. Из скота держали в основном лошадей. Кумандинцы, проживавшие недалеко от деревни Верхняя Каменка, сеяли ячмень и заготавливали сено²⁰. В Слоновке жил ясаший, который намолачивал до 600 пудов хлеба. При этом всеми угодьями пользовался без всякого притеснения от крестьян²¹. Таким образом, уже в первой четверти XIX в. происходят заметные изменения в жизни аборигенов. У них появляются зачатки плужного земледелия, производится заготовка сена, развивается пасечное пчеловодство и, наконец, начинается переход от кочевого быта к оседлому. Однако эти явления в основном касались алтайцев, населяющих пограничную полосу в низовье Катунь, по ее правому притоку р. Иши и левым притокам рек Кокша и Каменка. Несмотря на некоторый успех хлебопашества в предгорьях Алтая, товарный выход хлеба был крайне незначительным. Нужно также отметить, что и масштабы зарождавшегося земледелия были довольно скромными. Надо полагать, что в этих условиях хлеб, за редким исключением, шел в основном для удовлетворения своих нужд.

Архивные документы первой четверти XIX в. содержат ряд указаний на то, что местное население, проживавшее вдалеке от полосы русского влияния, придерживалось своих традиций в хозяйственных занятиях. Часть северных алтайцев, находившихся у речки Барды, сеяла около полутора десятины ячменя. Землю обрабатывали мотыгой, «подобно нешироким греблям». Пашню боронили вручную или «вершиной не толстой лесины». При этом пашня менялась ежегодно и выбиралась на южных склонах горы, «лежащей к полудню». Убирали ячмень с поля пожом, срезывая одни лишь колосья²². Традиции мотыжного земледелия были настолько сильны, что даже часть алтайцев, кочевавших вблизи русских сел, по-прежнему придерживалась старых производственных навыков²³. Гельмерсен писал, что около речки Кебезень, местожительства зайсая Енуки, расположены «пашни, выделанные заступом (мотыгой — Ф. С.) и засеянные ячменем»²⁴. В В. Радлов указывал, что кумандинцы почти все без исключения занимаются земледелием, но возделывают землю мотыгой²⁵. Эти сведения касаются в основном верхних кумандинцев. Н. Б. Шерр, посетивший кумандинцев в 1898 г., также отметил у них применение мотыги вместо сохи²⁶.

Одновременно с вселением русских крестьян в пределы предгорного и горного Алтая возникают оседло-земледельческие селения алтайцев. В 1817 г. алтаец Тюдреш Шабураков положил начало основанию с. Черга на речке Большая Черга²⁷. Несколько раньше (1807 г.) выходцы из Шуйской инородной управы Кузнецкого округа поселились в устье реки Кокса и положили начало основанию с. Усть-Кокса. В 20-х годах XIX в. выходцы из Канского округа поселились сначала на озере Ая, оттуда переехали в Нижний Уймон²⁸. В начале 30-х годов Г. Гельмерсен отмечал ряд сел на реке Бии: «На предгорьях северного берега, благоприятных для обитания, — отмечал он, — расположено много анлов. На отлогостях этих гор примечаются небольшие пашни и дают стране приятный вид»²⁹. В 40-х годах выходцы из ранее основанных сел положили начало таким населенным пунктам, как Пильно, Балыкса, Алешкино, Бирюля³⁰. Бачатские телеуты Кузнецкого округа были первыми жителями сел Суртайка и Мыота (1834 г.), они же были

первыми засельщиками села Улала 1824 г. (ныне г. Горно-Алтайск). Алтайцы, проживавшие по реке Етаголу, основали село Марининское (первым жителем села был алтаец, выходец из Черного Ануя²¹).

В те же годы происходит дальнейшее освоение русскими крестьянами территории Горного Алтая. В 40-х годах группа крестьян-раскольников расселилась по реке Коже, левому притоку Бии²². Другая группа крестьян, около 1846 г. положила начало селу Эликманар. Несколько раньше, в 1842 году, 30 семей из Смоленской волости поселились на территории современного с. Чемал. Однако позднее они оттуда были выселены миссионерами²³. Выходцы из сел Красный Яр и Верх-Катуинское во главе с Даниилом Елизаровым положили в 1851 году начало деревне Карагайка на реке Ише²⁴. Переселенцами из Алтайской волости было основано село Узнезя.

В конце 50-х годов миссионером-монахом Аккакием было положено начало селу Абай. В 1864 г. в этом селе поселились русские крестьяне из Сарасинской управы — Романовы. Затем из села Куегана приехали Казанцевы, позднее к ним подселились семьи старообрядцев из деревни Черемшанки Эмменогорского округа. Примерно в 1857 г. было основано село Тюгурюк. Первым засельщиком был алтаец Иван Бухтуев, который занялся здесь пчеловодством. К нему переселились из села Малый Башелак К. Останин, затем крестьяне из Ануйской и некоторых других волостей. Первыми засельщиками селения Чепош были крестьяне-старообрядцы из деревни Шульгин Лог (1861 г.)²⁵.

Таким образом, из года в год ширится район заселения русских крестьян, крепки связи двух народов.

Начиная с 30-х годов XIX в. работу по переводу алтайцев на оседлость проводит Алтайская духовная миссия. По данным Ландышева, к 1864 году только в Бийском округе на оседлый образ жизни перешли 5 тыс. чел. Всего с 1830 по 1864 гг. в результате деятельности миссии возникло 22 новых села²⁶ (В частности Паспаул, 1858; Онгудай, 1857; Черный Ануй, 1849—1851; Кылташ, 1856; Ташта, 1854), в которых проживали новокрещенные алтайцы. Миссионеры учили их вести хозяйство по образцу русских крестьян, сеять, убирать хлеб, заводить огороды, строить дома, печь хлеб, прясть. «Живя... среди людей, уже приучившихся к труду, домоводству и порядку,— указывал Стефан Ландышев,— самые ленивые невольно возбуждаются к сельским работам и заметно, наглядным образом, обучаются русскому домоводству и семейным христианским обычаям. Многие... выучились плотническому мастерству, сами себе делают земледельческие орудия и все нужное по хозяйству. От довольства и удобства в жизни они стали здоровее и... становятся довольно хорошими домохозяевами, опрятными и во всем добропорядочными людьми...»²⁷ Высказывание главы духовной миссии характеризует успехи оседлых алтайцев середины XIX в. Вместе с тем важно отметить, что еще в первой половине XIX в. были заложены основы плужного земледелия и развития на этой базе крестьянства из алтайцев.

Одной из главных причин, побуждавших алтайцев заниматься земледелием, была более высокая его продуктивность по сравнению с охотой. Еще в 1917 г. Сметанин в своем донесении указывал, что алтайцы, кочевья которых находятся вблизи от крестьян, применяясь к обычаям русских принимаются за хлебопашество не капарулями (мотыгой — Ф. С.), а таким же образом, как производят то заводские крестьяне²⁸. Позднее это сообщение находит подтверждение в отчете Томского губернатора за 1865 г., где указывается, что «ближайшие к месту жительства к русским селениям инородцы Бийского округа постепенно переходят к оседлому образу жизни, понуждаясь к этому примером (со стороны крестьян — Ф. С.) и уменьшением звериного про-

мысла³⁹. В те же годы жители Абинского улуса Катышев, Кучакин и Лебедев в прошении, адресованном Кабинету, просят о наделении улуса землей⁴⁰.

Развитие торговли с Монголией и Китаем и появление торгового пути — Чуйского тракта — также способствовали расширению связей с русским народом и появлению новых сел. Одна из первых торговых факторий, заимка Попова, возникла по свидетельству В. Радлова в конце XVIII — начале XIX века и положила начало образованию села Шебалино. Среди других населенных пунктов, возникших с появлением торгового пути, значатся поселок Теньга, Куликова заимка (Купчегень), Усть-Ния, Кош-Агач (1825)⁴¹.

После издания закона 1865 г., разрешившего крестьянам внутренних губерний переселение в Алтайский округ, царским правительством предпринимается попытка планомерного заселения Горного Алтая. В 1873 г. Томский губернатор Супруненко, побывав в Горном Алтае, наметил к заселению 26 пунктов по Чуйскому и Усть-Каинскому трактам. Однако вместо намеченных 26 населенных пунктов в 1873 г. возникло только 14 (Топучий, Туекта, Хабаровка, Усть-Кан, Белый Амур и другие)⁴².

Н. М. Ядрищев, изучавший в течение ряда лет жизнь алтайцев, отмечал, что в 80-х годах XIX в. наиболее сильному культурному влиянию были «подвержены телеуты и черневые татары, проживающие между крестьянскими волостями. Все эти инородцы живут домами, хорошо говорят по-русски и занимаются земледелием»⁴³. Инородцы Кумышской управы (телеуты) занимались все без исключения земледелием и скотоводством. В селе Хабары ежегодно проходила ярмарка, на которой одной лишь привозной мануфактуры покупалось на 15 тыс. рублей. Село имело свою школу «Благосостоянию этого селения, — указывает Н. М. Ядрищев, — способствовало свободное распоряжение землями, браки с русскими, усвоение высшей культуры, богатые урожаи, отсутствие рекрутской повинности и льготное положение инородцев с половинным крестьянским окладом»⁴⁴.

Процесс вытеснения примитивных форм земледелия более совершенными его формами охватывал все более отдаленные и глухие таежные места. Н. М. Ядрищев, касаясь быта лесных кочевников Горного Алтая, характеризует его вполне оседлым. Он пишет, что инородцы, считавшиеся кочевыми, «ныне живут уже улусами и деревнями, только временно отлучаясь на промыслы. Занятия их — охота на зверя, добыча диких пчел, кедровых орехов, рыболовство, а также и хлебопашество, причем соседние с русскими деревни уже усвоили русское хлебопашество, а более отдаленные первобытным способом обрабатывают ячмень»⁴⁵. В другом месте, касаясь населения, проживавшего на реке Бии, Н. Ядрищев указывает, что «оно давно оставило кочевой образ жизни... Все занимаются земледелием, причем первобытная мотыга (абыл) заменяется сохой»⁴⁶.

В начале 60-х годов вытеснение примитивных орудий труда у оседлой части населения стало обычным и распространялось в другие племена. Миссионер М. Чевалков в своих письмах В. Радлову, написанных в первой половине 60-х годов, замечал, что кумандинцы свои пашни обрабатывают сохой и продают серпы Чулышманских теленгитам⁴⁷. В конце XIX в. одни из народников, сосланных на Алтай, Н. Шерр отметил, что кумандинцы в земледелии добились заметных успехов. Земледельческие орудия у них заимствованы у русских.⁴⁸ Все это свидетельствует о сравнительно быстром развитии плужного земледелия у алтайского населения, проживавшего в степной и предгорной части Горного Алтая.

Во второй половине XIX в. по всей Западной Сибири пользовались

переложной (залежной) системой полеводства. Обрабатываемые участки земли не удобрялись, по мере истощения их забрасывали в длительную залежь, а затем переходили на новые участки. Техника и приемы обработки земли оставались почти на том же уровне, что и в первой половине XIX в. Указывая на это, Томский губернатор в своем отчете за 1875 г. писал: «В способах обработки земли и уборки хлеба не видно никакого успеха. Система хлебопашества переложная. При вспахивании земли употребляют обыкновенную соху, небольшой двухколесный плуг и борону с железными и деревянными зубьями. Уборка хлеба производится серпами, косами и молотью»⁴⁷. Существование более отсталых приемов и техники на Алтае по сравнению с западными районами России объясняется, видимо, тем, что сельскохозяйственные орудия на Алтай доставлялись водным путем из центра страны, что значительно удорожало их стоимость и приобретение их было непосильно для мелких крестьянских хозяйств.

Усовершенствованные сельскохозяйственные орудия начали ввозить с конца 70-х — начала 80-х годов. Однако и крестьянский быт они более или менее широко стали проникать только в начале 90-х годов, после того, как местные кустари наладили их производство. Молотилки, изготовленные в мастерской одного из Бийских переселенцев, стоили 180—250 рублей, сабаны — 7—8 руб., веялки — 12—20 рублей⁴⁸. Постепенно эти орудия вошли в обиход среднего по достатку хозяина.

Наиболее распространенными среди алтайцев сельскохозяйственными орудиями в конце XIX в. были пароконная соха «двойчатка», двуральный сабан (сибирская колесуха), кунгурская соха и соха с одним сошником и предплужником, известная под названием «одинарец». В начале века сеяли ячмень, в середине — пшеницу и рожь, в конце века, кроме того, культивируются посевы овса, проса, гречихи и яровой пшеницы.

Применение улучшенных сельскохозяйственных орудий позволило основной массе оседлого населения значительно увеличить запашку. Об этом можно судить по данным переписи 1897—1900 гг. Следует отметить, что эти данные не совсем полно отражают действительность, так как среди алтайского населения имело место сокрытие части посевов и скота от налоговых обложений. В 1900 г. посевная площадь села Макарьевска Верхнекумандинской волости составляла на 100 хозяйств 241,3 дес., в аиле Алешкино на 16 хозяйств — 46,01 дес. В аилах Нижнекумандинской волости в Богучаке посевная площадь составляла 169 дес. на 42 хозяйства, в Елтоше — 220,29 дес. на 29 хозяйств, в Иртышкино — 335,46 на 51 хозяйство, в Озерках — 166,07 дес. на 26 хозяйств, в Ужлепе — 184,62 дес. на 48 хозяйств, в Сарыкове — 182,47 дес. на 43 хозяйства⁴⁹ и т. д. Всего под посевами в 12 селах было занято 1772,58 десятины. Из 461 хозяйства этих сел не имели посевов 72 (15,6%), а 262 хозяйства в том числе, кроме хлебопашества, занимались еще и пушным промыслом⁵⁰.

Довольно развитым было в этих селах скотоводство. Например, в Богучаке на 44 хозяйства приходилось 248, в Кылташе на 40 хозяйств — 176, в Елтоше на 35 хозяйств — 205 лошадей⁵¹. Кроме беспашенных хозяйств, в этих селах были и зажиточные беспашенных хозяйств в Макарьевке насчитывалось 38 (в том числе 12 русских и 21 хозяйство кумандинцев), в 16 хозяйствах засевали от 5 до 10 дес. и 4 хозяйства — от 10 до 20 десятины. Две последние группы составляла, конечно, зажиточные хозяйства. В Богучаке их было 3, и Иртышкино — 11 хозяйств⁵². В то же время здесь имелись лица, которые засевали от 0,5 до 1 десятины.

Рассмотрим уровень хлебопашества южных алтайцев. По статистике 1897 г. в Оигудае насчитывалось 76 алтайцев, в Абае — 27

в Тюдрале — 96, в Усть-Кане — 36 и в Черном Ануе — 113 хозяйств: всего 348, из них беспашенных 192 (55,1%). Площадь посевов составляла в Онгудае — 94,4 дес., в Абае — 20,7 дес., в Тюдрале — 40,5 дес., в Усть-Кане — 6,2 дес., в Черном Ануе — 109,2 дес.; итого — 268 дес.

Наиболее развитым в земледельческом отношении было село Черный Ануй, в котором, кроме алтайцев, жили русские крестьяне, мещане, старожилы и переселенцы. Посевы этой группы населения составляли 260,4 дес.⁵⁶

Большинство алтайских семей, занятых земледельческим трудом в этом селе засеивали от 1 до 2,5 дес. Размер пашни в 13 хозяйствах исчислялся от 2,5 до 5 дес; 5—10 дес засеивали пять хозяйств, от 0,5 до 1 дес. — столько же. Беспашенных хозяйств — 65. Основными посевами культурами были пшеница, овес, ячмень и ярица⁵⁷. То же наблюдалось у русского населения, 17 хозяйств которого засеивали от 5 до 10 десятин, три хозяйства — от 10 до 20 дес.; беспашенных было 53 хозяйства⁵⁷. Интересно, что крестьяне-старожилы сеяли меньше крестьян-переселенцев. На эту разницу обращает внимание С. П. Швецов и объясняет ее сравнительно большим тяготением к земле крестьян-переселенцев, чем старожилов⁵⁸.

Скотоводство у жителей Черного Ануя было наиболее развитой отраслью хозяйства. Они разводили коз, овец, крупный рогатый скот и лошадей. На 113 хозяйств алтайцев здесь (в переводе на крупный) приходилось 1924 головы скота⁵⁹. По статистике 1897 г. поголовье скота у алтайцев Черного Ануя превышало поголовье скота русского старожильского и переселенческого населения.

Разница в количестве скота у южных алтайцев по сравнению с северными видна из данных Н. М. Ядринцева. Он указывал, что в 80-е годы на сто человек «черных татар» приходилось 150 лошадей, 110 коров и 100 овец. У южных алтайцев на 100 хозяйств приходилось по 820 лошадей, 200 голов крупного рогатого скота и по 430 овец⁶⁰. Как видно, недостаточное развитие земледелия у южных алтайцев компенсировалось скотоводством.

Одной из причин низкого развития земледелия у оседлой части южных алтайцев было отсутствие удобных земель, а незначительные участки, пригодные для земледелия, оказались занятыми. В этих условиях места под пашню выбирались на южных склонах гор, что требовало на их освоение значительных усилий. К тому же низкое качество почвы, состоящее преимущественно из суглинков, тормозило развитие земледелия. На это указывал К. Н. Миротворцев на съезде земельно-лесных чинов Алтайского округа⁶¹.

Одним из наиболее удобных для земледелия районов в Горном Алтае была долина Катунь. В ней, по свидетельству С. П. Швецова, в 1897 г. было много аулов и селений алтайцев, перешедших к оседлости (Каянча, Эдиган, Чемал, Эликманар, Узнезя, Челош и Манжерок)⁶².

Благоприятными для земледелия были Уймонская и Катандинская степи, жители которых вели оседлый образ жизни. Население (русские и алтайцы) этой местности, как указывает С. П. Швецов, выделялось своей зажиточностью, бойкостью и здоровьем⁶³. Развитие плужного земледелия наблюдается в эти годы и у части алтайцев, числившихся в разряде «кочевых». По свидетельству С. П. Швецова, алтайцы, проживавшие около села Мыюта, пахали свои пашни сохами и боронили обыкновенными боронами с железными зубьями, обмолачивали хлеб лошаадьми. Население аулов, разбросанных по речкам Каракол, Курота употребляло сохи и бороны с железными зубьями, серпы, литовки⁶⁴. То же наблюдалось в аулах по рр. Каспа, Апшиякта, Ороктой. Внедрение указанных орудий в быт алтайцев началось, по С. П. Швецову, примерно с конца 60-х — начала 70-х годов XIX в.⁶⁵

Было бы ошибкой утверждать, будто русская земледельческая техника нашла сразу широкое и повсеместное применение. Наряду с ней в хозяйствах отдаленных групп алтайцев использовались примитивные орудия труда, такие как абыл, андазын, топок. Особенно характерным это было для отдаленных и глухих урочищ, таких, как урочище Беле на правом берегу Телеского озера, долины рек Чулышмана и Башкауса⁶⁶.

В конце XIX — начале XX вв. в быт алтайцев проникают сельскохозяйственные машины. Появление веялок у крестьян и оседлых инородцев было зарегистрировано в конце 90-х гг. в селах Абай, Тюдрала⁶⁷. В начале XX в. в хозяйствах зажиточных алтайцев используются сложные сельскохозяйственные машины и орудия: жатки-самосброски, жнейки, косилки, молотяги, плуги и бороны. По переписи 1917 г. машины имели жители села Пешпер Сузунской волости Четычакской Санпар, Тукмачевы Василий и Захар, Шалтагачев Кузьма⁶⁸. Машины имелись в селах северных алтайцев (Иртышкино, Пильно, Кубия, Каракан). Владельцы машин широко использовали в своих хозяйствах наемный труд.

В сезон уборки урожая жители некоторых сел объединялись в артели-супруги, свозили снопы в одно место, складывали их в скирды и сообща нанимали владельца молотяги. Заметных успехов в земледелии добились алтайцы степных и предгорных районов. А. В. Анохин в своем дневнике 1913 г. пишет, что ему «особенно приятно было видеть степь, на которой, как камыши, колыхался от ветра хлеб»⁶⁹.

В районах развитого земледелия в конце 90-х гг. пашенное земледелие постепенно вытесняется паровой системой полеводства. В пределах Горного Алтая такое явление наблюдалось в юго-западном районе. Жители сел Абай и Белый Ануй оставляли свои пашни через 3—4 года под пар на год. То же самое наблюдалось и в Черном Ануе и Тюдрале. Однако в применявшейся системе севооборота не было последовательности. В первый год сеяли пшеницу или озимую рожь, или ячмень. На второй-третий год сеяли ячмень, овес или ярицу или одну и ту же культуру в течение ряда лет⁷⁰. В степных и предгорных районах в начале XX в. вводится трехпольная система севооборота, при которой один из участков пашни используется под пар (солок), два других — под озимую и яровую культуру.

Благоприятным фактором, существенно повлиявшим на материальную обеспеченность алтайцев, было появление огородничества, оно, как и плужное земледелие, возникло на Алтае с появлением русских крестьян. В отчете Томского губернатора за 1865 г. указывалось: «Огородные овощи разводят только для собственного употребления и лишь в некоторых ближайших к губернскому городу селениях, и то не в больших размерах, огородничество составляет отрасль промышленности»⁷¹.

Выращивали картофель и капусту. Свекла, морковь, редька и другие овощи появились значительно позже. По этому поводу очень верные замечания сделал Н. Шерр, отметив, что огородов у большинства совсем нет. На полях сажают, да и то сравнительно немного, огурцов, картофеля. То и другое даже при случае, хотя и редко, покупают, но свекла, морковь, капуста, лук, редька, а также арбузы и дыни почти не попадают на кумандинский стол. В аилах, где русские составляют добрую половину населения, где инородцы крещены уже во втором или третьем поколении, и у них появляются огороды, зато в более изолированных аилах овощи совершенно отсутствуют»⁷². Выращивание огородных культур алтайцами в горнотаежной зоне было наиболее развито в миссионерских селах. По свидетельству А. В. Анохина, в Мыюте сажали картофель, репу, редьку, морковь, капусту, огурцы и табак⁷³.

Не менее важное значение в жизни алтайцев имело пасечное пчеловодство, начало которому на Алтае положили русские переселенцы. Выше указывалось, что еще в начале XIX в жители поселка Ишинская имели небольшую пасеку. Кроме них, пчел разводили и крещенные инородцы деревни Косминской и станицы Чарышской⁷⁴.

Несмотря на недавнее происхождение, пчеловодство достигло значительных успехов. По свидетельству В. И. Вербицкого у некоторых алтайцев по р. Антропу насчитывалось до 1000 ульев⁷⁵. В 1899 г. 126 хозяйств верхних кумандинов имели 2115 колодок. В общей сложности на 428 хозяйств у кумандинов приходилось 8135 пчелосемей⁷⁶. По сравнению с северными алтайцами пчеловодство у южных алтайцев развито было слабее. Тем не менее и у них имелись пасеки. Например, в Юстике держали 300 колодок, в Абае на 5 хозяйств приходилось 89 пчелосемей, в Черном Аюе — 107 на 7 хозяйств⁷⁷. К сожалению, из-за отсутствия данных мы не можем судить о степени развитости пчеловодства среди алтайцев, проживавших по правобережью р. Катунь и по ее левому притоку р. Семе, где условия для разведения пчел не хуже чем в северных районах. Насколько большее развитие получило пчеловодство в северных районах Горного Алтая можно судить по следующим данным за 1911 г.⁷⁸

Волости	Число дворов	Количество ульев
Быстринская	149	3628
Верхнекумандинская	38	1201
Кузнецкая	33	2010
Нижнекумандинская	81	2536

От продажи меда и воска хозяйства, занимавшиеся разведением пчел, получали довольно большую выгоду. Например, в 1911 г. 119 хозяйств кумандинов выручили от продажи меда и воска свыше 3011 руб.⁷⁹

Таким образом, в конце XIX — начале XX вв. в Горном Алтае вполне сложилось крестьянское население, у которого степень развития земледелия зависела от разных причин, от удаленности от полосы русского влияния, от природно-климатических условий, от живучести традиций и др. Земледелие в одних районах было развито больше, в других находилось в отсталом состоянии. Говоря о занятости земледелием, нужно иметь в виду, что около половины (49,2 процента) населения Горного Алтая не имело никакого отношения к земледельческому труду. Эта часть населения занималась скотоводством, охотой и пчеловодством, извозом и кустарными промыслами: кузнечным, бондарным, плотничьим и столярным, сапожным и шорным. Доля незанятого в земледелии населения составляла у южных алтайцев 51,1, у русских — 46,1, а у оседлых инородцев — 19,7 процента⁸⁰.

По данным С. Швецова, в 1897 г. население Горного Алтая делилось на три группы: кочевых, оседлых инородцев и прочих сословий. В последнюю группу вошли русские крестьяне — старожилы, мещане, переселенцы и прочие. Удельный вес кочевое население, по переписи 1897 г., составлял 71,8, а оседлого — 28,2%, в том числе 7,1% оседлых инородцев. Наибольшая часть оседлых инородцев в Горном Алтае проживала по левобережью Катунь (Уймонская инородная управа). Их насчитывалось 2029 душ. По правобережью Катунь в районе первой алтайской дючины насчитывалось 452 человека, а в черном районе — 3089 человек. Всего населения, отнесенного официально к разряду «оседлых инородцев», в Горном Алтае было 5756 человек. В действительности число проживающих оседло было гораздо больше. Из 41983 человек, зарегистрированных по переписи 1897 года, 15017 чело-

век проживали постоянно в селениях, остальные — 26968 человек — по урочищам (64,2%). В числе проживающих по урочищам были и оседлые инородцы. Последние жили в заимках и занимались скотоводством и разведением пчел.

В указанную группу оседлого населения не вошли алтайцы степных и предгорных районов Быстринской, Кокшинской, Сарасинской (казахи) инородных управ. Кроме того, не учтена значительная часть крещенных алтайцев в миссионерских селениях. В это число не вошли оседлые инородцы Кузнецкого уезда, которых по данным Н. М. Ядрищева, насчитывалось 14600 человек¹¹.

Значительная часть алтайцев по реке Бии и ее притокам числилась в разряде кочевых. На самом деле эта группа издавна вела оседлый образ жизни. На это не раз указывали русские путешественники Г. Гельмерсен, В. Радлов, Н. Ядрищев. Последний пишет, что «считаясь кочевыми, инородцы и ныне живут уже улусами и деревнями только временно отлучаясь на промыслы».

Итак, можно заключить, что в конце XIX — начале XX вв. у алтайцев, связанных с земледелием, сложилось крестьянство. Оно состояло из оседлых и части кочевых инородцев, фактически проживавших оседло и основным занятием имевших земледелие и скотоводство.

В заключение заметим, что вопросы, связанные с переходом алтайцев на оседлость и дореволюционный период, могут быть предметом самостоятельного исследования и должны быть связаны с исследованием социальных проблем региона.

ЛИТЕРАТУРА

1 М. М. Громыко Сб. «Проблемы истории советского общества Сибири» Новосибирск, 1970, стр. 4—37. И. Копылов, там же стр. 120. История рабочего класса, крестьянства и интеллигенции национальных районов Сибири (Тезисы докладов и сообщений научной конференции). Улан-Удэ, 1971, стр. 82—84, 86—98.

2 Л. П. Потапов Разложение родового строя у племен северного Алтая. Л., 1935. Его же. Этнографический очерк земледелия у алтайцев. Сибирский этнографический сб., вып. 1, М.-Л., 1952. Ф. А. Сатлаев Этнографический очерк развития земледелия у кушандинцев (XIX—начало XX в.). Ученые записки Горно-Алтайского НИИИЯЛ, вып. 9, Горно-Алтайск, 1970. Его же. Колонизация предгорного Алтая в первой половине XIX в. «Вопросы истории Сибири досоветского периода», Новосибирск, 1973. Г. П. Жидков Переселенческая политика Кабинета в 1865—1905 гг. там же; Н. К. Томилова Переселение крестьян в Алтайский округ (1865—1899 гг.) «Вопросы истории Сибири», вып. 3, Томск, 1967, и др.

3 ГААК, ф. 1, оп. 2, д. 1416, лл. 603—604.

4 Материалы П. Е. Твдмеева из ЦГИАЛ. В дальнейшем ссылка на архив Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. Папка 29, театр 3, стр. 71, 89—93 (сокр. ГАНИИИЯЛ). ГААК, ф. 2, оп. 2, д. 329, лл. 11—12.

5 ГААК, ф. 1, оп. 2, д. 1416, лл. 613—615.

6 ГААК, ф. 2, оп. 2, д. 329, лл. 21, 24. ф. 1, оп. 2, д. 1416, л. 627. Архив ГАНИИИЯЛ, папка 29, тетр. 4, стр. 3.

7 ГААК, ф. 2, оп. 2, д. 329, лл. 5, 7, 11—12.

8 ГААК, ф. 1, оп. 2, д. 1416, л. 650.

9 Там же, л. 649, ЦГИАЛ, ф. 468, оп. 18, д. 594, л. 19.

10 ГААК, ф. 1, оп. 2, д. 1416, л. 616.

11 Архив ГАНИИИЯЛ, папка 29, стр. 4, 17. «Летопись города Бийска (1709—1970)». Барнаул, 1971, стр. 7—8.

12 Летопись города Бийска, там же.

13 ГААК, ф. 1, оп. 2, д. 1416, лл. 618—619.

14 Архив ГАНИИИЯЛ, папка 29, тетр. 3, стр. 87.

15 Там же, стр. 93.

16 Там же, стр. 89.

17 Архив ГАНИИИЯЛ, тетр. 3, стр. 85.

18 Там же, стр. 90—91.

19 Там же, стр. 83.

20 Там же, стр. 91—93.

21 Там же.

- 22 Там же, стр. 85.
 23 Там же, стр. 91—93
 24 Г. Гельмерсен Горный журнал Сиб., 1840, № 2, стр. 256
 25 W Radloff Aus Sibirien Bd I, Leipzig, 1893, стр. 362
 26 Алтайский сборник, т. V, Барнаул, 1903, стр. 92
 27 С. Швецов Горный Алтай и его население, том I, вып. I, Барнаул, 1900, стр. 170
 28 Там же, стр. 166, 181.
 29 Г. Гельмерсен Телецкое озеро и телеуты Восточного Алтая Горный журнал Сиб., 1840, № 3, стр. 422
 30 С. Швецов Горный Алтай и его население, т. 3, вып. II, Барнаул, 1902, стр. 4
 31 С. Швецов Горный Алтай и его население, т. I, вып. I, стр. 196
 32 Душеполезное чтение, 1860, стр. 14—15, 24—25
 33 С. Швецов Горный Алтай и его население, т. I, вып. I, стр. 179
 34 ЦГИАЛ, ф. 468, оп. 19, ед. хр. 347, лл. 7, 9, 12
 35 С. Швецов Горный Алтай и его население, т. I, вып. I, стр. 185, 195
 36 Ст. Ландишев Алтайская духовная миссия Москва, 1864, стр. 5—6
 37 Некоторые сведения о церковной Алтайской миссии М., 1860, стр. 30—31
 38 П. Е. Тадиев Поворотный пункт в истории Горного Алтая Сб. Великая дружба Горно-Алтайск, 1956, стр. 34—35
 39 ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 7, д. 77, л. 12
 40 ЦГИАЛ, ф. 468, оп. 19, д. 969, лл. 1—3, 16
 41 В. Радлов Зап. импер. РГО по отделению статистики, т. 2 Сиб., 1871, стр. 344
 42 Л. П. Потапов Очерки по истории алтайцев М.-Л., 1953, стр. 233—231
 С. П. Швецов Горный Алтай и его население, т. III, вып. I, Барнаул, 1900, стр. 1—63
 43 Н. М. Ядрищев Сибирские инородцы, их быт и современное положение Сиб. 1891, стр. 93
 44 Там же, стр. 95
 45 Там же, стр. 97—98
 46 Там же, стр. 100
 47 В. В. Радлов Наречия тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи Ч. I. СПб., 1866, стр. 143, 157
 48 Н. Б. Шерр Алтайский сб., т. V, стр. 92
 49 ЦГИАЛ, ф. 1284, оп. 69, ед. хр. 330, л. 30
 50 А. Б. Кунгурцев Алтайский сб., т. V, стр. 40—41
 51 С. Швецов Горный Алтай и его население, т. III, вып. IV Барнаул, 1900, стр. 3—5, 146—193
 52 Там же, стр. 146—193 (подсчет наш)
 53 Там же, стр. 146, 150
 54 Там же, стр. 4, 148, 164, 248
 55 С. П. Швецов Горный Алтай и его население, Том III, вып. I, стр. 2—21 (эконом. табл.)
 56 Там же, стр. 20
 57 Там же
 58 Там же, стр. 68
 59 Там же, стр. 22
 60 Н. М. Ядрищев Указ соч., стр. 102
 61 К. А. Миротворцев Труды съезда земельно-лесных членов Алтайского округа в 1910 году. Барнаул, 1911, стр. 20
 62 С. П. Швецов Горный Алтай и его население, том I, вып. I, стр. 12
 63 Там же, стр. 22
 64 Там же, стр. 293, 295
 65 Там же, стр. 293
 66 Там же, стр. 281—286
 67 Там же, стр. 295—296
 68 ГААК, ф. 233, оп. I-а, д. 596, лл. 16, 17, 27
 69 Архив Института этнографии АН СССР, ф. 11, оп. I, д. 77, стр. 20
 70 С. Швецов Горный Алтай и его население т. I, вып. I, стр. 298, 303—304
 71 ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 7, ед. хр. 77, л. 18
 72 Н. Б. Шерр, Алтайский сб., т. V, стр. 97
 73 Архив ИЭ, ф. 11, оп. I, д. 26, стр. 7
 74 Архив ГАНИИИИЯЛ, папка 29, тетр. 3, стр. 93
 75 В. П. Вербицкий Алтайцы Томск, 1870, стр. 34
 76 С. Швецов Горный Алтай и его население Том III, вып. IV, стр. 242
 77 С. Швецов Горный Алтай и его население Том III, вып. I, стр. 17, 25 (эконом. табл.)
 78 ГАТО, ф. 234, оп. I, д. 439, л. 62
 79 Там же
 80 С. Швецов. Зап. Зап.-Сиб. отд. русск. географ. общества. Том XXVII. Омск, 1900, стр. 4
 81 С. Швецов Горный Алтай и его население, том I, вып. I, стр. 33—34

НАЦИОНАЛЬНО-СМЕШАННЫЕ БРАКИ В ГОРНОМ АЛТАЕ

Известны два основных направления современных этнических процессов в нашей стране: 1) продолжающаяся консолидация и развитие социалистических наций и народностей; 2) сближение социалистических наций и народностей нашей страны на базе развития их братского сотрудничества и дружественных интернациональных связей в области экономики, культуры и духовной жизни¹.

Одним из показателей сближения социалистических наций и народностей являются национально-смешанные браки. Как отмечалось в докладе Л. И. Брежнева «О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик» на совместном торжественном заседании ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвященном 50-летию образования СССР, в нашей стране «растет число смешанных браков — оно исчисляется миллионами»².

В данной статье автор ставит задачу рассмотреть на статистическом материале наличие и рост национально-смешанных браков на территории современной Горно-Алтайской автономной области с конца XIX в. по 1969 г., а также выявить некоторые тенденции этого явления.

В записках миссионеров, в трудах Н. М. Ядринцева, Н. П. Дыренко-вой, Л. П. Потапова находим отрывочные, но интересные сведения по данной теме. Специальных исследований, посвященных изучению вопроса о национально-смешанных браках в Горном Алтае, нет.

Нами использованы метрические записи некоторых действовавших на территории Горного Алтая церквей. Сохранившиеся записи неполны. Однако по имеющимся данным можно составить представление о пропорции однонациональных и смешанных браков алтайцев в селах Горного Алтая в дореволюционный период.

Были использованы записи о браках и о расторжении браков алтайцев за советское время, хранящиеся в Барнаульском краевом архиве ЗАГС.

• • •

Исторической предпосылкой появления национально-смешанных браков в Горном Алтае явилось переселение русских крестьян, начавшееся в XVIII в. Тесное общение, возникшее в результате совместного проживания русских и алтайцев, привело к взаимовлияниям в сфере материальной культуры и общественных отношений, а также к появлению национально-смешанных браков.

Процесс смешения затрагивает в первую очередь северные районы Горного Алтая³. Н. М. Ядринцев отмечал: «Скрещивание... замечается среди вогулов, алтайских черневых татар в Кузнецком, Бийском и Бар-

наульском округах...⁴ Телеуты и кумандинцы, как писал Н. М. Ядрищев, настолько смешались с русскими, что их потомков невозможно отличить от русских⁵.

По мере расширения сферы христианизации национально-смешанные браки распространялись на районы южного Горного Алтая. В статьях миссионеров находим упоминание о «новокрещенном диоцезе с невестою из русских»⁶.

Наблюдая эти явления, Н. М. Ядрищев пришел к интересным выводам, в частности, он писал, что «около широкого русла, где водворилась русская народность, соединилось много элементов инородческого типа, беспрестанно на нее воздействующих. Два видных явления вследствие этого отражаются на жизни и истории Сибири. Первое — слитие и скрещивание с инородцами, которое отражается на русских жителях изменением типа и восприятием инородческих привычек. Второе — воздействие на инородцев русской народности»⁷.

Н. М. Ядрищев удивительно точно предвидел, «что метисация с инородцами на востоке далеко не представляет явления отжившего, законченного: она только еще начинается, и дальнейший процесс ее развития угрожает в будущем охватить русское население на всем востоке»⁸.

Выражая передовые идеи своего времени, исследователь считал, что целесообразнее «стремиться не к отчуждению от инородцев, а сближению с ними; культурное повышение их для нас будет гораздо выгоднее, чем предоставление им полной замкнутости»⁹.

Росту национально-смешанных браков определенным образом способствовала Алтайская духовная миссия. В записках священника Вербицкого находим: «Явился ко мне крещеный 8-го января Иоани (Данишке) и попросил моего совета — не знаю ли я в приходе, которым яведу, невесту для него. Ему предложена была в невесты одна из благоправных сирот, русская девица»¹⁰.

В 1883 г. в Бийске было создано катехизаторское училище по подготовке священников, дьяконов, псаломщиков, учителей и переводчиков из алтайцев. Окончившие это училище могли жениться только на русских женщинах¹¹.

Обычное право алтайцев в отличие от обычного права мусульманских народов не ставило преград перед заключением национально-смешанных браков. Все национально-смешанные браки досоветского периода, зарегистрированные в церкви, были, по нашим материалам браками алтайцев с русскими.

Рассмотрим несколько таблиц, показывающих количество заключенных крещеных алтайцами браков.

Таблица 1

Браки алтайцев, зарегистрированные Урсульской церковью (в %)

Годы	Количество однонациональных алтайских браков	Количество алтайских национально-смешанных браков	В том числе	
			количество алтайско-русских браков*	количество русско-алтайских браков**
1892	77,8	22,2	11,1	11,1
1899	77	23	7,7	15,3

* Алтайско-русскими мы условно назвали такие браки, которые состоят из мужа — алтайца и жены — русской.

** Русско-алтайскими названы браки, состоящие из мужа — русского и жены — алтайки.

1	2	3	4	5
1903	77,8	22,2	11,1	17,1
1906	71,4	28,6	28,6	—
1909	73,4	26,6	13,1	13,1
1912	33,3	66,7	66,7	—
1915	70	30	10	20
1917	57,1	42,9	28,6	14,3

Таблица 2

Браки алтайцев, зарегистрированные Шебалинской церковью (в %)

Годы	Количество однонациональных алтайских браков	Количество алтайских национально-смешанных браков	В том числе	
			количество алтайско-русских браков	количество русско-алтайских браков
1892	83,3	16,7	8,35	8,35
1903	82,4	17,6	8,9	11,7
1918	50	50	—	50

Таблица 3

Браки алтайцев, зарегистрированные Мытигинской церковью (в %)

Годы	Количество однонациональных алтайских браков	Количество алтайских национально-смешанных браков	В том числе	
			количество алтайско-русских браков	количество русско-алтайских браков
1899	81,8	18,2	9,1	9,1
1903	56,4	43,6	31,1	12,5
1906	41,7	58,3	41,7	16,7
1909	45,5	54,5	18,2	36,3
1912	40	60	40	20
1915	40	60	30	30
1917	33,4	66,6	66,6	—
1918	40	60	30	30

Таблица 4

Браки алтайцев, зарегистрированные Чергинской церковью (в %)

Годы	Количество однонациональных алтайских браков	Количество алтайских национально-смешанных браков	В том числе	
			количество алтайско-русских браков	количество русско-алтайских браков
1906	36,4	63,6	36,3	27,3
1909	33,3	66,7	33,35	33,35
1912	—	100	75	25
1915	87,5	12,5	—	12,5
1917	50	50	—	50
1918	33,3	66,7	16,7	50

Браки алтайцев, зарегистрированные Улалинской церковью (в %)

Годы	Количество однонациональных алтайских браков	Количество алтайских национально-смешанных браков	В том числе	
			количество алтайско-русских браков	количество русско-алтайских браков
1892	64,5	35,5	16,1	19,4
1899	43,2	56,8	29,8	27
1903	10	90	40	50
1906	35,3	64,7	23,5	41,2
1909	27,3	72,7	50	22,7
1912	16,7	83,3	41,65	41,65
1915	9	91	54,5	36,5
1917	16,7	83,3	33,3	50

Села Мыкота, Черга, Шебалино, Майма, Улала являлись основными центрами, в которых и вокруг которых селились русские крестьяне. Эти села расположены по основной дорожной магистрали. Климат этих мест благоприятствовал занятиям земледелием и огородничеством.

Как видим, конец XIX — начало XX вв. характеризуется высоким процентом национально-смешанных браков, который к 1917, 1918 гг. подходил близко к 50 и в большинстве случаев переваливал за 50, достигая до 83,3 в 1917 г. по Улалинской церкви. Однако не следует упускать из виду то обстоятельство, что мы оперируем данными о браках, заключенных только крещеными алтайцами. К этому времени 1/5 часть алтайцев перешла на оседлый образ жизни¹².

Из приведенных в таблицах данных видно, что процент национально-смешанных браков уменьшается в зависимости от удаленности сел от с. Улалы — главного миссионерского стана.

По темпу роста национально-смешанных браков первое место принадлежит с. Мыкоте. Если в 1896 г. указанные браки составляли всего 15% из всех заключенных крещеными алтайцами браков, то к 1918 г. — 60%, т. е. увеличились в четыре раза. На втором месте стоит с. Шебалино. В 1891 г. национально-смешанные браки здесь составляли 17,5%, в 1918 г. — 50%, т. е. увеличились почти в три раза. В Улале и в с. Онгудае количество таких браков увеличилось почти в два раза: в Улале с 42,5% в 1891 г. до 93,3% в 1917 г., в Онгудае с 22,2% в 1892 г. до 42,9% в 1917 г. Одинаково высокий процент указанных браков зарегистрирован Чергинской церковью: в 1906 г. — 63,6% и в 1918 г. — 66,7%.

По нашему мнению, рост национально-смешанных браков зависел от плотности заселения этих сел русскими крестьянами.

Сопоставление русско-алтайских и алтайско-русских браков убеждает нас в том, что мужчины-алтайцы чаще женились на русских женщинах, чем женщины-алтайки выходили замуж за русских мужчин. Мужчины-алтайцы больше ездили по соседним селам, чаще общались с русским населением, быстрее приобщались к русскому домашнему быту, чем женщины, связанные более низким общественным положением, меньшей самостоятельностью. Но разрыв между количеством мужчин-алтайцев, вступивших в брак с русскими женщинами, и количеством женщин-алтаек, вступивших в брак с русскими мужчинами, незначительный.

После Октябрьской революции перед органами Советской власти встали задачи огромной важности — преодоление экономической и культурной отсталости населения области. Успехи коллективизации, пуск

промышленных предприятий, открытие учебных заведений, расширение культурно-массовой работы, рост грамотности, пропаганда атеизма стали факторами сближения национальных культур на качественно новой основе — идее равенства всех народов.

Советское строительство вызвало новый большой приток людей в Горный Алтай. В настоящее время нет ни одного района, где бы жило однородное по национальному составу население. Можно говорить лишь о том, что население Улаганского, Кош-Агачского, Усть-Канского, Онгудайского районов в большинстве состоит из лиц коренной национальности. Казахи сосредоточены в Кош-Агачском районе и вкраплены в Усть-Канский район. В остальных районах население смешанное, в большинстве состоит из русских и алтайцев. Рассмотрим браки алтайцев в советское время.

Таблица 6

Браки алтайцев Кош-Агачского района (в ‰)

Годы	Количество однопациональных алтайских браков	Количество алтайских национальных браков по-смешан-	В том числе			
			кол-во алт.-русских браков	кол-во русско-алт-х браков	кол-во нац-см. браков, в которых муж алтаец, жена др нац-ти (не русской)	кол-во нац-см. браков, в которых жена алтайка, муж др нац-ти (не русской)
1929	92,3	7,7	3,85	3,85	—	—
1937	63,4	36,6	12,2	17,1	2,4	4,9
1939	78,8	21,2	12,7	8,5	—	—
1941	66,7	33,3	16,7	—	8,3	8,3
1942	50	50	33,3	16,7	—	—
1943	85,7	14,3	14,3	—	—	—
1944	77,8	22,2	11,1	11,1	—	—
1945	40	60	10	20	—	30
1950	77	23	7,6	7,7	7,7	—
1955	73,5	26,5	11,8	8,9	2,9	2,9
1960	90	10	—	6,8	1,4	1,8
1961	84,6	15,4	—	7,7	—	7,7
1962	75	25	12,5	3,1	3,1	6,3
1963	81,6	18,4	—	2,6	—	15,8
1964	51,6	48,4	9,7	9,7	16,1	12,9
1965	77,8	22,2	3,7	—	7,4	11,1

Таблица 7

Браки алтайцев Майминского района (в ‰)

Годы	Количество однопациональных алтайских браков	Количество алтайских национальных смешанных браков	В том числе			
			кол-во алт.-русских браков	кол-во русско-алт-х браков	кол-во нац-см. браков, в которых муж алтаец, жена др нац-ти (не русской)	кол-во нац-см. браков, в которых жена алтайка, муж др нац-ти (не русской)
1929	31,8	68,2	27,3	34,1	4,5	2,3
1939	50	50	50	—	—	—
1942	—	100	66,7	—	33,3	—
1943	33,3	66,7	66,7	—	—	—

1	2	3	4	5	6	7
1944	—	100	83,3	16,7	—	—
1945	44,4	55,6	33,4	22,2	—	—
1950	50	50	25	25	—	—
1955	41,7	58,3	33,4	24,9	—	—
1960	53,1	46,9	31,2	15,7	—	—
1961	57,9	42,1	21,05	21,05	—	—
1962	36,3	63,7	41	20,4	2,3	—
1963	46,3	53,7	39	14,7	—	—
1964	39,3	60,7	53,0	7,1	—	—
1965	33	67	55,5	11,5	—	—
1968	56,4	43,6	31,1	12,5	—	—

Таблица 8

Браки алтайцев в г. Горно-Алтайске (в %)***

Годы	Количество однацио- нальных алтайских браков	Количество алтайских националь- но-смешан- ных браков	В том числе			
			количество алтайско- русских браков	количество русско-ал- тайских браков	количество националь- но-смешан- ных браков, в которых муж — алта- ец, жена др. нац-ти (не русской)	количество националь- но-смешан- ных браков, в ко- торых жена алтайка, муж др. нац-ти (не русский)
1929	13,5	86,5	18,5	54,5	9	4,5
1937	37	63	31,5	28,9	—	2,6
1939	11,7	88,3	41,25	41,25	5,8	—
1941	17,2	82,8	38	41,4	3,4	—
1942	—	100	22,2	44,5	11,1	22,2
1943	22,2	77,8	66,7	11,1	—	—
1944	13,2	86,8	40,1	40,1	—	6,6
1945	31,5	68,5	50	18,5	—	—
1950	38,5	61,5	45	5,5	5,5	5,5
1955	29,5	70,5	52,9	11,7	5,9	—
1960	39,5	60,5	35	18,6	2,3	4,6
1961	16,7	83,3	37,5	41,6	—	4,2
1962	33	67	55,5	11,5	—	—
1963	50	50	18,75	31,25	—	—
1964	64,7	35,3	17,7	11,8	—	5,8
1965	52,8	47,2	7,1	40,1	—	—
1968	53	47	29,4	17,6	—	—
1969	14,3	85,7	46,4	32,1	3,6	3,6

*** Материалы по бракам алтайцев г. Горно-Алтайска имеются в Барнаульском краевом архиве ЗАГС и в Горно-Алтайском городском архиве ЗАГС. При составлении табл. 8 были взяты наиболее полные цифры. Данные за 1935, 1936, 1937, 1941, 1943, 1946 гг. взяты из материалов Барнаульского краевого архива ЗАГС, данные за остальные годы — из Горно-Алтайского городского архива ЗАГС.

Проследить динамику национально-смешанных браков в Горном Алтае за годы Советской власти затруднительно. Как и у многих других народов, у алтайцев в первые годы Советской власти не все браки регистрировались в силу народных обычаев. Алтайцы-язычники письменного брака не оформляли, ограничивались свадебным обрядом в отличие от мусульман, оформлявших кебцинные акты при браке, и христиан, браки которых регистрировались в метрических книгах¹³.

Процент национально-смешанных браков алтайцев в 20-е годы довольно высок, потому что в тот период национально-смешанные браки,

как правило, заключающиеся в образованной части населения, рети-
рировались чаще, чем однонациональные алтайские. Но по мере
распространения практики гражданской регистрации доля зарегистри-
рованных смешанных браков в общем числе зарегистрированных бра-
ков должна была снижаться¹⁴. Так, например, в Улаганском районе
процент национально-смешанных браков алтайцев снизился с 14,7 в
1934 г. до 4 в 1967 г., в Онгудайском — с 22,2 в 1927 г. до 8,8 в 1962 г.,
в Усть-Коксинском — со 100 в 1927 г. до 36 в 1961 г., в Шебалинском —
со 100 в 1927 г. до 32 в 1968 г., в Майминском — с 72,5 в 1927 г. до
до 43,6 в 1968 г., в Турчакском — со 100 в 1927 г. до 21 в 1961 г.

Незначительное увеличение процента национально-смешанных бра-
ков наблюдаем в районах: в Эликманарском — с 40 в 1934 г. до 43,4 в
1961 г., в Чойском — с 42,8 в 1934 г. до 45,5 в 1955 г. и в г. Горно-Ал-
тайске — с 80 в 1928 г. до 85,7 в 1969 г.

Заметно увеличился процент указанных браков только в двух рай-
онах: в Кош-Агачском с 7,7 в 1929 г. до 22,2 в 1965 г. и в Усть-Камском
с 14,3 в 1929 г. до 24 в 1961 г.

Причина уменьшения в большинстве районов процента националь-
но-смешанных браков заключается в том, что увеличившееся количе-
ство зарегистрированных однонациональных алтайских браков в после-
дующие годы понизило процент национально-смешанных браков. Фак-
тически национально-смешанных браков стало намного больше.

Для удобства анализа материала по национально-смешанным
бракам разделим условно районы Горного Алтая на две группы.
К первой группе отнесем южные районы: Кош-Агачский, Улаганский,
Онгудайский, Усть-Камский. Эти районы наиболее удалены от област-
ного центра, в них проживает большая часть коренного населения — ал-
тайцев. Ко второй группе отнесем районы Майминский, Чойский
(присоединен к Майминскому району в 1957 г.), Шебалинский, Элик-
манарский (присоединен к Майминскому району в 1962 г.), Турчак-
ский и Усть-Коксинский. Последний по географическому положению
должен относиться к южным районам, однако автор включает его во
вторую группу, т. к. в данном районе большинство населения — русские.
Все районы второй группы, кроме Усть-Коксинского, расположены во
окрестностях областного центра.

Ограниченный объем статьи не позволяет привести конкретные ма-
териалы по всем районам. Поэтому дадим по одному примеру из каж-
дой группы районов.

В первой группе районов самый высокий процент национально-
смешанных браков наблюдается в следующие годы: в Кош-Агачском
районе в 1945 г. — 60, в Улаганском — в 1945 г. — 100, в Онгудайском —
в 1941 г. — 64,6, в Усть-Камском — в 1946 г. — 23,2.

Самый низкий процент национально-смешанных браков алтайцев
в этой группе районов зарегистрирован в следующие годы: в Кош-Агач-
ском районе в 1929 г. — 7,7 (в 1927 г. все браки этого района заклю-
чены однонациональными алтайскими), в Улаганском районе в 1929 г. —
24 (до 1927 и 1964 гг. все браки в районе — однонациональные алтай-
ские) и Онгудайском — в 1926 г. — 8,8, в Усть-Камском районе
в 1959 г. — 5,1 (в 1944 г. все браки в районе — однонациональные
алтайские).

Во второй группе районов во все годы самый высокий процент наци-
онально-смешанных браков по сравнению с данными первой группы
районов. Самый высокий процент указанных браков зарегистрирован
в следующие годы: в Усть-Камском районе — 100 в 1927, 1929, 1954 гг.,
в Шебалинском — 100 в 1927 г., в Майминском — 100 в 1942, 1946 гг.,
в Эликманарском — 75,5 в 1962 г., в Чойском — 87,5 в 1945 г., в Тур-
чакском — 100 в 1927 г.

Самый низкий процент национально-смешанных браков наблюдается в следующие годы: в Усть-Коксинском районе — 12,5 в 1940 г. (в 1935, 1941, 1955 гг. в этом районе не был зарегистрирован ни один смешанный брак), в Шебалинском — 13,1 в 1939 г., в Майминском — 33,3 в 1952 г., в Эликманарском — 16,7 в 1944 г. (в 1942, 1943 гг. национально-смешанные браки не зарегистрированы), в Чойском — 28,7 в 1949 г. (в 1942, 1956 гг. все браки в этом районе однонациональные алтайские), в Турачакском — 17,5 в 1948 г. (в 1935 и 1943 гг. смешанные браки не зарегистрированы).

Как видим, в первой группе районов, наиболее отдаленных от областного центра, процент национально-смешанных браков ниже, чем во второй группе районов, расположенных вокруг областного центра. Самый низкий показатель указанных браков в первой группе районов зарегистрирован в 1929 г. — 2,4% в Улаганском районе. Самый низкий показатель этих браков во второй группе районов — 12,5% зарегистрирован в 1940 г. в Усть-Коксинском районе.

Показатели г. Горно-Алтайска по национально-смешанным бракам выше, чем в районах. В 1942 г. все 100% зарегистрированных браков оказались национально-смешанными. Самый низкий показатель смешанных браков в г. Горно-Алтайске зарегистрирован в 1964 г. — 35,3%.

Большинство смешанных браков алтайцев и казахов, живущих в Горном Алтае, — это браки с русским населением. В области проживают представители других национальностей, но число их невелико, поэтому процент браков алтайцев с ними незначителен. Встречаются единичные браки с хакасами, тувинцами, шорцами, калмыками, корейцами, якутами, монголами, удмуртами, чувашами, мордвой, татарами, узбеками, карелофиннами, евреями, армянами, украинцами, белоруссами, эстонцами, немцами.

Национально-смешанные браки не менее прочны, чем однонациональные алтайские. Рассмотрим на примере табл. 9 соотношение количества расторгнутых однонациональных алтайских и национально-смешанных браков.

Таблица 9

Расторгнутые браки в Горно-Алтайской автономной области (в %)

Годы	Количество расторгнутых однонациональных алтайских браков	Количество расторгнутых алтайских национально-смешанных браков	В том числе			
			кол-во расторгнутых алт-русских браков	кол-во расторгнутых русско-алтайских браков	кол-во расторгнутых нац.-см. браков, в которых муж алтаец, жена др. нац-ти (не русской)	кол-во расторгнутых нац.-см. браков, в которых жена алтаец, муж др. нац-ти (не русской)
Кош-Агачский район						
1927	77,5	22,5	11,25	11,25	—	—
1940	50	50	16,7	—	—	33,3
Улаганский район						
1940	80	20	20	—	—	—
Усть-Канский район						
1940	100	—	—	—	—	—
Онгудайский район						
1935	83,4	16,6	16,6	—	—	—
1940	83,3	16,7	16,7	—	—	—

1	2	3	4	5	6	7
Шебалинский район						
1940	100	—	—	—	—	—
1958	80	20	20	—	—	—
Усть-Коксинский район						
1927	—	100	100	—	—	—
1940	—	100	100	—	—	—
Турочакский район						
1940	100	—	—	—	—	—
Этхеманарский район						
1940	—	100	100	—	—	—
Майминский район						
1929	26,6	73,4	36,7	36,7	—	—
1940	100	—	—	—	—	—
1951	—	100	100	—	—	—
Горно-Алтайск						
1931	15,8	84,2	57,9	26,3	—	—
1980	25	75	75	—	—	—

Исключение составляют Майминский, Усть-Коксинский районы и г. Горно-Алтайск. Здесь процент расторгнутых национально-смешанных браков выше процента расторгнутых однонациональных алтайских браков. Нам представляется данное явление закономерным, т. к. в указанных районах и г. Горно-Алтайске процент национально-смешанных браков очень высок и преобладает над процентом однонациональных алтайских браков.

Добавлением к характеристике алтайских национально-смешанных браков могут служить материалы по определению национальности при получении первого паспорта подростками, родившимися от национально-смешанных браков. Мы располагаем данными паспортного стола г. Горно-Алтайска за 1965—1969 гг. (см. табл. 10).

Четко прослеживается тенденция: больше половины подростков, родившихся в алтайских национально-смешанных семьях, относят себя не к алтайцам, а к русским. К алтайцам относят себя те подростки, которые имеют отца-алтайца. Подростки из русско-алтайских семей, видимо, в будущем совсем перестанут относить себя к алтайцам, как это имело место в 1967 году.

Интересно сравнение данных по национально-смешанным бракам в Горном Алтае и в Хакасии. Зарождение контактов местного населения Хакасии и русских относится к XVIII веку¹⁵. Как известно, первоходцами русской колонизации были воины, купцы, казаки и разночинцы¹⁶. «Нехватка русских женщин, остро ощущавшаяся в Сибири того времени, возмещалась или браками с хакасскими девушками, или приобретением их в рабство, превращением в наложниц»¹⁷. Позднее «Тесные связи и дружба между хакасами и русскими находили свое проявление, в частности, во взаимной ассимиляции путем заключения браков. И в этом ссыльные декабристы показывали пример братства народов. Н. А. Крюков женился на Марфе Дмитриевне Сайлотовой, происходившей из бедной хакасской семьи. Она служила кухаркой у Беляевых, выделяясь не только красотой, но и умом»¹⁸.

К сожалению, мы не располагаем материалами, характеризующими браки хакасов в дореволюционный период. Есть возможность рассмотреть этот сюжет в советское время по двум районам, в которых проживает значительная часть хакасов, и по г. Абакану.****

Таблица 11

Браки хакасов Аскинского района (в %)

Годы	Количество однонациональных хакасских браков	Количество хакасских национально-смешанных браков	В том числе			
			кол-во хакасско-русских браков	кол-во русско-хакасских браков	кол-во национально-смешанных браков, в которых муж хакас, жена др. нац. (не русской)	кол-во национально-смешанных браков, в которых жена хакаска, муж др. нац-ти (не русской)
1933	86	14	7	—	—	7
1937	89	11	9,6	1,5	—	—
1939	88,5	11,5	8,4	2,6	—	0,5
1941	93	7	5,6	0,7	0,7	—
1942	93	7	2,3	3,5	—	1,2
1943	89,7	10,3	5,2	3,1	1	1
1944	91,3	8,7	6,5	2,2	—	—
1948	81,9	18,1	11,3	4,5	2,3	—
1950	78	22	13	6,4	1,3	1,3
1955	87,7	12,3	5,8	2,2	1,4	2,9
1960	86,5	13,5	6,2	4,3	1	2

**** Таблицы по бракам хакасов составлены нами по материалам Красноярского краевого архива ЗАГС.

Таблица 12

Браки хакасов Таштыпского района (в %)

Годы	Количество однонациональных хакасских браков	Количество хакасских национально-смешанных браков	В том числе			
			количество русских хакасско-русских браков	количество русско-хакасских браков	количество национально-смешанных браков, в которых муж хакас, жена др. нац. (не русской)	кол-во национально-смешанных браков, в которых жена хакаска, муж др. нац-ти (не русской)
1933	53,9	46,1	30,7	15,4	—	—
1937	56,7	43,3	16,7	20	—	6,6
1939	57	43	28,6	12,6	1,8	—

1	2	3	4	5	6	7
1941	60	40	20	12	4	4
1942	42,4	57,6	48	4,8	—	4,8
1943	42,8	57,2	21,5	28,6	—	7,1
1944	62,5	37,5	28,2	6,2	—	3,1
1946	58	42	34	6	—	2
1950	45,7	54,3	27,2	16,7	6,7	5,7
1955	76,6	24,5	16,5	4	4	—
1960	76,7	23,3	13,6	9,1	—	0,6

Как видим, соотношение однонациональных и национально-смешанных браков хакасов в Аскизском районе тождественно соотношению указанных браков в южных районах Горного Алтая, а соотношение однонациональных и национально-смешанных браков хакасов в Таштыпском районе тождественно этому же показателю в районах, лежащих вокруг г. Горно-Алтайска, так как он (показатель) прямо зависит от национального состава населения в районе.

Очень высок процент национально-смешанных браков в Таштыпском районе (самый низкий показатель 22% в 1957 г.).

Мужчин-хакасов вступает в национально-смешанные браки больше, чем женщин-хакасок. Но разрыв между количеством мужчин-хакасов и количеством женщин-хакасок, вступающих в таковые браки, в Таштыпском районе значительно меньше, чем в Аскизском.

Что характерно для браков хакасов, проживающих в городе?

Таблица 1.

Браки хакасов в г. Абакане (в %)

Годы	Количество однонациональных хакасских браков	Количество хакасских национально-смешанных браков	В том числе			
			количество хакасско-русских браков	количество русско-хакасских браков	количество национально-смешанных браков, в которых муж хакас, жен. др. нац-ти (не русской)	кол-во национально-смешанных браков, в которых муж хакас, жен. др. нац-ти (не русской)
1934	54,5	45,5	27,3	18,2	—	—
1937	40,8	59,2	31,9	27,3	—	—
1939	50	50	33,4	16,6	—	—
1941	16,7	83,3	41,7	33,3	8,3	—
1943	—	100	50	50	—	—
1945	81,8	18,2	9,1	9,1	—	—
1946	53,9	46,1	26,9	19,2	—	—
1950	66,3	34,7	8,7	13	13	—
1955	42,8	57,2	57,2	—	—	—
1960	70,4	29,6	25,9	3,7	—	—

Как видим, процент национально-смешанных браков в г. Абакане также высок. При сравнении с данными г. Горно-Алтайска обнаруживается, что самый низкий показатель указанных браков в г. Горно-Алтайске и в г. Абакане соответственно равны: 35,3% и 18,2%, а самый высокий — 93,75% и 72,7%. Можно предположить, что национально-смешанные браки в г. Горно-Алтайске заключаются активнее, чем в г. Абакане.

Итак, совместное проживание русских крестьян и алтайцев привело к появлению и распространению национально-смешанных браков в Горном Алтае в дореволюционный период. В Хакасии национально-смешанные браки в дореволюционный период также имели место. За

годы Советской власти наблюдается дальнейший значительный рост этих браков в Горном Алтае и в Хакасии. Частотность национально-смешанных браков зависит от национального состава региона. Национально-смешанные браки алтайцев и хакасов носят интернациональный характер. Подавляющее большинство указанных браков в Горном Алтае и в Хакасии — это браки алтайцев и хакасов с русским населением. Горожане чаще вступают в национально-смешанные браки, чем сельские жители.

ЛИТЕРАТУРА

1. В. К. Гарамов, Б. О. Долгих, Т. А. Жданко. Основные направления этнических процессов у народов СССР — «Советская этнография», 1961, № 4, стр. 10.
2. Л. И. Брежнев. О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик. «Правда» от 22 декабря 1972 г., стр. 3.
3. Ф. А. Сатлаев. Колонизация предгорного Алтая в первой половине XIX в. — В кн. Вопросы истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1973, стр. 375—388.
4. Н. М. Ядринцев. Сибирь как колония. СПб., 1882, стр. 43.
5. Там же, стр. 22—23. Н. М. Ядринцев. Сибирские инородцы: их быт и современное положение. СПб., 1891, стр. 92.
6. Выписка из дневника миссионера Духовной Алтайской миссии протоиерея Стефана Ландышева за 1-ую треть 1859 г. — В кн. Душеспособное чтение Ч. 2. М., 1861, стр. 323.
7. Н. М. Ядринцев. Об алтайских и черномыз татарах. СПб., 1881, стр. 3.
8. Н. М. Ядринцев. Сибирь как колония. СПб., 1882, стр. 44—45.
9. Там же, стр. 46.
10. Извлечение из записок сотрудника Алтайской миссии священника Вербицкого М., 1859, стр. 6.
11. Л. П. Потапов. Очерки по истории алтайцев. М., 1953, стр. 246.
12. С. П. Швецов. Горный Алтай и его население, Т. 1, вып. 1. Барнаул, 1900, стр. 137.
13. Я. С. Смирнова. Национально-смешанные браки у народов Карачаево-Черкессии. «Советская этнография», 1967, № 4.
14. Там же, стр. 139.
15. В. Г. Карпов. Хакасия в период разложения феодализма (XVIII — первая половина XIX в.). Абакан, 1970, стр. 16.
16. Там же, стр. 19.
17. Там же, стр. 16.
18. Там же, стр. 196.

ОБ ИСТОЧНИКАХ ИЗУЧЕНИЯ ОБЫЧНОГО ПРАВА АЛТАЙЦЕВ

Обычное право представляет собой устойчивую и неоднократно примененную совокупность юридических обычаев, сложившихся на основе экономического уклада жизни народа и обеспечивающихся в своем применении всеми принудительными мерами господствующего класса. Обычное право алтайцев, как социальное явление, было связано не с какой-либо одной, а почти со всеми сферами жизни алтайского общества и представляло собой сложную систему обычно-правовых норм для регламентации существующих межплеменных и патриархально-родовых отношений. Несмотря на большое научное и познавательное значение обычного права алтайцев, оно до сих пор остается неизученным. Предлагаемая статья является первой попыткой восполнить этот пробел.

Источников для изучения обычного права алтайцев крайне мало. Особенно это относится к периоду до вхождения алтайских племен в состав Русского государства. Ввиду отсутствия национальной письменности и сплошной неграмотности народа от этого периода не сохранилось письменных законодательных памятников.

Попытаемся сгруппировать имеющиеся источники.

К первой группе можно условно отнести памятники права соседних народов, которые в определенный период действовали и на территории Горного Алтая (великая яса Чингис-Хана, Цааджин-Бичик, монголо-ойротские законы 1640 года и законы других народов: бурят, киргизов, калмыков, казахов, качинских татар, остяков).

Вторую группу, на наш взгляд, составляют не получившие законодательного утверждения со стороны царского правительства сборники обычного права сибирских народностей, такие как «Свод степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири» и «Сборник обычного права Сибирских инородцев»¹. В них встречаем описания некоторых обычно-правовых норм алтайских племен.

Третья, наиболее обширная, группа включает официальные документы царской администрации: указы, распоряжения, правила, уставы, анализ которых раскрывает сущность колониальной политики царизма на окраинах России, показывает административное устройство и общественные отношения, управление и быт сибирских народностей, в том числе алтайцев. Сюда, в частности, относятся «Устав об управлении инородцев Сибири» 1822 года² и «Положение об инородцах» 1893 года³.

Сделаем краткий анализ некоторых наиболее ценных и наименее изученных источников.

Прежде всего следует поставить вопрос: являются ли источниками права алтайцев великая яса Чингис-Хана, Цааджин-Бичик и монголо-ойротские законы 1640 года?

Ознакомление с содержанием этих письменных памятников и сравнение с обычаями, бытом и правом алтайцев (этнографическими материалами и историческими сведениями) показывает, что эти законодательные акты, являющиеся сборниками феодального права, фактически вобрали в себя обычаи, взгляды и обряды, бытовавшие у кочевых монгольских племен. В известном смысле они могут служить источниками исследования как социально-бытовых отношений, так и юридических аспектов жизни многих народов тюркской группы, в том числе алтайцев, соприкасавшихся длительное время с монголами.

Например, фрагменты ясы Чингис-хана свидетельствуют о большом почтении монгол к огню. Так, касаться ножом огня и вонзить в золу нож, вытаскивать мясо из котла ножом, топором, бросать в огонь вещества, от которых дурно пахнет, (жертвы огню должны усиливать пламя), плевать, мочиться в огонь и пепел, перешагивать через них — считалось великим грехом, и виновные в нарушении этих правил наказывались строго⁴. Аналогичное почтение к огню существовало также у алтайцев.

Одним из письменных источников изучения обычного права алтайцев периода XV — начала XIX вв. является «Древний монголо-калмыцкий или ойротский Устав взысканий (Цааджин-Бичик)», известный в литературе как монголо-ойротские законы 1640 года.

Устав действовал в Тибете, Джунгарии, Северной Монголии (Халку) и на южных окраинах Сибири от Волги до Енисея. Ф. И. Леонтович и К. Ф. Голстунский, специально занимавшиеся исследованием монголо-ойротских законов, не отрицали влияния их на внутреннюю жизнь алтайских племен⁵.

Советскими исследователями истории алтайцев также не отрицается действие монголо-ойротских законов на территории Алтая⁶.

Однако мы, не отрицая влияния Устава 1640 года на жизнь алтайцев, считаем необходимым отметить следующее. Факт вхождения алтайцев в состав ойротского союза не дает основания утверждать, что алтайские племена в течение длительного времени пользовались этим законом.

Более вероятно то, что Устав существовал наряду с местными обычаями, дополняемый ими. Очень сложным является вопрос о том, как он применялся практически, изменялся и приспособлялся к условиям алтайской кочевой жизни. На этот счет мы не имеем конкретных данных.

Как известно, к периоду принятия этого закона у алтайцев менее заметно, чем у других народов, проявлялась межплеменная и внутриплеменная борьба. Слабая экономическая связь между племенами и разобщенность, развитие скотоводства и охоты создавали более или менее самостоятельное, независимое существование как южных, так и северных алтайцев. К тому же алтайцы занимали окраинное положение Джунгарского государства и не имели своей письменности, поэтому влияние монголо-ойротских законов 1640 года было слабым. Они постепенно утрачивают свое значение. Этому способствовали и слабость центральной государственной и судебной власти, междоусобица внутри самого ойротства, вследствие чего чинить свой суд вошло в обычай и стало привилегией местных зайсанов.

По своей сущности монголо-ойротские законы являются феодальными, отличающимися большим партикуляризмом. Они, закрепляя эксплуататорский строй, частную собственность и имущественное неравенство, открыто стояли на защите политических и экономических интересов господствующего класса феодалов. Устав делит все общество на три класса: высший, средний (посредственный), низший (подлый). «Подлые» люди в Джунгарии являлись крепостными феодальных вла-

дельцев и находились в личной зависимости от них: они не могли уйти от своего феодала, это строго каралось законом. Свидетельством классового разделения и имущественного неравенства в ойротском обществе является то, что за совершение одного и того же поступка в зависимости от принадлежности к определенному классу, предусматривались различные виды наказаний. Например, за оскорбление знатного человека с того, кто плюнет ему в лицо, бросит в него землей, свалит с лошади или ударит его лошадь, взыскивался штраф в виде одной лошади, а за оскорбление простого человека ответственность не устанавливалась. Размер калыма за невесту также зависел от имущественного положения и должности родителей невесты и жениха. За дочь главных владетелей (князей) полагалось тридцать ценных вещей, сто пятьдесят лошадей и четыреста овец. За дочь «подлого» человека — два верблюда, десять голов крупного рогатого скота, пять голов овец⁷.

Важное значение для изучения обычного права народов Сибири, в том числе алтайцев, имеет «Свод степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири», изданный в Санкт-Петербурге в 1841 г. Хотя в самом Своде и в пояснениях к нему нет прямых доказательств, подтверждающих сбор материалов об обычном праве алтайцев, анализ и сравнение статей Свода с другими письменными источниками и описаниями дореволюционных и советских исследователей и монголо-ойротскими законами 1640 года дают основание считать, что правовые нормы алтайцев нашли свое частичное отражение в этом своеобразном уложении народных юридических норм. При издании Свода, видимо, учитывались ранее существовавшие законы обычного права. В пояснениях, в частности, указано, что при его составлении во внимание брался Устав 1640 года⁸.

Остановимся на некоторых разделах Свода. Раздел первый регулирует брачно-семейные отношения. Браки инородцев, исповедывавших христианскую веру, должны были совершаться по правилам православной церкви и по общим постановлениям государства⁹. При этом инородец, имеющий несколько жен, был обязан при принятии крещения выбрать только одну, а остальных отпустить к родственникам. Инородцам, не принявшим христианской веры, дозволялось вступать в брак по существующим у них обычаям без участия гражданского законодательства, но устанавливался ряд ограничений. Так, ограничивалось вступление в брак лицам мужского пола ранее шестнадцати, а женщинам ранее четырнадцати лет, запрещалось похищение невесты, за что устанавливалась имущественная ответственность. Свод запрещал браки между родственниками по восходящей и нисходящей линии, между родными сестрами и братьями, свекром и снохой, пасынком и мачехой, младшим братом и вдовой старшего брата (у алтайцев разрешалось), двоюродным братом и сестрой, племянником и родною теткою, дядей и племянницей¹⁰. Жены, уходящие от своих мужей без уважительных причин, возвращались обратно к ним и могли за это по требованию мужа быть подвергнуты наказанию розгами до 25 ударов¹¹. Сборник установил неограниченную власть родителей над детьми.

Во втором разделе очерчивается право инородцев на имущество, которое делилось на движимое и недвижимое. Причиненный ущерб имуществу должен быть возмещен. Убыток, нанесенный случайно или детьми, не достигшими 10-летнего возраста, не подлежал возмещению. Вознаграждение имуществом устанавливалось также за телесные повреждения, за обиды словом и действием¹². Свод устанавливал порядок наследования имущества после смерти его владельца. Наследниками в первую очередь признавались дети, а если не было детей, имущество переходило к боковым родственникам. Жена, если есть дети, должна была принять меры к сохранности наследственного имущества. Если

детей, то она вступала в фактическое владение имуществом в случае, если она оставалась в доме мужа. Если вдова выходила замуж, ей выделялось только ее приданое и личные вещи, на наследственное же имущество никаких прав она не имела¹³.

В третьем разделе свода регулировались свадебные договоры, устанавливалась имущественная ответственность за нарушение брачного договора без уважительных причин. Если жених отказывался от невесты, то с него взыскивался в общественный доход рода, которому принадлежала невеста, штраф в виде лошади или быка, а из удаченного калыма возвращалась только половина. Если невеста отказывалась выходить замуж после того, как она была уже просватана, то ее родители обязаны были выдать жениху весь полученный калым, уплатить расходы на организацию сватовства и в общественный доход рода жениха внести в виде штрафа лошадь или быка¹⁴.

Царизм, заинтересованный в сохранении «спокойствия» и инородческих стойбищах, в четвертом разделе устанавливал порядок исполнения высочайших указаний и подчинения законным властям, условия поминки подозрительных и порядок выезда из стойбища инородцев. Здесь отчетливо проявляется влияние русского законодательства на обычное право народов Сибири.

С четвертым разделом по духу и содержанию тесно связан раздел пятый, который предусматривал конкретные виды взысканий и наказаний за преступления в стойбищах. Родовые суды за проступки и за наиболее тяжкие преступления могли применять выговор, возмещение причиненного убытка, штрафа, временное заключение под стражей, исправительные работы, лишение доброго имени, звания, общественного доверия и должности, телесные наказания розгами не более 100 ударов, изгнание из рода¹⁵. Предусматривались обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание. Например, к обстоятельствам, смягчающим наказание, были отнесены совершение преступления и проступок по глупости, легкомыслию, в пьяном виде, если будет доказано, что виновный напился без намерения совершить противоправные действия, а также крайняя нужда и бедность, добровольная явка, чистосердечное раскаяние, беспорочное поведение прежде¹⁶.

Порядок рассмотрения уголовных и гражданских дел регулирует шестой раздел свода, который разграничивает компетенцию родовых старост, родовых судов и инородной управы в рассмотрении дел, устанавливает виды доказательства в суде.

Как бы составители свода ни пытались замаскировать классовую сущность этого кодекса обычного права, мы видим экономическое и политическое бесправие простого народа. В органы родового управления и инородной управы могли быть избраны только представители богатой верхушки инородческого населения и для них были установлены различные льготы и преимущества. Ответственность за совершенные проступки зависела не только от богатства, но и от положения в обществе, занимаемой должности и звания. Например, за оскорбление главного родоначальника устанавливался штраф 40 рублей серебром, простого человека — 1 рубль 50 копеек¹⁷. Запрещалось применять телесные наказания к должностным лицам инородных управ и членам их семей¹⁸. Еще одним источником для изучения обычного права алтайцев и других народов Сибири является «Сборник обычного права Сибирских инородцев», ставший в настоящее время библиографической редкостью¹⁹. В Сборнике, более, чем где-либо, находим указания на сбор материалов об обычаях алтайских племен. Первая глава названа «Обычаи инородцев Бийского уезда калмык и татар», она состояла из 7 статей. Вторая глава — «Обычаи инородцев Кузнецкого округа», куда вошла часть северных алтайцев. Эта глава имеет 15 статей.

Материалы об обычном праве алтайцев собирались при
в 1827—28 гг.

На наш взгляд, материалы собирались у алтайских племен, живавших на территории современного Красногорского, Алтайского, Майминского, Шебалинского, частично Турачакского и Усть-Канского районов, а также в долине реки Урсул, где в основном сосредоточены стоянки южных алтайцев. Это подтверждает статья шестая сепарата, которая гласит: «Таковые же ясашины татары, живущие ввертечениям рек Ыи и Катунн, которые называются кочевыми или бичими инородцами, имеют обряд, веру и законы точно такие же, как и Найтанские калмыки, отличий никаких не имеют»²⁰. Большинство статей этой главы посвящено описанию веры и пищи алтайцев, обычаям при похоронах. Только нормы двух статей имеют отношение к обычному праву.

Так, статья четвертая устанавливает размеры калыма, который обычно состоял из скота. В зависимости от имущественного положения жениха и невесты размер калыма колебался от 100 до 1000 голов скота, включал и меха зверей: соболя, лисицы, волка, росомахи, рыси, выдры, белки, если у кого имелся верблюд, то он равнялся 12 лошадям, а одна лошадь — двум головам крупного рогатого скота или 10 баранам. Шкуры зверей оценивались штука за штуку. Кроме того, жених должен был привозить араку и потчевать родителей невесты, родственников и друзей.

Некоторые сведения о том, как осуществлялся обычный суд, представляет статья 5-я, в которой сказано: «В случае каких-либо маловажных дел, виновные судятся разбирательством своего общества, в зайсанах, демичи или шуленгах и по существу вины приговариваются к розгам или берут при собрании к стыду, и подтверждением на будущее время быть честнее и обходительнее, а другие дела, кои не следуют их решению или разбирательству, доводят до сведения начальства, по которым установленное».

У северных алтайцев суд осуществлял башлык с помощниками. Основным видом наказаний были штрафы и розги. Например, за кражу полагалось платить двойной штраф, сверх того виновный наказывался розгами²¹. Наказанию плетью мужчины могли быть подвергнуты с 13 лет, женщины с 9 лет²². За неправильное решение дела ни зайсаны, ни башлык, ни другие служители родового суда не отвечали. «Если судья неправо решит дело, отвечает богу в будущем веке»²³. — говорил обычай. В то же время обычное право предусматривает ответственность за оскорбление судьи и нанесение ему ударов.

Виновный за нанесение удара судье обязан был уплатить ему 9 голов скота, сверх того одну хорошую лошадь²⁴. Вина лица в содеянном считалась доказанной при наличии 3-х свидетелей лучшего положения. Женщины в свидетели не принимались²⁵. Обычное право устанавливало неограниченные права родителей над детьми и ответственность их за непослушание. По своему характеру право сибирских народов было классовым. Об этом свидетельствует ряд положений сборника, которые открыто закрепляют привилегии господствующего класса. «Над состоящими у киргизов в работе калмыками хозяева их имеют неограниченное право, могут наказывать их без вины. В последнем случае, если бы слуга и вздумал на хозяина пожаловаться, его просьба нигде не принимается»²⁶. — устанавливает Сборник. Если удар и оскорбление между простыми людьми не предусматривало наказания, то за оскорбление зайсана, устанавливался штраф — 9 голов разного скота, за нанесение ему удара — 26 голов скота²⁷. В сво

* Имеются в виду майминские алтайцы. (Примеч. автора).

среди зайсанов, бан могли оскорблять простого человека, при этом несли никакого наказания²⁹.

К использованию Сборника необходимо подходить критически. В его статьях прямо или косвенно чувствуется изменение их содержания под влиянием русского права, при этом не указывается степень изменений и дополнений.

К первым этнографическим работам, в которых встречаются сведения об обычном праве, относятся статьи Г. И. Спасского³⁰. Им описаны сватовство, калым, похищение невест, свадебные обряды, развод, иждивение и скотоводство алтайцев. Существенным недостатком его работ является то, что в них не раскрыты причины описываемых явлений, не затронуты многие вопросы общественной жизни и быта внутри алтайского рода.

Интерес представляют записки Бийского исправника А. Горохова «Краткое этнографическое описание Бийских или Алтайских калмыков», помещенные в «Журнале Министерства внутренних дел» за 1840 год. Записки содержат сведения об административном делении, управлении, хозяйственной жизни и быте, обрядах, рождении и воспитании ребенка южных алтайцев.

Некоторые данные об обычном праве алтайцев содержатся в сообщении начальника алтайской миссии протоиерея Стефана Ландышева³¹, сделанном им в 1856 году в Московском Спиридоновском обществе, в котором, в частности, описываются взгляды алтайских племен на преступление и разбирательство дел по нормам обычного права.

Алтайское обычное право не проводило строгой грани между уголовными и гражданскими проступками. Преступлением по воззрению народа считался всякий вред, причиненный потерпевшему, а на преступника смотрели как на несчастное лицо. Не существовало достаточного различия между понятиями преступления и проступка. Все категории проступков и правонарушений сливались у них в одну группу вредных деяний, совершаемых человеком по злой воле, вследствие недостатков характера — злого духа, шайтана, кормеса (черта), которые безусловно приносят человеку какой-либо вред: то истребляют скот, то приносят боли и огорчения, то толкают на худые дела. Вина всегда сваливалась на эрику — злого духа земли. Преступление — это прежде всего беда, грех. Любые преступления или проступки назывались «яман тидык», «бурулу керек» (дурное дело, плохое дело). Алтайец, изблженный, например, в воровстве, говорил: «Кудай мени иштеп салды» (бог так сделал надо мною), «Кормес мени туты» (черт меня попутал, черт соблазнил). Во всех случаях, когда нанесенный преступлением вред возможно было подвергнуть материальной оценке, потерпевшие ходили всюду и везде требовали денежного вознаграждения за причиненный вред. По обычаю алтайцев того времени стороны в деле могли передавать разрешение своих споров любой важности и значимости не только призванным судьям зайсанам, демичи, старостам, но и другим лицам, уважаемым лицам, при доверии к нему обеих сторон. В качестве посредника часто выступали представители духовной миссии, особенно в спорах между крещеными, а также между крещеными и некрещеными, поскольку лица, принявшие христианство, подвергались притеснению со стороны своих родственников, зайсанов, баев. Алтайское обычное право допускало также многоженство, выдачу малолетних девочек за пожилых лиц или пожилой женщины за малолетнего жениха или жены умершего старшего брата за младшего брата или за ближайшего родственника. Существовал обычай отбирать детей у вдовы и передавать старшим родственникам на воспитание.

В работе В. И. Вербицкого «Алтайские инородцы»³² в главе «Нравы, обычаи и обряды» имеются описания сватовства, прохождение

свадьбы, обрядов при рождении ребенка и похоронах. Большая заслуга Вербицкого состоит в том, что он впервые разделил алтайцев на южных и северных и, исходя из этого, изложил весь этнографический материал. Говоря о брачно-семейных отношениях, он писал, что у южных алтайцев невесты в основном сватаются, а у северных похищаются. Калим существовал у обеих групп.

В. В. Радловым в двухтомном труде «Из Сибири»³², помимо общей характеристики быта и родового состава алтайцев, отражены некоторые стороны их общественного строя и осуществление обычного суда. Он отмечает, что зайсан обязан был осуществлять суд только внутри своей дючины. Если тяжущиеся принадлежали к разным зайсанствам, спор решался собранием зайсанов и демичи. Дела, которые зайсаны не могли разрешить сами, решались народным собранием, которое проходило ежегодно на озере Тенгя под председательством русского чиновника. Зайсаны в то время могли рассматривать всякие дела, за исключением дел о государственных и тяжких преступлениях, и налагать наказание, в том числе сечение розгами до 50 ударов. О значении и недостатках этнографических работ В. В. Радлова, Н. М. Ядринцева, Г. Н. Потанина и других авторов 2-й половины XIX в. убедительно писали Л. П. Потапов³³ и Г. Круссер³⁴, поэтому нет необходимости останавливаться на этом.

Из дореволюционных исследователей второй половины XIX в. следует отметить труды Николая Алексеевича Кострова, который внес значительный вклад в изучение обычного права сибирских народов. Начало его научной деятельности относится к 1851 году. С тех пор он более 30 лет отдал изучению правовой жизни и быта народов Сибири. Имея юридическое образование и занимая ряд судебных и административных постов в Енисейской и Томской губерниях, он, как никто другой, близко сталкивался с правовыми обычаями народов Сибири и понимал важность их изучения. В 1877 году в своем письме в Западно-Сибирский отдел Русского географического общества Н. А. Костров писал, что «в изучении Западной Сибири едва ли не первое место занимает исследование юридического быта обитающих в ней народов»³⁵. Н. А. Костровым опубликовано большое количество статей, посвященных экономическому положению и обычно-правовой жизни русских крестьян и народностей Сибири; якутов, остяков, качинских татар, самоедских племен и других. Широкую известность принесла ему книга «Юридические обычаи крестьян-старожилов Томской губернии»³⁶.

Ценность книги состоит в том, что в ней впервые раскрываются некоторые стороны правовой жизни западно-сибирских крестьян и ряда народностей, их взаимоотношения, экономический быт, распространенность преступлений, их причины, осуществление обычного суда.

Н. А. Костров видит неравенство внутри алтайской общины, насилие, гнет и эксплуатацию местного населения со стороны царских чиновников и купцов. Он пишет: «Не раз наши колонисты отнимали у них лучшие звероловные и рыболовные места, отгоняли целые табуны их скота, грабили и сжигали их юрты»³⁷.

В 80—90-е годы XIX в. этнографическое изучение алтайцев продолжалось. А. В. Адрианов после неоднократного посещения алтайцев опубликовал две работы³⁸, в которых содержатся ценные данные о семейном быте северных алтайцев. А. Ваганов в 1882 году в составе комиссии по обследованию Алтайского округа побывал в Горном Алтае и в своих записках «Алтайские инородцы» описал землепользование и землеустройство у алтайцев. В 1896—97 годы на Алтае побывали и собрали новые данные по этнографии теленгитов А. Калачев³⁹ и Е. И. Луценко⁴⁰, работы которых ценны в том отношении, что они раскрыли сущность зайсанской власти. А. Калачев писал: «Власть зайса-

на, прежде почти безграничная, и теперь стоит гораздо выше власти волостного старшины. Зайсан имеет право без суда наказывать любого теленгита, начиная с наложения штрафа, кончая наложением телесного наказания до 25 ударов. Вместе с демичи, т. е. выборщиками почетными судьями, он решает все гражданские дела без ограничения суммы»⁴¹. А Калачев также указывал, что у теленгитов, существует такая своеобразная форма народного суда как третейский суд, члены которого выбирались в количестве 6 лиц (по три от каждой заинтересованной стороны) под председательством зайсана. Решение такого суда было безапелляционным. Существовали и аильные судьи стариков. Интерес представляет статья Е. И. Луценко «Поездка к алтайским теленгитам», в которой он наряду с обоснованием их этнического происхождения и деления по родовому составу описал занятия и административное устройство теленгитов, проживающих по долинам рек Челушман и Башкаус. Как и А. Калачев, он отмечает, что власть зайсана фактически была неограниченной. Каждому зайсану подчинялись несколько его кошошников-демичи, главная функция которых заключалась в сборе подати со своих соплеменников. Собранный ясак и земские взносы сдавались зайсану. При этом никаких окладных листов не существовало. Все это создавало возможности для злоупотреблений. Демичи осуществляли административную и судебную власть по разбирательству мелких дел внутри рода. Когда спор касался двух или более родов или особо сложных и важных вопросов, то для их разрешения суд собирался в составе зайсана, нескольких демичи и богатых почетных лиц от родов, т. е. баев. У теленгитов существовал обычай давать зайсану дары. Жители дючины обязаны были подносить подарки, когда он женил сыновей или выдавал дочерей замуж. При разъездах зайсана население должно было угощать его, колоть скотину, варить араку, оказывать всяческие почести. Как и другие авторы конца XIX в., В. И. Луценко отмечает обеднение алтайцев и сокращение у них количества скота по сравнению с 30—50 годами этого же столетия. Однако, причину этого он не мог объяснить. Ни А. Калачев, ни Е. И. Луценко не коснулись проблемы права собственности у алтайцев, классового разделения и эксплуатации бедноты зайсанами и баями.

Внимания заслуживает статья С. П. Швецова «Обычно-правовые воззрения алтайцев (калмык) и киргиз. Брачные и семейные отношения», написанная им в 1898 году на основании материалов, собранных во время статистико-экономических исследований алтайцев в 1897 году. В статье освещены брачно-семейные отношения алтайцев, вопросы родства, заключения брака, развода и наследования по обычному праву. Ценность работы состоит в том, что в ней автором использовались не только полевые материалы, но и архивные, в частности, решения судов Бель-Агачской волости, книги и записи решений обычного суда алтайцев по нескольким волостям и дючинам.

Несмотря на большую научную ценность этой статьи, она требует критического подхода, ибо автором сделан ряд неправильных выводов относительно внутрисемейных отношений алтайцев и их культуры, в частности, когда он говорит, что родство алтайцев ведется только по мужской линии. Он не рассматривал личные имущественные и неимущественные отношения между членами алтайской семьи, не раскрыл материальную и моральную основу семьи. Неправильным является вывод С. П. Швецова о том, что алтайцы стоят на первобытной ступени развития и ведут полубродячий образ жизни, что никаких преданий и традиций у них не сложилось, кроме тех, которые дал патриархальный строй. Он идеализировал и крайне увеличивал значение родового начала у алтайцев и пытался доказывать, что у них никогда не было разделения на сословия. Автор не видел имущественного неравенства в ал-

тайском обществе, рассматривал семейное право без каких-либо различий в отношении северных и южных алтайцев.

Остались неразрешенными эти вопросы и в его четырехтомном труде «Горный Алтай и его население».

Сбор этнографических сведений об алтайцах и их издание продолжались в первом десятилетии XX в. Первой работой этого периода является статья М. М. Самохвалова «Кузнецкий Алатау», напечатанная во втором номере «Сибирского сборника» за 1902 год.

Много фактического материала для изучения юридических обычаев народов Западной Сибири содержится в проекте «Положения об инородцах Томской губернии»⁴², разработанном губернским управлением в течение 1898—1903 годов, но так и не получившем своего законодательного утверждения.

Изучение алтайцев не прекращалось и позднее. Интерес представляют ежегодные отчеты начальника Алтайского округа и Алтайской духовной миссии, в которых содержатся не только материалы этнографического характера, но и данные о социально-экономическом и правовом положении алтайцев. Подытоживая, отметим, что исследованиями дореволюционных ученых внесен существенный вклад в изучение истории и культуры народов Алтая. В то же время названные работы хронологически охватывают небольшой период и содержат в основном сведения этнографического характера. Среди них нет ни одной работы, специально посвященной правовой (юридической) жизни алтайцев. Краткие описания быта даны без объяснения и анализа его внутренней сущности и материальных условий.

Советские исследователи с позиций исторического материализма изучили конкретные формы общественных отношений у алтайцев.

Впервые был поставлен и научно разрешен вопрос о роли великого русского народа в жизни и истории алтайцев.

Одной из первых этнографических работ советского периода, которая имеет непосредственное значение к теме нашего исследования, является работа Н. П. Дыренковой «Род, классификационная система родства и брачные нормы у алтайцев и телеутов»⁴³. Автором собран большой материал по семейно-родовому строю и верованиям алтайцев. Недостатком работы, на наш взгляд, является то, что в ней содержится попытка представить алтайское общество доклассовым, родовым, внутри которого нет места эксплуатации и угнетению.

Большое значение для изучения семейного права алтайцев имеет статья Э. Гершельмана «Обычный уклад семейных отношений алтайских кижин»⁴⁴.

Значительный вклад в историческую науку в деле изучения южных малых народов, в том числе алтайского, внес профессор Л. П. Потанин. Его труд «Очерки по истории алтайцев» свидетельствует об успехе в изучении истории алтайцев в советское время. В «Очерке» нашло свое подлинное научное отражение история алтайского народа с древнейших времен до настоящего времени. Успешно разрешены автором такие сложные вопросы, как вопросы этнического происхождения алтайцев,⁴⁵ материальной обусловленности и закономерности развития их культуры и истории, разложения родового строя, возникновения собственности и эксплуататорских классов.

Социальное положение алтайской женщины в обществе и внутри семьи раскрыто в работе Е. М. Тошачковой⁴⁶.

Из работ последних лет следует указать на диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук Сатлаева Ф. А., посвященную кумандицам⁴⁷.

Ценнейшим источником изучения обычного права является героический эпос алтайцев. Самобытность и историческая правдивость эпоса

дает нам возможность проследить бытовую жизнь и обычай алтайцев в далеком прошлом. Из народного эпоса мы узнаем о существовании господствующего феодального сословия в лице каанов (племенных вождей, князей, царьков) и класса бедных людей, о грабительских войнах и набегах, которым подвергались алтайские племена, о взглядах народа на окружающий мир и о его бесправном положении. Идея классовой борьбы пронизывают почти все сказания.

Наконец, для всестороннего исследования обычного права необходимо в настоящее время собирать материалы о нем в народе, который до сих пор помнит и сохраняет в известной мере обычай и обычно-правовые взгляды.

Имеющиеся в нашем распоряжении источники дают возможность изучить обычное право алтайцев, исследование которого имеет не только специальный алтаеведческий, историко-юридический интерес, но и широкое теоретическое и этносоциологическое практическое значение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Свод степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири СПб, 1841
- Д. Я. Самохвасов Сборник обычного права Сибирских инородцев Варшава, 1876
2. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ), т. IV, № 29126, СПб, 1830
3. Г. Г. Савич. Сборник законов об устройстве крестьян и инородцев Сибири в степного края, СПб, 1903
4. Ф. И. Леонтович. К истории права русских инородцев Древний монголо-калмыцкий или ойротский Устав вильский (Шаджин Бичиж), Одесса, 1879, стр. 191, фрагменты 4, 12
5. Ф. И. Леонтович. Указ соч., стр. 20, 22, 231—232; К. Ф. Голстунский. Монголо-ойротские законы 1640 года, СПб, 1880, стр. 2
6. Л. П. Потапов. Очерки по истории алтайцев. М.-Л., 1953; С. А. Токарева. Доканни-таистические пережитки в Ойротии, Л., 1935
7. К. Ф. Голстунский, Указ соч., стр. 42—43
8. Пояснительные замечания к «Своду степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири», СПб, 1841, стр. 7
9. Свод степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири, СПб, 1841, статья I а и 2 а
10. Там же, ст. 8—16
11. Там же, ст. 38
12. Там же, ст. 199—200
13. Свод степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири, ст. 284
14. Там же, ст. 338, 339
15. Там же, ст. 486—490
16. Там же, ст. 490
17. Там же, ст. 210
18. Там же, ст. 499
19. Д. Я. Самохвасов. Сборник обычного права Сибирских инородцев. Варшава, 1876, стр. 9
20. Д. Я. Самохвасов. Указ соч., глава I, ст. 6
21. Там же, глава II, ст. 3
22. Там же, ст. 105
23. Там же, ст. 15
24. Там же, ст. 26
25. Там же, ст. 48
26. Там же, ст. 80
27. Там же, ст. 69
28. Там же, ст. 70
29. Г. И. Спасский. Телеуты и белые калмыки Сибирский вестник, части 13, 16, 1821. Его же Путешествие в алтайским калмыкам, Сибирский вестник, ч. 3—4, 1823
30. С. Лавдышев. Некоторые сведения об церковной Алтайской миссии, в кн. Прибавление к изданию творений святых отцов, ч. 15, М., 1856
31. В. И. Вербицкий. Алтайские инородцы М., 1893
32. В. В. Радлов. Из Сибири Русский перевод в Записках Рус. Археол. общ., т. 7, СПб, 1895
33. Л. П. Потапов. Очерки по истории алтайцев. М.-Л., 1953. Его же Изучение алтайцев русскими учеными в дореволюционный период, «Ученые записки Горно-Алтайского НИИИЯЛ», вып. 2, 1958 и др.
34. Г. Круссер. Сибирские областники, Новосибирск, 1931

- 35 Государственный архив Омской области, ф. 86, оп. 1, д. 10, л. 3
- 36 Н. А. Костров Юридические обычаи крестьян-старожилов Томской губернии Томск, 1976
- 37 Н. А. Костров Указ соч., стр. 98
- 38 А. В. Адрианов Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное летом в 1883 году. Записки Зап. Сиб. отдела Русск. геогр. общ-ва, кн. 8, вып. 2, Омск, 1886
- Путешествие на Алтай и на Саяны в 1881 г., Записки Русск. геогр. общ-ва по общей географии, т. XI, СПб., 1888
- 39 А. Калачев. Поездка к телегитам на Алтай, ж. «Живая старина», т. 6, в. 3—4, СПб., 1896
- 40 Е. И. Луценко. Поездка к алтайским телегитам, ж. «Земледелие», т. 1, кн. 1—2, 1898
- 41 А. Калачев Указ соч., стр. 486
- 42 Государственный архив Томской области, ф. 3, оп. 45, д. 289 л. 129
- 43 Н. П. Дыренкова Род, классификационная система родства и брачные нормы у алтайцев и телеут. В кн. Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР, Л., 1926
- 44 Э. Гершельман Обычный уклад семейных отношений алтай-кижи, ж. «Решение ии права», № 5, М., 1929, стр. 134—141
- 45 Л. П. Потапов Этнический состав и происхождение алтайцев. Л., 1969
- 46 Е. М. Тошакова Алтайская женщина в дореволюционном прошлом. «Ученые записки Горно-Алтайского НИИИЯЛ», вып. 2, 1954
- 47 Ф. А. Сатлаев Кандидатская диссертация «Кумандицы Алтайского края (Историко-этнографический очерк XIX — первой половины XX вв.)», Л., 1969

АФАНАСИЯ КОПТЕЛОВ И АЛТАЙСКИЙ ФОЛЬКЛОР

Статья I

Советский писатель Афанасий Коптелов, автор известных романов «Великое кочевье», «Сад», «Большой зачин», «Из искры возгорится пламя», является знатоком алтайского фольклора, собиранием и изучением которого он занимается более сорока лет¹. А Коптелов сочетает в себе талант писателя и неутомимого исследователя. Как ученый-фольклорист А. Коптелов занимает одно из первых мест среди алтаеведов, он никогда не замыкался в узком кругу, границы его фольклорных интересов исключительно широки: писатель изучает устно-поэтическое творчество казахов, тувинцев, шорцев, хакасов, бурятов, якутов и других народов. Все это давало огромный материал для сравнительной характеристики богатства восточной народной поэзии.

Плодотворная работа была проделана писателем по истолкованию, популяризации и пропаганде алтайского фольклора. А. Коптелов — автор многочисленных статей, посвященных разнообразным проблемам поэтического творчества алтайцев, среди которых наиболее значительными являются такие статьи и исследования: «Сказки алтайского народа»², «Николай Улагашев, певец Ойротии»³, «В. И. Ленин в творчестве народов Сибири»⁴, «Ойротский героический эпос»⁵, «Героический образ девушки»⁶, «Песни горячего сердца»⁷ и другие. Кроме того, писатель в периодической печати опубликовал десятки рецензий на произведения устно-поэтического творчества алтайцев, был автором вступительных статей и научного комментария к различным фольклорным сборникам. Поэтому не случайно А. Коптелова признают как ученого, внесшего крупный вклад в изучение алтайского фольклора, такие ученые и писатели, как Л. П. Потапов⁸, И. Парильов⁹, М. Сергеев¹⁰, В. Куприянов¹¹, Г. Колесникова¹², С. Залыгин¹³, С. Суразаков¹⁴, А. Смердов¹⁵, Н. Яновский¹⁶, Н. А. Баскаков¹⁷ и многие другие.

Для нас особенно интересна и показательна оценка фольклоризма А. Коптелова, данная историком Л. П. Потаповым, который видел заслугу автора «Великого кочевья» в том, что он подходил к изучению алтайского фольклора с марксистских позиций. Л. П. Потапов писал: «И только в вводных статьях известного сибирского писателя А. Л. Коптелова к сборникам Н. Улагашева освещение ряда вопросов алтайского героического эпоса и, прежде всего, основного вопроса — идейного содержания — ставится на научную основу»¹⁸.

А. Коптелов выступал как составитель и редактор многих изданий произведений устно-поэтического творчества алтайцев. Под его редакцией выпущены книги: сборник устного народного творчества и произведений советских писателей Ойротии «Молодой Алтай» (1935), сборник героических сказаний «Алтайские сказки» (1937), «Алтай Буучвай» (1941), «Малчи-Мерген» (1947), «Алтын-Тууди» (1950), «Алтайская

литература» (1956)¹⁹, «Героические сказания» (1961), «Сибирские сказки» (1964) и другие.

А. Коптелов проводил большую работу по организации переводов произведений устно-поэтического творчества алтайцев. Им лично на русский язык переведены совместно с поэтом Евгением Березницким сказание «Ак-Тойчи»²⁰, совместно с П. Кучияком — сказка «Серый воробышек»²¹. В Горно-Алтайске выходил сборник сказок народов Сибири, в котором значительное место занимают прекрасные сказки алтайского народа в коптеловских переводах²². Он перевел также многие алтайские пословицы и поговорки²³.

Почти нет ни одного издания алтайской литературы и фольклора на русском языке, в котором бы не принимал участие А. Коптелов как составитель, переводчик, редактор, комментатор или исследователь. Он обязательный участник научных конференций по вопросам алтайского языка, фольклора и литературы, совещаний писателей Горного Алтая, на которых выступает с интересными речами и докладами.

Приведенные факты — яркое свидетельство глубоких познаний А. Коптелова в области алтайского фольклора и литературы. О фольклоризме писателя говорили многие исследователи его творчества, но специально эта проблема не рашалась ни одним литературоведом, в то время как этот вопрос, будучи частью проблемы эстетического взаимообогащения литератур народов СССР, является в наши дни весьма актуальным и перспективным.

Если сравнить инонациональный материал, использованный А. Коптеловым в его алтайских произведениях — повестях «Морок» (1927), «Снежный пик» (1946), очерках и рассказах «Золотые горы» (1927), «Горными тропами» (1928), «Камень счастья» (1932), «Чебех Онуков» (1934), «Трубка зайсана» (1934), «Тоотой» (1933), «Путь через века» (1949), романах «Великое кочевье» (1935), «Сад» (1955) и многих других, — с очерками, рассказами, повестями В. Шишкова, посвященными Алтаю, то мы обнаружим не только сходство, но и различия.

Общность А. Коптелова с В. Шишковым объясняется тем, что часто жизненный, фольклорно-этнографический материал у этих писателей был одинаковым, и таких точек соприкосновений очень много. Повесть В. Шишкова «Алые сугробы» рассказывает о сказочном Беловодье, этому же посвящена глава очерка А. Коптелова «Золотые горы». Она так и называется «Белые воды»²⁴. У В. Шишкова в очерках «По Чуйскому тракту» есть глава, рассказывающая о бурханизме и его проповеднике Чете Челпанове, есть этот материал и у А. Коптелова²⁵.

Оба писателя используют нередко одинаковые легенды, например, о Телецком озере²⁶, о богатыре Сартакпае²⁷, бурханистские песни²⁸ и т. д. Отношение художников к устно-поэтическому творчеству алтайцев порой совпадает. Так, А. Коптелов и В. Шишков одинаково определяют социальную сущность песен бурханстов, их националистическую направленность. Об этом может свидетельствовать такой пример: «Дунет ветер — и пожелтевшей травы как не бывало. Придет время — и рыжих русских не станет на Алтае»²⁹. Эту бурханистскую песню А. Коптелов приводит как убедительное свидетельство истинных намерений нового религиозного течения на Алтае. На эту сторону бурханизма указывал и В. Шишков³⁰.

Сходство В. Шишкова и А. Коптелова в художественном освоении алтайского фольклора проявляется и в том, что у этих писателей порой совпадают приемы введения фольклорного материала в художественную ткань произведения. Но в фольклоризме этих писателей есть и различия, которые определяются разными идейными задачами, стоящими перед художниками слова: В. Шишков изобразил тяжелое прошлое алтайского народа, подвергавшегося жесточайшей эксплуатации, а

А. Коптелов воспел его «путь через века», его великую «перекочевку» от патриархально-феодального уклада жизни к социализму. Новые идейные цели требовали нового осмысления инонационального материала.

Творчество А. Коптелова, особенно его произведения об Алтае, представляющие «наибольший интерес и ценность»²¹, являются новым этапом в художественном освоении устно-поэтического творчества алтайского народа. Поэтому, чтобы ответить на вопрос, как продолжил и чем обогатил автор «Великого кочевья» традицию использования алтайского фольклора в русской советской литературе, мы должны подробно охарактеризовать место, роль и значение алтайского фольклора в его художественных произведениях.

У русских советских писателей, пишущих о других народах нашей страны, хотя и обладающих разными индивидуальными манерами, мы можем проследить соответствующие закономерности и в использовании инонационального фольклора. Поэтому вполне естественно, что идейно-эстетические установки А. Коптелова в усвоении и творческой переработке алтайского фольклора являются не просто индивидуальными, присущими только этому писателю, а характерными признаками литературного процесса в целом.

Рассматривая идейно-эстетические функции алтайского фольклора в произведениях А. Коптелова, мы тем самым анализируем те основные закономерности, которыми характеризуется процесс развития многонациональной советской литературы, потому что в творческих связях автора «Великого кочевья» с алтайским фольклором, литературой, ее писателями, как в зеркале, отразилось то главное, что характерно для современного искусства. Своеобразный глубокий фольклоризм творчества А. Коптелова — одна из поучительнейших страниц истории литературы А. Коптелов и в этом вопросе свято следовал традиции великого пролетарского писателя интернационалиста А. М. Горького. Символично, что первые алтайские произведения А. Коптелова были одобрены А. М. Горьким²².

В творчестве А. Коптелова использованы все жанры алтайского фольклора: сказание, легенда, сказка, песня, пословицы и поговорки, поверья и т. д. В совокупности фольклорные средства выполняют самые разнообразные функции в художественном произведении: создают и национальный колорит, более ярко передают специфику национального характера, его психологию, оказывают большое влияние на стиль писателя, обогащают его художественную палитру новыми яркими красками.

Кроме того, каждый фольклорный жанр в алтайских произведениях А. Коптелова занимает по сравнению с произведениями В. Шишкова и других писателей такое значительное место, что их своеобразные идейно-эстетические функции следует рассмотреть отдельно. Мы указывали, что жанр устно-поэтического творчества уже определяет в той или иной степени характер использования его писателем. Эту особенность мы можем проследить на примерах творчества и А. Коптелова.

Наиболее широко в произведениях А. Коптелова представлен жанр сказки и легенды. Писателя эти жемчужины устной поэзии алтайцев привлекали, как сам он отмечал, своей «величием, красотой и своеобразием».²³

Важное место в творчестве А. Коптелова занимает литературная обработка произведений устно-поэтического творчества алтайцев, в частности сказок. В этом отношении писатель продолжает традицию Г. Вяткина, А. Гарф, П. Кучияка, обогатив и подняв ее на новую художественную ступень. Анализ этой стороны художественного освоения алтайского фольклора А. Коптеловым дает нам возможность устано-

вить основные тенденции писателя в использовании национальных художественных средств.

Способ литературной обработки народных сказок у А. Коптелова близок к творческим приемам А. Гарф и П. Кучияка именно тем, что писатель учитывает в своей работе не только отдельные фольклорные детали, но и стремится более точно и в то же время более художественно передать идейное содержание и сказовую манеру народного произведения. В этой деятельности А. Коптелову, как и А. Гарф, неоценимую помощь оказал П. Кучияк.

А. Коптелов, работая над алтайскими сказками, учитывал их специфику, сохранял в целостности традиционные образы, словесные формулы, все сказочные атрибуты. Вся эта многообразная работа направлена была на то, чтобы сохранить и ярче выразить идею произведения.

Алтайская сказка «Ячменное зерно» в литературной обработке А. Коптелова является прекрасным примером гармонического сочетания высокой формы и богатого идейного содержания. Творческие приемы писателя в работе над фольклором проявляются и в сказках «Серый воробышек»³¹, «Ару-Мендюр» и во многих других, в которых также проявились его художественное мастерство, поэтический такт, бережное отношение к особенностям сказовой манеры алтайцев.

Главная особенность в использовании алтайских сказок и легенд в произведениях А. Коптелова — это художественная мотивированность, соответствие фольклорных сюжетов, реминисценций, отдельных образов и деталей идейно-эстетическим установкам автора.

Но не сразу писатель достиг высокого художественного уровня в своих произведениях. Длительное время А. Коптелов накапливал материал, вживался в тему. Он почти ежегодно совершал поездки по Горному Алтаю, пристально изучал жизнь, нравы, фольклор алтайского народа. В газетах и журналах часто появлялись очерки о горном крае, в которые писатель обильно вводил фольклорный материал, еще не осмысливая его глубоко. Так, в очерке «В логу Теренг» (1925) А. Коптелов еще недифференцированно подходит к использованию алтайского фольклора, не выделяя в нем прогрессивные и консервативные тенденции. Автор приводит легенду о хане Ойроте³², реакционный характер которой безусловен, но писатель не дал ей соответствующей оценки. А ведь взгляд писателя на фольклор проявляется, как скажет позднее сам А. Коптелов, и в том, что «он записывает, что он публикует»³³.

Отсутствие необходимого художественного осмысления фольклорного материала мы наблюдаем в таких ранних книгах А. Коптелова, как «Форпосты социализма» (1931), «Весны» (1934), «В горах Алтая» (1937), «Трубка зайсана» (1938) и в других. Следует оговориться, что в отдельных очерках и рассказах молодой писатель достиг уже определенного художественного мастерства.

В очерке «Золотые горы» (1927) писатель использует легенды о Телецком озере³⁷, о пропавшей грамоте³⁸, о горе Ак-Кая³⁹; в книге «В горах Алтая» приводятся некоторые из названных легенд и дополнительно легенды о Сартакпае⁴⁰, о Белухе⁴¹ и другие, в книгу «Трубка зайсана» введена легенда о камне счастья⁴². Перечисленные легенды были услышаны писателем во время многочисленных поездок по Горному Алтаю, но зачастую вводились они в художественный текст, как экзотический материал, без достаточной художественной мотивировки. Чаще всего они использовались как подтверждение тех или иных мыслей автора. Легенду о Телецком озере автор использует как доказательство, что Алтай — это золотое дно. Легенду о Сартакпае — как свидетельство силы и мощи человека и т. д.

Фольклорный материал, использованный А. Коптеловым в его ранних произведениях, свидетельство широт писательских интересов.

Уже в ранних произведениях писателя мы встречаемся с примерами глубокого осмысления алтайского фольклора, когда легенда выполняет значительные идейно-эстетические функции. В этом отношении интересен рассказ «Камень счастья», в котором легенда является основой художественного произведения и поэтому приобретает большой философский смысл⁴³.

Вот о чем рассказывает легенда: «Этот камень принес сильный, но бедный богатырь, обладатель справедливости, принес с далекой реки, на которой никто, кроме него, не был. Богатырь, одной рукой перебрасывая камень через седло своего коня, говорил народу: «Когда здесь родится человек, который сможет поднять этот камень, жизнь перевернется, вместо темной ночи будет ясный день. Алтайцы построят большие, как эти горы, аилы. И счастье в аилах поселится раньше хозяев и никогда не улетит от них. Люди будут дружны и людям будет хорошо»⁴⁴.

Легенда, введенная в текст рассказа, отличается характерными особенностями устно-поэтического творчества алтайцев, например, гиперболой («Богатырь, одной рукой перебрасывая камень через седло своего коня, говорил: «Алтайцы построят большие, как эти горы, аилы»), яркостью народного идеала. В осмыслении этого фольклорного произведения А. Коптелову присуща четкость классовой оценки: «Этот камень принес сильный, но бедный богатырь».

Интересна и другая сторона. Писатель развивает такой мотив легенды: «Когда здесь родится человек, который сможет поднять этот камень, жизнь перевернется, вместо темной ночи будет ясный день». Писатель и говорит в рассказе о приходе новых людей, таких, как Чиликей Тужуров, председатель колхоза «Чолмон», являющийся главным героем этого произведения. Но было бы неверно, если бы А. Коптелов акцентировал наше внимание только на том, что все преобразования в алтайской деревне связаны с одним человеком, Чиликеем. Автор углубляет фольклорный мотив тяжелый камень поднял народ, и счастье пришло в горы. Так легенда помогла писателю осмыслить новый жизненный материал.

Четкость идейной позиции автора, возросшее художественное мастерство — вот главное условие более успешного использования писателем алтайского фольклора в рассказе «Камень счастья».

Легенды и сказки, использованные А. Коптеловым в ранних его очерках и рассказах, мы должны рассматривать как один из способов изучения жизни, психологии алтайского народа, как процесс накопления фольклорного материала, который найдет свое достойное место в зрелых произведениях художника, приобретет в них новое идейно-эстетическое звучание.

Да и сам писатель хорошо понимал, что в первых его произведениях об Алтае алтайский фольклор осваивался внешне. А. Коптелову еще не удавалось проникнуть в дух устной поэзии алтайцев, почувствовать и передать склад их мышления. Отсюда и трудности при написании романа «Великое кочевье», который был начат осенью 1931 года⁴⁵. А. Коптелов так и пишет об этом в статье «Сибирь — край поэтический»: «Однако повествование не двигалось с места, не доставало чего-то весьма важного, как иногда недостает на стройке раствора, которым можно скрепить кирпичи. Мне не хватало знакомства с алтайской лексикой и поэтикой, со всем тем, в чем выражается народная душа и без чего немислим роман. Я занялся более глубоким, чем раньше, изучением алтайского фольклора во всех его жанрах»⁴⁶.

С этой целью писатель с 1931 года по 1935 год совершал ежегодные поездки по Алтаю, познакомился с П. Кучняком, со многими народными сказителями и певцами⁴⁷. А. Коптелов не только усвоил характер-

ные внешние признаки устной поэзии алтайцев, но и проник в то, «в чем выражается народная душа». Это и помогло ему создать правдивое и высокохудожественное произведение, в котором значительную роль играет алтайский фольклор, в частности легенда и сказка.

Чаще всего этот фольклорный жанр используется А. Колтеловым как средство усиления идейно-эстетического звучания романа «Великое кочевье» и раскрытия социальной сущности в поведении того или иного действующего лица, как убедительный прием психологической и национальной характеристики, как важный фактор, влияющий на общую стилистическую окраску произведения, ибо писатель так умело вплетает легенды и сказки в художественную ткань романа, что они благодаря этому выглядят в романе не как инородные тела, а как своеобразные узоры, делающие картину более красочной, самобытной.

Для выяснения идейно-эстетических функций сказок и легенд в романе обратимся к художественному тексту.

В «Великом кочевье» остро показан конфликт между новым и старым. Герои романа Яманай Тюлюнгурова и Ярманка Токушев попадают в цепкие лапы старых обычаев: девушку отдают замуж за нелюбимого человека, потому что за нее бай Сапог Тыдыков заплатил большой калым; юноша должен жить по обычаю предков с женой старшего брата, которая старше его и годится ему в матери. Когда влюбленные встречаются, то всю свою боль и надежду Ярманка выражает в сказке о Бии и Катунь: «Когда-то в Алтайских горах плескалось два озера: первое называлось молодым парнем, быстрым, как олень, и смелым, точно орел; второе называлось девушкой, лицо которой было светлее луны, глаза красивее каракольских озер и губы алее юньских пионов. Парня насильно женили на дряхлой тетке, овдовевшей в старости. Он ненавидел старуху. Сердце его и сердце девушки были связаны крепким арканом, который не перерубить, не перерезать. И никогда тот аркан не перегинет, не перетрется. Он крепче железа и долговечнее стали...»

Были они из одного сеока, и родители расвирепели, когда узнали, что они любят друг друга. Для девушки стали искать жениха, а парня измучили упреками и насмешками. Но молодым легче было умереть, чем потерять друг друга. И сговорились они убежать в далекую степь, ровину, как небо, усыпанную родниками, будто звездами. В лунную ночь заседлали коней и отправились. Бий — так звали парня — первым выбежал в степь. Долго искал свою возлюбленную, улыбка радости не появлялась на его лице. А случилось так отец девушки проснулся по-прежнему и в ярости набросал ей на дорогу горы камней, до самого неба. Долго билась Катунь — так звали девушку, — но ничего сделать не могла. Упала замертво. Перед утром услышала голос возлюбленного — и вновь закипела в ней сила, заволновалось сердце. В кровь себя изранила, а камни разбросала — и к своему милому. Встретились они в степи, у подножия последних сопок, где теперь лежит город, и, обнявшись, помчались вдаль...»⁴⁶

Идейно-эстетическая значимость этого поэтического произведения алтайского фольклора, в романе исключительно велика. Сказка, отличающаяся романтической приподнятостью, лирической взволнованностью, великолепно подчеркивает возвышенность и красоту чувств двух влюбленных, она как бы пронизывает светом романтики все повествование.

Обаятельные образы Яманай и Ярманки ассоциируются со сказочными персонажами. Сказка о Бии и Катунь подчеркивает сложность конфликта и остроту переживаний юных героев. В ней, как в зеркале, отразились и перспективы развития характеров и тот счастливый финал, путь к которому связан был с преодолением вековых предрассудков.

Каждая деталь сказки идейно и эстетически оправдана, связана в той или иной степени с судьбой Яманай и Ярманки. Например, в фольклорном произведении дается яркий портрет девушки по имени Катунь, выдержанный в духе устной поэзии алтайцев: лицо ее «было светлее луны, глаза красивее каракольских озер и губы алее июньских пионов». Эта деталь имеет для нас интерес и потому, что она характеризует умение писателя сохранить традиционные поэтические формулы, а главное потому, что она связана с портретом Яманай. Ярманка, рассказывая сказку своей подруге, выразил в ней и свое восхищение любимой девушкой. Это естественно, ибо иносказание — характерный прием поэтичного творчества алтайцев, им и воспользовался Ярманка. Но роль портрета в сказке о Бии и Катунь не ограничивается этим. Писатель и внешний облик своей героини дает через призму этого фольклорного образа, он пишет: «Давно переломилась ночь. Ярманка и Яманай сидели под ветвистой лиственницей. Серебристые лучи, прорываясь сквозь густые ветви, освещали то румяные щеки девушки, то ее легкие приподнятые брови, черные, как уголь, то улыбавшиеся губы».

Конечно, в этом портрете нет внешних признаков, которые бы указывали на его связь со сказочной портретной характеристикой. Но портрет Яманай дается писателем в таком аспекте, что в нем выражается народный взгляд на красоту, а именно: автор смотрит на Яманай глазами Ярманки.

Этот внутренний подтекст каждой детали фольклорного произведения особенно глубоко ощущается в романе потому, что и эти поэтические подробности помогают раскрывать идейное содержание произведения в целом.

Поэтому и другой мотив сказки («Парня насильно женили на дряхлой тетке, одолевшей в старости. Он ненавидел старуху», «Были они (Бий и Катунь — Г. К.) из одного сеока, и родители рассвирепели, когда узнали, что они любят друг друга») соответствует действительности. Ярманка и Яманай были одного рода (сеока), кроме того, парень по древнему обычаю должен был жить с женой погибшего старшего брата. В этой фольклорной детали, как в зародыше, спроектирована важнейшая сюжетная линия романа, один из серьезнейших конфликтов того времени.

Идейно-эстетическая обусловленность сказки про Бий и Катунь в романе подтверждается и такой параллелью. Ярманка заканчивает рассказ своими словами: «В кровь себя изодрала, а камни разбросала — и к своему милому. Встретились они в степи, у подножия последних сопок, где теперь лежит город, и, обнявшись, помчались вдаль...» А. Коптелов и это связывает с переживаниями своих героев. Он пишет: «Яманай сидела с закрытыми глазами, горячие губы ее шептали:

— Вот так же и мы...»⁵⁰

Трудно и тяжело было добиться молодым людям свободы: на их долю выпали тяжкие испытания. Но все время в их сердцах жили чудесные образы устной поэзии родного народа, помогавшие им бороться за осуществление своей мечты.

Важность и необходимость заключительных слов сказки подчеркивается и концовкой романа, где снова возникают сказочные образы: «Из сознания Ярманки выпало все, что случилось после памятной встречи на лунной поляне, когда он рассказывал девушке про Бию и Катунь. Небо теперь было такое же, как тогда, та же взрослая и ласковая луна провожала их.

...Они скакали возле хребта, над которым пламенела летняя заря».⁵¹

Совпадение отдельных деталей фольклорного произведения и романа, их соотношенность, их взаимопроникновение создают тот неповто-

риций фон, на котором разворачивается одна из главных сюжетных линий. Но важнее всего то, что в сказке про Бию и Катунь сфокусировано основное лирическое содержание романа.

Итак, анализ художественного принципа освоения А. Коптеловым в романе «Великое кочевье» устно-поэтического творчества алтайцев убедительно свидетельствует о том, что писатель может использовать фольклорное произведение малого жанра, каковыми являются сказка и легенда, целиком и через восприятие фольклорных образов раскрывает характеры героев. Кроме того, фольклорное произведение так соотносится с идейно-тематической основой, с сюжетом романа, что становится в нем художественно необходимым, обязательным.

В «Великом кочевье» правдиво и убедительно показано, как алтайский народ начинает строить новую жизнь, начинает чувствовать себя хозяином своей судьбы. Появляются новые люди, готовые на все ради интересов народа. К таким новым людям относится Борлай Токушев, который крепко стоит за бедняков, не сгибается в трудную минуту. Борлай незаметно для себя начинает жить не узко семейными, а народными интересами. Он понял, какая огромная сила — товарищество. В прошлом таких примеров он не помнит, но в прошлом были герои, которые жили ради людей — это герои сказок, легенд, эпических сказаний. И не случайно во время встречи с Охлупневым и Макридой Ивановной он вспоминает легенду о богатыре Сартакпае,¹² который «тропы в горах прокладывает», «мосты через реки строил», «споймал молнию и зажал в расщеп высокого дерева, чтобы всю ночь сиял свет»¹³.

«— Сартакпай — хороший богатырь. Человек такой сильный, — рассказывал Борлай. — Раньше на Алтае не было рек. Трава не росла. Как человеку жить? Чем скот кормить? Человеку без воды нельзя. Вот Сартакпай вздумал провести реки. Прочертил пальцем — пошла Катунь, прочертил другим — полилась Бия. Мало. Надо больше рек. Сартакпай ткнул пальцем около этих гор — натекла вода к погтю: вот это озеро. Повел Сартакпай пальцем по горам — река за ним помычалась».

— Хорошая сказка! — сказал Миликей Никандрович. — Значит, не бог, а богатырь проложил путь-дорогу для воды.

— Человек, что надо, все может сделать, — хитровато улыбнулся Борлай.¹⁴

Легенда о Сартакпае указывает на особенность мышления Борлай Токушева, на связь его с духовной культурой своего народа, с его идеалами, индивидуализирует речь. Главное же в том, что она усиливает идейно-эстетическое звучание романа: вековые мечты и чаяния народа воплощаются в жизнь в советское время. Образ легенды, перекликаясь с современностью, как бы говорит, что и сейчас есть люди, которых можно с полным правом назвать богатырями. Разве не богатырем стал Борлай? Ведь он теперь вместе с народом может совершить такие дела, которые были не под силу и самому Сартакпаю.

Поэтический такт подсказал А. Коптелову возможность органичного обращения героя в изменившихся условиях к образам родного фольклора, созданным в глубокой древности.

В романе «Великое кочевье» писатель умело и тонко использует жанр сказки как средство характеристики врагов. Такова идейно-эстетическая функция алтайской сказки про жеребенка и волка, рассказанная секретарем аймачного комитета партии Федором Семеновичем: «Я вам напомню, товарищи, алтайскую сказку про жеребенка и волка. В один ясный солнечный день жеребенок приотстал от табуна. Видит, на лугу валяется кто-то серый. На зайца не походит, на козленка не походит. Кто там такой? Интересно взглянуть. Жеребенок побежал туда, с каждым шагом все дальше и дальше отходя от табуна. А волк

поджидает его. Подошел жеребенок совсем близко. Волк вскочил, прыгнул и впился ему зубами в горло»⁶¹

Этой сказкой Копосов разоблачает подкулачника Утишку Бакчибаева, в образной форме раскрывает его волчью сущность. Утишка Бакчибаев сумел войти в доверие к Борлаю Токушеву, даже вступил в колхоз, которому принес много вреда. Он убивает жену Борлая Токушева — Карамчи. Общее собрание единодушно изгоняет его. Так сказка приобретает резко социальную заостренность, становится художественным средством характеристики классовых врагов.

Алтайцы — поэтически одаренный народ, тонко чувствующий красоту и обаяние сказочных образов. Это понимает не только Копосов, но и другие враги алтайского народа. Сапог Тыдыков и кам Шатый. Когда в юрту последнего ворвались колхозники, узнавшие от пастуха Анытпаса Чичанкова, что кам советовал ему убить Борлая Токушева, то шаман защищает себя не оружием. Нет, он пускает в ход острое и испытанное оружие — слово: ведь оно всегда безотказно действовало на умы и чувства людей. Шатый хочет сказкой запугать разгневанных людей и уйти от заслуженного возмездия.

«— Я вам расскажу про одного свирепого хана, который вот так же потерял ум, — начал Шатый, стараясь казаться спокойным. — Тот хан вот так же вздумал уничтожить всех камов. Поехал народ за ним. Запер их в большой аил и поджег. Все сгорели. Один кам Чочуш, мой предок, вышел из огня невредимым. Хан испугался и поклонился ему. Даже язык хан потерял. А от Чочуша попали бессмертные камы. Умрет кам, душа его по-прежнему шаманист в той же долине»⁶²

На какое-то мгновение слова кама производят магическое действие. Писатель показывает, как люди по-разному относятся к рассказу Шатыя: «Анытпас смотрел из-под сдвинутых бровей, но не перебивал», «Разъяренные люди вбежали в аил и, услышав рассказ, останавливались послушать»⁶³. В этом поведении алтайцев еще сказывалась инерция многовековой традиции уважения к шаманам, уважения к слову предков. Но люди выросли, стали разбираться в происходящем, поэтому после минутной заминки они дают такую оценку словам кама: «Сказки!» Анытпас же более резко обратился к Шатыю: «Ты говори, что тебе Эрлик приказал передать мне?» Повтори свое вранье»⁶⁴. Так колхозники разоблачают своего злейшего классового врага.

Характерной особенностью легенды, рассказанной камом Шатыем, является ее социальная обусловленность. Именно Шатый, как служитель языческого культа, а никакой другой персонаж, обращается к консервативной части алтайского фольклора, т. е. использует одну из многочисленных легенд об уничтожении шаманов. Но с этой легендой связано и поведение людей. Если раньше шаманское слово встречалось с трепетом и ужасом, то теперь алтайцы поняли истинную цену выдумкам камов, приспособивших шаманизм для борьбы с советской властью. Как видим, приведенная легенда, с одной стороны, характеризует социальную принадлежность кама Шатыя, а с другой — отношение колхозников к фантастическим выдумкам шаманов.

А. Коптелов в своих статьях, рецензиях о произведениях алтайского фольклора всегда подчеркивал, исходя из учения В. И. Ленина о двух национальных культурах, классовый характер устно-поэтического творчества алтайцев. По мнению писателя, истинным создателем духовных богатств является народ. Эту точку зрения автора в романе «Великое кощевье» выражает один из его главных героев Филипп Иванович Суртаев: «После завтрака уехали на лужайке, закурили трубочки. Суртаев стал рассказывать о народном творчестве. Он сказал, что есть хорошие сказки бедняков. В тех сказках богатыри борются с баями, зайсанами, ханами и одерживают победу. Это было мечтой народа.

Сейчас вековая мечта осуществлена. Богатыри из таких сказок — это весь народ. Он близок к полной победе. Но есть другие сказки, сложенные богатыми для того, чтобы обмануть бедных. Такова сказка про джунгарского хана Ойрота.⁵⁹ Когда-то он владел Алтаем, превратил простых людей в рабов. Умирая, он сказал, что уходит не навсегда, что вернется на землю и узнает мужчин подвластного ему народа по маленькой косичке на макушке головы. Бан ждут его. Но он никогда не вернется. Никогда и ничто не должно напоминать о былой рабской зависимости от иноземного захватчика».⁶⁰

Таким образом, правильное историческое толкование этой реакционной сказки коммунистом Суртаевым помогло некоторым слушателям избавиться от неверного представления о том, что свободу алтайскому народу принесет хан Ойрот. Это внушали бан, зайсаны и камы простым алтайцам в течение многих десятилетий. Вред этой легенды заключается еще в том, что она оправдывала пассивное ожидание и не вала на борьбу за переустройство жизни.

Введение писателем этой легенды в речь Суртаева художественно мотивировано. Он, агитатор, коммунист, владеет алтайским языком великолепно знает алтайские нравы и обычаи и с помощью алтайского фольклора поощряет прогрессивное, подвергает критике все отсталое, отжившее, в то же время не задевая национального достоинства. Интернационализм Суртаева не растворяется в общих рассуждениях, а активно проявляется в его конкретных делах. Поэтому высшей наградой для него является то, что его горячо, искренне полюбили люди, с которыми он жил бок о бок, вместе работал, вместе делил тяготы и радости, выпавшие на долю строителей нового общества. Все это вырисовывает образ Суртаева более правдиво, более сочно.

Алтайские легенды и сказки, творчески использованные А. Коптеловым в романе «Великое кочевье», выполняют самые различные идейно-эстетические функции: помогают более глубоко и ярко раскрыть национальные характеры (Ярманка, Борлай), являются убедительным средством классовой характеристики врагов колхозного строя (Утишка, Бакчибаев, кам Шатый), правдиво передают местный колорит, воссоздают типические обстоятельства переходного периода, когда новое вырастало из недр старого, когда сравнение со старым помогало понять и осмыслить новое (вспомним легенду о Сартакпае).

У алтайского народа в течение веков сложились определенные представления об окружающем мире, и это мирозерцание закреплялось в сказках, легендах, пословицах и поговорках. Естественно, что А. Коптелов использовал легенды и сказки как средство показа образа, способа мышления своих национальных героев. С такой идейно-художественной целью сказки и легенды употребляются, как мы видели и в романе «Великое кочевье» (особенно при характеристике братьев Борлая и Ярманки Токушевых), и в повести «Снежный пик» (образ Ыната), и в очерках «Путь через века», «Песни горячего сердца» и других произведениях. Заслуга А. Коптелова в том, что он проник в тайну национального характера алтайцев, а «тайна национальности каждого народа, по выражению В. Г. Белинского, заключается в его манере понимать вещи»⁶¹. Вот эту «манеру понимать вещи», окружающий мир алтайцами великолепно запечатлел в своих произведениях писатель.

В этом отношении большой интерес представляет очерк А. Коптелова «Песни горячего сердца»⁶², посвященный алтайскому сказителю Н. У. Улагашеву. Народный певец обладал феноменальной памятью, знал десятки тысяч стихотворных строк наизусть. Еще в молодости он потерял зрение. Н. У. Улагашева справедливо называют алтайским Гомером, потому что он действительно был наделен выдающимся талантом певца и импровизатора.⁶³

Писатель в очерке широко использует разнообразные жанры устно-поэтического творчества, ибо для его героя устная поэзия — это стихия, в которой он живет, которая пронизывает буквально все: и речь, и склад мышления, и характер. Вот А. Коптелов рассказывает о пятнадцатилетнем Николае Улагашеве, который возвращается домой после удачной охоты, его мироощущение, его чувства хорошо переданы легендой о созвездии Орион: «Возвращаясь на стан по глубокому снегу, он нередко, кроме нескольких десятков шкурок белки, нес по две-три косули! Остановившись на передышку в сонном лесу, подолгу смотрел на небо, усыпанное звездами, среди них он отыскивал тех богатырей, о которых отец рассказывал минувшим вечером. Особенно ему нравились созвездие маралов и охотника, поднявшегося на небо в поисках добычи. Коня богатырь оставил в сторонке, стал подкрадываться к звездам. Они цепочкой начали уходить от него. Собака забежала спереди и остановила их. Всех трех маралов⁶⁴ охотник убил одной стрелой. Вон лежат на небе их туши, вон стрела, пролетевшая немного дальше, вон собака, вон конь, а вон и сам охотник. Радуетесь удаче. Выбежали бы сейчас так три козла, Николай убил бы их одной пулей! А зачем? У него и так уже добыто три косули. И он, высокий, широкоплечий, несет дальше свою добычу.»⁶⁵

Легенда «Орион» включена была Г. Н. Потаниным в «Аносский сборник». Коптеловский вариант значительно отличается от потанинского. Это объясняется тем, что легенда у А. Коптелова использована со своеобразной художественной целью. Легенда дается через восприятие звездной ночи Н. Улагашевым, а поэтому она более эмоциональна, характеристична. Через эту деталь нам понятней психология героя. Его миропонимание берет начало в народном творчестве, формирующем у человека, выходя из народа, и первый практический опыт в общении с природой, и взгляд на мир Н. Улагашев смотрит на мир глазами своего народа.

Рисуя образ алтайского певца, А. Коптелов нигде не сбивается на фальшь, он тонко чувствует душу своего героя. Когда Н. Улагашеву исполнилось шестнадцать лет, он потерял зрение, «постепенно горы, лес, небо — все закрыла густая пелена, подобная морозному туману»⁶⁶. Кайчи вспоминает сказание «Малчи-Мерген»⁶⁷, в котором говорится о живой траве, возвращающей людям силу и здоровье. Улагашев просил помощи у русского попа, у алтайского шамана, но они были бессильны помочь ему. Он с горечью сказал тогда: «Слово попа такое же ненадежное, как слово шамана. Вот если бы найти мне «живую траву!» Но где взять ее? Где она растет? Конн богатырей, когда нужно спасти своего хозяина, находят эту траву. Но я не богатырь, и у меня нет такого прозорливого коня.»⁶⁸

Выход из трагического положения Н. Улагашеву рисуется там, где его находили многие герои сказаний и легенд. Вера в реальное существование «живой травы» была рождена народной поэзией⁶⁹, и она окрыляла слепого певца. Этот сказочный мотив повторяется в очерке трижды. Он введен и в авторскую речь: «Это народное сказание («Малчи-Мерген» — Г. К.) подтверждало мечту о поисках «живой травы». Если бы уцелел хоть один глаз, то он, Николай Улагашев, может быть, когда-нибудь и нашел бы эту чудодейственную траву. Но он уже не видел ни голубых хребтов, ни снежных вершин, ни зеленого леса с россыпями цветов — все залила вечная тьма. Он работал с поводырем. Когда выходил косить траву, то давал сыну колокольчик. Мальчик шел по соседнему проколу, а он, косарь, прислушиваясь к звону, рядом скашивал траву».

Это троекратное использование сказочного мотива художественно оправдано, ибо оно усиливает те стороны характера, мирозерцания

Н. Улагашева, которые теснейшим образом связаны с устно-поэтическим творчеством алтайцев. «Манера понимать» окружающий мир у героя очерка своеобразна, и она объясняется поэтической традицией алтайского народа.

А. Коптелов тонко подметил такую особенность: алтайские сказки и легенды оказывают благотворное влияние на развитие эстетического восприятия человека, в результате длительного общения с произведениями фольклора в нем вырабатывается чувство наслаждения красотой, что способствует не только выработке эстетических вкусов, но и формированию нравственных качеств человека.

В очерке «Песни горячего сердца» Н. Улагашев слушает старого певца Яемата, большого мастера, умевшего не только петь народные сказания, но и слагать новые песни. Яемат рассказывает лирическую сказку «Сынару». Для Улагашева она «прозвучала как новая» и «взволновала до слез»⁷⁰, потому что в этой сказке о красавице Сынару выражены были чувства, близкие и дорогие герою очерка. В сказке утверждались светлые идеалы добра, справедливости, развенчивались низменные чувства: зависть, корысть, жестокость. Страдания, выпавшие на долю бедной Сынару, были хорошо понятны Н. Улагашеву.

Иногда писатель в тексте очерка объясняет то, какое воздействие оказывает на Н. Улагашева устная поэзия, какие будит она в нем чувства, желания. Вот как воспринимал народное слово молодой Н. Улагашев: «Три ночи слушал сказания. Особенно его тронула жизнь Алып-Манаша. Богатырь, попав в беду, пишет письмо на крыле гуся и поет ему песню. Хорошо бы все эти песни написать на крыльях кукушек. Птицы разлетелись бы по всему Алтаю, и все охотники стали бы петь то, что он, Николай Улагашев, услышал от Яемата. Но для этого надо быть грамотным. А в долине Сары-Кокши, к сожалению, нет ни одного алтайца, который умел бы читать книгу и на бумаге оставлять след своей мысли, как горнистой оставляет следы на свежем снегу. Хорошо богатырям с их «книгами мудрости!». Охотно стал бы учиться читать и писать. А где? У кого?»⁷¹

А. Коптелов психологически тонко передает мысли, мечты Н. Улагашева, навеянные устной поэзией, выражает их в своеобразной форме, истоки которой — в алтайской поэтике.

Автор показывает, как Николай Улагашев под воздействием родного фольклора становился мудрее, обогащался новыми чувствами, горячо воспринимая все лучшее, что было характерно героям народных сказок и легенд. Когда Николай вернулся домой после встречи с Яематом и отец спросил его, много ли он выручил денег от продажи бадана, сын ответил:

«— Я вернулся богатым человеком! — И рассказал о песнях и сказаниях, слышанных от Яемата»⁷².

А. Коптелов, рисуя образ Н. Улагашева, все время подчеркивает, что свои нравственные качества народный певец воспитывал на образах родного фольклора. Примечателен в этом отношении другой разговор Н. Улагашева с отцом:

«— Гора Белуха высока, ее вершину рукой не достанешь, — сказал отец. — Так и счастье для бедняка, — сколько ни тянись к нему, никогда не дотянешься.

— А богатыри его у себя в тороках возят! У них что в голове, то и в руке. Воевать поедет — назад не оглянется: ни жене, ни невесте не отговорить.

— Ты поменьше думай о них, — настойчиво посоветовал отец. — Много сказок будешь знать — лентяем станешь.

— Не-ет,— упрямо возразил ему сын — Богатыри помогают работать! На охоту пойду — вспомню, как богатырь охотился,— и силы прибавится, и глаз станет острее. Скот пасу — богатырь передо мной»⁷³.

Все эти примеры — убедительное доказательство того, что устное народное творчество не только выражает особенности национального характера, но и способствует его формированию.

Приемы художественного освоения алтайского фольклора, примененные писателем в произведении о Н. Улагашеве, развиты в другом очерке «Путь через века» (1947), в котором говорится о жизни и деятельности алтайского писателя Павла Васильевича Кучника (1897—1943).

Легенды и сказки как средство характеристики способа мышления героя вводятся в художественную ткань очерка П. Кучнику как поэту особенно импонировало мышление образами, поэтому он часто черпал из художественной сокровищницы устной поэзии красочные сравнения, метафоры, гиперболы, отдельные сюжетные сказочные моменты, смело вводил их в свою речь, в свои стихи, рассказы, повести, пьесы. Алтайский писатель рассказывает сказки и легенды о глухаре⁷⁴, о звездах,⁷⁵ о происхождении табака⁷⁶ и др.

Образ П. Кучника неразрывно слит с алтайским фольклором. Особенности характера героя очерка невозможно понять вне связи с устной поэзией. Для объяснения многих явлений природы П. Кучник обращается к устно-поэтическому творчеству. Вот как он рассказывает о бурундуке: «Побежал в свой амбар,— сказал Кучник и повернулся к нам. — А вы знаете, почему он полосатый? К нему пришел в гости медведь. Бурундук обрадовался и открыл свои амбары: «Покушай, дедушка, орехов.» Гость поел, а спасибо сказать ему не мог — языка бурундучьего не знал. Поднял лапу и погладил хозяина: «Какой ты хороший, добрый.» Пять полосок осталось — кровь запеклась. И бурундук стал полосатым»⁷⁷.

Сам автор очерка тонко подмечает одну из особенностей характера своего друга: «Кучник не взглянул на нас, своих слушателей, не засмеялся вместе с нами, словно он не только в детстве, но и сейчас верил в это шутливо-наивное объяснение одного из явлений животного мира»⁷⁸.

А. Коптелов называет П. Кучника хранителем устной поэзии Алтая, потому что он о каждом явлении природы мог рассказать сказку, легенду. Он может объяснить поведение кедровки, рассказать о том, «что и медведь когда-то был человеком и что многие горы — уснувшие богатыри»⁷⁹, и о многом другом.

Легенды и сказки, широко вводимые в очерк «Путь через века», отличаются определенным своеобразием, которое так же связано с характером главного героя. В фольклорном материале может отразиться, как мы уже не раз отмечали, характер человека, его склонности. П. Кучнику был присущ юмор, народная лукавинка, и эта особенность характера алтайского писателя великолепно проявилась в тех «шутливо-наивных» сказках и легендах, к которым так часто обращается герой этого произведения.

С добродушным весельем, прирожденным юмором рассказывает П. Кучник сказку про кедровку, «пеструю большоголовую и крикливую обитательницу хвойных лесов». Вот маленький эпизод из этой сказки, передающий не только лукавинку, присущую алтайскому писателю, но и особенности его речи: «Кедровка клевала орехи и уронила шишку медведю на голову. Испугалась и стала оправдываться: «Ой, мой добрый дядя, я тебе шишку бросила! Все лето для тебя ее берегла.» Медведь поблагодарил: «Теперь друзьями будем»⁸⁰.

Таким образом, А. Коптелов в очерк «Путь через века» вводит не

только новый фольклорный материал (сказки о звездах, табаке, кедровке, бурундуке и др.), который им не был использован в других произведениях, но и раскрывает, оттеняет в очерке новые грани, новые идейно-эстетические функции усвоенного фольклора. В данном случае снова проявляется одна из закономерностей творчества писателя, заключающаяся во взаимообусловленности фольклора и национального характера. Другими словами, миропониманием человека определяется выбор фольклорного произведения, а оно в свою очередь, раскрывает какую-то сторону психического склада героя, например, юмор П. Кучияка.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. См. статью А. Коптелова «Сибирь — край поэтический» «Вопросы литературы», 1965, № 6, стр. 44.
2. «Сибирские огни», 1937, № 4, стр. 86—94.
3. «Сибирские огни», 1939, № 2, стр. 147—157. Статья написана совместно с алтайским писателем П. Кучияком.
4. «Сибирские огни», 1940, № 2, стр. 15—21.
5. «Сибирские огни», 1941, № 2, стр. 107—114.
6. Сб. «Алтын-Туудун», Новосибирск, 1950, стр. 3—10.
7. А. Коптелов. Мои современники. Воспоминания, очерки и статьи писателей-сибиряков, Барнаул, 1963, стр. 3—22.
8. Л. Потапов. Героический эпос алтайцев. «Советская этнография», 1949, № 1, стр. 114.
9. И. Парильов. Фольклор в «Сибирских огнях», «Сибирские огни», 1947, № 3, стр. 104—110.
10. М. Сергеев. Творчество народов Сибири. «Советская этнография», 1951, № 4, стр. 225—230.
11. В. Куприянова. А. Л. Коптелов. Литературно-критический очерк. Новосибирск, 1956.
12. Г. Колесникова. Советские люди в горах Алтая (Алтайская тема в творчестве А. Коптелова), «Сибирские огни», 1947, № 2, стр. 108—111.
13. С. Залыгин. О ненаписанных рассказах. Литературно-критические статьи. Новосибирск, 1961, стр. 56—88.
14. С. С. Суразаков. Алтай албатынын эки поэтический творчеством. Горно-Алтайск, 1960, стр. 25—35.
15. А. Смердов. Слово о товарище «Сибирские огни», 1963, № 11, стр. 172—178.
16. Н. Яновский. А. Л. Коптелов. В кн. А. Коптелова «Великое хочевье», Новосибирск, 1960, стр. 5—24.
17. Н. Баскаков. Алтайский фольклор и литература. Горно-Алтайск, 1948.
18. Л. Потапов. Героический эпос алтайцев. «Советская этнография», 1949, № 1, стр. 114.
19. В антологии «Алтайская литература» значительное место занимает фольклор.
20. См. сб. «Героические сказания», Горно-Алтайск, 1961, стр. 186—183.
21. Сб. «Сибирские сказки», изд. 4-е. Новосибирск, 1964, стр. 20—23.
22. Сб. «Серебряная книга», Горно-Алтайск, 1962.
23. Рукопись хранится в архиве А. Коптелова.
24. А. Коптелов. Форпосты социализма, М., 1931, стр. 9—16.
25. Там же, стр. 17—24. Кроме того, еще раньше А. Коптеловым был написан очерк «В логу Теренг. Ибнение алтайцев в 1904 году», посвященный бурханнестскому движению на Алтае («Звезда Алтая», 25 декабря 1925 г.).
26. Там же, стр. 67.
27. А. Коптелов. В горах Алтая, М., 1937, стр. 22—24.
28. А. Коптелов. Форпосты социализма, М., 1931, стр. 24.
29. Там же.
30. См. «Сибирскую жизнь», 8 сентября 1913 г.
31. В. Куприянова, А. Л. Коптелов. Новосибирск, 1956, стр. 3—4.
32. Об этом А. Коптелов пишет в воспоминаниях «У великого художника слова» «А для журнала «Наши достижения» я написал очерк о Горном Алтае. С легкой руки Горького очерк был перепечатан в одном из сборников издательства «Молодая гвардия», а затем вошел в мою книгу «Форпосты социализма» (Сб. «Горький и Сибирь», Новосибирск, 1961, стр. 412). Речь идет об очерке «Золотые горы», в котором писатель широко использует алтайский фольклор.
33. См. сб. «Алтайские сказки», Новосибирск, 1937, стр. 9.
34. Сказка обработана совместно с П. Кучияком.
35. «Красная Ойротия», 23 декабря 1925 г.

- 36 ГАНО (Госархив Новосибирской области), ф 1597, оп 1, ед хр 53, л 24
- 37 А. Коптелов. Формы социализма М., 1931, стр 67
- 38 Там же, стр 39
- 39 Там же, стр 71
- 40 А. Коптелов В горах Алтая М., 1937, стр. 9
- 41 Там же, стр 39
- 42 А. Коптелов Трубка зайсана Новосибирск, 1938, стр 41
- 43 Подобное использование алтайского фольклора мы наблюдаем и у В. Шишкова («Страшный кам», отчасти в аллегорическом этюде («Салта»), и у А. Каравеевой («Золотой ялов»), и у В. Итина («Кави-Кэрэд»), и у других писателей.
- 44 «Сибирские огни», 1934, №№ 3—4, стр 93
- 45 ГАНО, ф 1597, оп 1, ед хр 56, л 34
- 46 «Вопросы литературы», 1965, № 6, стр 46
- 47 ГАНО, ф 1597, оп 1, ед хр 56, л 34
- 48 А. Коптелов Великое кочевье Новосибирск, 1960, стр 47—48
- 49 Там же
- 50 Там же, стр 48
- 51 Там же, стр 467
- 52 Там же, стр 218
- 53 Там же
- 54 Там же
- 55 Там же, стр 307
- 56 Там же, стр 428
- 57 Там же
- 58 Там же
- 59 Уместно сделать небольшой экскурс в прошлое. А. Коптелов в очерке «В логу теренг» (1925) приводит эту легенду о хане Оароте, не давая ей должной классовой оценки. В романе «Великое кочевье» эта легенда получает правильное классовое истолкование.
- 60 А. Коптелов. Великое кочевье, стр. 122.
- 61 В. Г. Велиский. Полное собрание сочинений, т 7, М., 1955, стр 443.
- 62 А. Коптелов. Мои современники Барнаул, 1963, стр 3—22. Впервые этот очерк был опубликован в «Сибирских огнях» в 1939 году.
- 63 В 1939 году М. И. Калинин, вручая алтайскому певцу орден «Знак Почета», сказал: «Все сказки, товарищ Улагашев, расскажите грамотным людям. Пусть запишут. Из сказок мы многое узнаем о прежней жизни. Пред нами открывается душа народа, его чаяния, его надежды и устремления» (В сб. «Героические сказания», Горно-Алтайск, 1961, стр. 22).
- 64 Любопытно такое примечание, сделанное А. Коптеловым: «Марал — олень, за которым охотились, главным образом, ради его ценных рогов (пантов). Три марала на себе, охотник, вонь, стрела и табак — это созвездие Орион. Интересно отметить, что древние греки называли это созвездие тоже в честь легендарного охотника» («Мои современники», Барнаул, 1963, стр. 7).
- 65 Там же, стр 7—8
- 66 Там же, стр 13
- 67 См. сб. «Героические сказания», Горно-Алтайск, 1961, стр 70. Там читаем: «Полухий олень возжигаящая, умершему жизни возвращающая, лепшим глаза открывающая, безмогил на ноги ставящая, не ты ли, трава живая, возьми меня растешь».
- 68 А. Коптелов. Мои современники, стр 13
- 69 А. Коптелов, комментируя сказание «Малчи-Мерген», писал: «Как и в русском фольклоре, у алтайцев чаще всего встречается живая вода. О живой траве — тынду алтайцы рассказывали: «Если выдержишь ее в ямке, и тронешь корень, она застонет, как человек.» (Сб. «Героические сказания», стр. 208).
- 70 А. Коптелов. Мои современники, стр 10
- 71 Там же, стр. 11
- 72 Там же
- 73 Там же
- 74 А. Коптелов. Встречи Новосибирск, 1952, стр 81
- 75 Там же, стр 82
- 76 Там же, стр 98—99
- 77 Там же, стр 49—50
- 78 Там же, стр. 50.
- 79 Там же, стр 81
- 80 Там же

О НЕЗАКОНЧЕННОМ РОМАНЕ «АДЫЯОК» П. КУЧИЯКА

В 20—30-е годы XX века (а в таких младописьменных литературах, как алтайская, тувинская и хакасская, и в 40-х годах) одно за другим возникают произведения автобиографического жанра почти во всех литературах с молодой прозой: «Мудрешкин сын» А. Амур-Санана (калмыцкая литература), «Долгий путь» М. Элебаева (киргизская литература), «Школа жизни» С. Муканова (казахская литература), «Мое детство» эвенского писателя Н. Тарабукина и др.

Обращение этих писателей к эпической прозаической форме было продиктовано настоятельной потребностью шире и глубже раскрыть историю коренного изменения судеб всех народов, которое принес Октябрь, богатые бурными событиями 20—30-е годы (гражданская война, восстановление народного хозяйства, коллективизация). Отсутствие традиций многопланового, многогеройного повествования заставляло начинающих прозаиков этих литератур обращаться к личному опыту, своей биографии. Как отмечают литературоведы Н. Воробьева, С. Хитарова, «в литературах с молодой прозой (Средняя Азия и Казахстан) исторический жанр в начале десятилетия (в начале 30-х годов — Р. П.) формируется в произведениях автобиографического плана»¹. Обращение к автобиографическому жанру было необходимым этапом в развитии эпической формы в младописьменных литературах.

Замысел создания романа П. В. Кучияка «Адыяок» относится к середине 30-х годов. И работал он над ним до самой своей смерти (1943 г.). Автор написал всего лишь пять глав, но и по ним можно судить, как он вырос как прозаик-реалист.

Роман — синтез всех тех качеств, которые приобрел алтайский писатель, пройдя путь от декларативности первых рассказов (вполне понятного и закономерного этапа в эволюции прозы в младописьменных литературах) до создания крупного реалистического произведения об истории своего народа. Роман П. Кучияка, безусловно, вобрал в себя опыт других литератур, имеющих богатые исторические традиции, и прежде всего, русской литературы. П. Кучияк, учившийся в Коммунистическом университете трудящихся Востока, хорошо знал произведения русских и мировых классиков литературы. Окрыленный Горьким, Кучияк, которого великий пролетарский писатель после I съезда советских писателей напутствовал: «Пиши историю своего народа»², — был зачинателем сбора и публикации произведений устного народного творчества алтайцев. Наказ Горького вдохновлял первых представителей молодых национальных литератур на борьбу за высокое искусство, на создание высокохудожественных реалистических произведений.

Несомненно, на создание романа «Адыюк» П. Кучияка натолкнула горьковская автобиографическая трилогия. Об этом свидетельствует не только обращение к автобиографическому жанру, не только стремление показать через личное «я» судьбу своего народа, но и незримое присутствие горьковских традиций, трансформированных применительно к алтайским условиям (подход писателя к себе как социальному явлению, типизация авторского «я», правдивое изображение жизни во всей ее сложности и противоречивости, стремление поставить в центре своего внимания повествование не о судьбе отдельной личности, а широкое, эпическое изображение жизни народа).

С первых шагов молодой алтайской литературы большую помощь ей оказывали сибирские писатели, такие, как А. Л. Коптелов, поэты В. Непомнящих, А. Смердов, И. Ерошин, И. Мухачев и др. Долгие годы бок о бок шли творческие пути П. В. Кучияка и сибирского прозаика А. Л. Коптелова. Совместные поездки по Горному Алтаю, сбор и публикации произведений фольклора, встречи с алтайскими кайчи, беседы с охотниками, встречи с путниками у костров, обмен мнениями — все это обогащало обоих прозаиков. Недаром же многие произведения А. Л. Коптелова повествуют о судьбах алтайцев, о людях Горного Алтая: повесть «Снежный пик», роман «Великое кочевье», «Сад» и др.

Как верно отмечает алтайский литературовед З. Казыгачева, «при непосредственном участии русских (сибирских — Р. П.) писателей выходят отдельными изданиями сборники героического эпоса, народных сказок и песен, стихи поэтов Горного Алтая на алтайском и русском языках. Со страниц журнала «Сибирские огни» впервые увидели свет многие произведения П. Кучияка, среди них лучшая из его пьес «Чейнеш» и первые главы неоконченного романа «Адыюк». Многочисленные статьи и очерки писателей А. Л. Коптелова и С. Коженникова явились первыми литературоведческими исследованиями по фольклору и художественной литературе алтайцев»⁴.

Долго и плодотворно сотрудничал П. В. Кучияк и с московской писательницей А. Л. Гарф: сблизила их общая работа по сбору и публикации алтайских сказок.

Влияние еще одного источника явственно присутствует в романе «Адыюк» — фольклора. Разносторонне одаренный, вышедший из народной гущи, с детских лет вбиравший в себя мир волшебства, красоты, мир героических деяний алтайских богатырей (его дед по матери был известным на Алтае сказителем), сам писатель, как мы уже говорили, был великолепным знатоком, собирателем произведений устного народного творчества.

Известный сибирский писатель А. Коптелов, бывший близким другом П. Кучияка, пишет: «Работа Кучияка в области фольклора огромна, а заслуги его весьма значительны. Он первый познакомил русского читателя с героическим эпосом скотоводов и охотников Алтая. Он открыл перед нами богатейшую сокровищницу народной мудрости. И если бы он сам даже и не написал ни одной строчки, имя его и при этом осталось бы навсегда в истории развития культуры народов Алтая»⁵.

Замечателен был талант П. В. Кучияка как исполнителя — певца, танцора, актера, исполнителя кая — горлового пения⁶.

Синтез всех этих качеств поднял Кучияка на новую ступень овладения мастерством реалистического повествования.

Зрелость писателя-реалиста проявляется в подходе к материалу, в выборе необходимого ракурса на изображаемое. Он хорошо управляет этим материалом, возвышаясь над ним. Проявляется это в обрисовке широких картин народной жизни, во включении в сюжет классового

конфликта, который, очевидно, должен был стать стержневой линией в обрисовке характеров, сюжетно-композиционном оформлении глав.

Данное автобиографическое произведение должно было быть написано на таком уровне типизирования, обобщения авторского «я», когда это «я» воспринимается как образ совершенно определенной социальной значимости. Основу повествования этого произведения должен был составить не рассказ героя о своей личной жизни в ее естественной последовательности (начальная ступень в истории жанра автобиографических произведений), а широкое, эпическое изображение жизни народа.

Уже первые пять написанных глав говорят о продуманности приемов типизации, которыми пользуется Кучияк для создания ярких, запоминающихся картин дореволюционной алтайской жизни: четкая расстановка классовых сил, объективность повествования, этнография как колоритная обрисовка действительности, органическое переплетение фольклорной и реалистической струй повествования, мастерство живописания, эмоционально-образный язык произведения.

Жизнь героев, очевидно, должна была развернуться на фоне классовой борьбы. Классовые конфликты совершенно явственно определились уже в этих главах. Характер злого, высокомерного Манзу, сына богача Балчака, ясно проступает в одном эпизоде: во время перекочевки он столкнул с дороги корову бедняка Малчи. С ним, задиристым сыном богача, уже враждует Адыюк. Из разговора с отцом и Малчи он узнает, что они боятся и ненавидят Балчака.

Вот как обрисовывает писатель юрту — холодное жилище алтайцев в дореволюционную пору.

Самым главным врагом Адыюка был холод, который не давал ему покоя в зимние ночи «Морозная ночь завладела всем Алтаем. Много бедных юрт в горах. В каждой юрте дети от холода стучат зубами. Если бы все они почевали в одном месте, то стук их зубов, сливаясь, напоминал бы треск большого пожара в пихтовом лесу»⁷.

Писатель выбирает и рисует наиболее типичные стороны жизни алтайцев: сборы на перекочевку, перекочевка, моление по приезде на новое место, летнее стойбище, и т. д.

Особенно колоритно выписана глава «Весна» («Яс»), рассказывающая о самой главной стороне дореволюционной алтайской жизни.

Весну и лето алтайцы ждали с большим нетерпением и радостью. Они приносили с собой тепло, свет. Кончалась долгая холодная зима, и алтаец надеялся, что с приходом весны и лета будет больше еды, молока, жизненной свободы. Лето было ласковым и щедрым. Поэтому описание летнего стойбища проникнуто чувством счастья, охватившего маленького Адыюка, которого лето одаривало всеми своими щедротами: «Шум воды, ударяющейся о камни, веселый птичий гомон, аромат трав и цветов — все это действовало на Адыюка опьяняюще. Ему, как зверьку, хотелось прыгать с камня на камень, кружиться по полянке, носиться с пригорка на пригорок»⁸.

И недаром поэтому Кучияк в качестве эпиграфа к главе «Весна» взял слова из народного стиха: «Узун мойынду кыш бождоды, улу йыргалду яс келди» («Прошла длинношеяя зима, пришла приносящая великое счастье весна»)»⁹.

Через показ несложного алтайского быта, обычаев, которые старательно, как делали его отцы, деды, прадеды, выполняет отец Адыюка, вырисовывается типичный образ дореволюционного алтайца-бедняка: доброго, честного, неторопливого, умело и с достоинством выполняющего нехитрые свои дела.

Вот он уверенно, не допуская сомнения в правильности суждений главы семьи, говорит: «Күн ажарда кулактанар болзо, жылу болот со-

жкты кун тудуп алала, апарып јатканы ол. Чыгарда кулантанза, соок болор: ол тушта соокты кун биске экелип јат» («Вечером солнце уши кажет — к теплу. Это оно, мороз поймав, уносит с собой. При восходе солнце уши кажет — к морозу берегись, мороз несущ!»)¹⁰

Или при перекочевке, перед тем, как перевалить гору, отец Адыёка произносит заклинание, представляющее собой обращение язычников-алтайцев к силам природы: «Агын суу болгожын, тайыс кечу ол берзин! Бийик туу болгожын, јабыс ажу ол берзин!» («Если это река протекающая, то пусть даст мелкий брод. Если это гора высокая, то пусть даст низкий перевал»)¹¹. Характер отца Адыёка писатель набрасывает через его повседневные дела, в его отношениях с другими людьми, через соблюдение ритуальных обрядов. Его мировосприятие связано с верой в бога и черта, в таинственные силы природы, приметы. Это — образ человека, тесно связанного с природой, еще не оторвавшегося и во многом зависящего от нее. Автор, очевидно, мыслил дать характер в развитии, в движении от простого к сложному и многогранному качеству.

Одним-двумя штрихами Кучияк набрасывает яркие, запоминающиеся портреты Адыёка, Окту, его матери и отца: «Октунын адазы јабыс сынду, курен-сары чырайлу, кол эрмек айтпас, ээр эдетен ус кижн» («Отец Окту был смуглым, немногословным человеком, низенького роста, славился мастерством делать седла»)¹².

«Јагыс Окту энезинин чырайын, кара чачын алган. Уни де энезинин униндий омок, тын болгон. Бойыннын будули колы будыннын балтырлары кайыннын урыдый кату, бек јаринду уулчак болгон» («Один Окту — в мать: быстрый, белолицый, черноволосый. И голос его похож на голос матери — веселый и звонкий. Плечи у него широкие, мускулы на руках крепкие, как наросты на берегах»)¹³.

Мастерство лепки характера особенно ярко проявляется в создании образа главного героя романа — Адыёка. Через отношения с Манзу, с отцом и матерью, через его любовь к родной природе и другие ситуации вырисовывается облик живого, впечатлительного мальчика, радостно и очень тонко воспринимающего окружающий мир. В создании образа жизнерадостного Адыёка писатель показал себя мастером переплетения реалистических и фольклорных и образительных средств. Фольклор здесь присутствует в мироощущении героя произведения. Реальная действительность воспринимается Адыёком через знакомые образы сказок, легенд, преданий. Поэтому этот мир полон волшебства, необычайно своеобразен, радостно-ярок. Он не омрачен даже суровостью условий жизни героя. Вот он, представляя себя таким же богатырем, как в сказках, всюду носит с собой лук и стрелы. Цветы и травы — это тоже богатыри. Забывшись, он целый день устраивает битвы богатырей: «Он зацеплял цветок за цветок, словно рыболовные крючки, и дергал в стороны: один цветок отлетал, другой оставался на ножке — победитель! Через секунду победитель, волею Адыёка, вступал в такое же единоборство со вторым цветком, потом с третьим, четвертым»¹⁴.

Его мировосприятие пока что связано с верой в духов, темные силы: «Адыёк повернулся и чуть не крикнул от испуга — перед ним стоял злой дух. Старый, страшный. Лицо черное, все в морщинах... Тот самый, о котором говорил отец Адыёк юркнул в аил и захлопнул дверь. В аиле — старый отцовский бубен, злой дух не посмеет туда войти»¹⁵.

Своеобразие рисуемого им мира Кучияк подчеркивает чисто алтайскими образными выражениями, отражающими мировоззрение, быт алтайцев. Детали, упомянутые как бы вскользь, пословицы и поговорки характеризуют жизнь этого народа: «кызу темирдий јаркын-далган кун» («солнце, расцветечное, как раскаленное железо»), «кар,

күскиде арып калган сыгын эткендий, чойо тартып кыжырай берди («снег закрипел протяжно, словно голос осеннего усталого лося») «јес јустук» («кольцо из красной меди» на пальце — распространено украшение женщины-алтайки)¹⁶, «сокпостык токпогы јави» («у бедельника колотушка всегда большая»)¹⁷ и т. д.

Таким образом, фольклор (пословицы, поговорки, заклинания, молитвы, народный стих) выступает составной частью реалистического повествования. Он пронизывает всю «образно-идеологическую сферу» произведения: присутствует в мироощущении, мировосприятии и речи героев (как проявление естественных качеств алтайцев), языка автора (выражение национального склада мышления типичного представителя своего народа), сюжетно-композиционном оформлении главы (включение в текст повествования пословиц, поговорок, молитв, заклинаний, народного стиха и т. д.). Все это выявляет своеобразие стиля самого писателя.

Кучияк, используя перечисленные средства типизации, нарисовал простой, но колоритный, яркий мир алтайцев.

Факт появления незавершенного романа П. Кучияка «Адыюк» — свидетельство достижения алтайской прозой уже в 40-е годы той степени эстетической зрелости, когда появляется объективная необходимость в зарождении большой прозаической формы — романа. Ряд обстоятельств помешал алтайскому роману как жанру утвердиться в эти годы. В 40-е годы не было создано значительных прозаических произведений, за исключением некоторых рассказов Ч. Чунижекова и незавершенного романа П. В. Кучияка «Адыюк». Это объясняется многими причинами. Большая часть литераторов ушла на фронт. Многие писателей, таких, как М. В. Мундус-Эдоков, П. А. Чагат-Строев, которые активно трудились в 20—30-е годы, не было в живых. Творческая деятельность основоположника алтайской реалистической прозы П. В. Кучияка прервалась в самую пору расцвета его таланта. А начинающие авторы очерков, рассказов должны были пройти путь приобретения опыта, мастерства создания эпических произведений.

Но каждый утвердившийся жанр прозы, каждая новая струя в творчестве, стиле писателя, имеющиеся традиции и создавали тот художественный опыт народа, который обусловил развитие романа в алтайской литературе в 50—70-е годы.

ЛИТЕРАТУРА

1. История советской многонациональной литературы, т. 2, кн. 1, М., 1971, стр. 140.
2. С. Суразаков, П. В. Кучияк, Горно-Алтайск, 1967, стр. 16.
3. Кайчи — сказители алтайских героических сказаний.
4. З. Казагачева. Зарождение алтайской литературы, Горно-Алтайск, 1972, стр. 10.
5. П. Кучияк В долине дьявола, Горно-Алтайск, 1972, стр. 245.
6. Подробнее об этом см. в кн. З. Казагачевой «Зарождение алтайской литературы», Горно-Алтайск, 1972, стр. 81—82, 88.
7. П. Кучияк В долине дьявола, Горно-Алтайск, 1972, стр. 9—10.
8. П. Кучияк В долине дьявола, Горно-Алтайск, 1972, стр. 19—20.
9. Он же Жуунадылган сочинениелер, Горно-Алтайск, 1967, стр. 245.
10. П. Кучияк В долине дьявола, Горно-Алтайск, 1972, стр. 8.
11. П. Кучияк Жуунадылган сочинениелер, Горно-Алтайск, 1972, стр. 8.
12. Там же, стр. 248.
13. П. Кучияк В долине дьявола, Горно-Алтайск, 1972, стр. 16.
14. Там же, стр. 14.
15. Там же, стр. 9.
16. П. Кучияк Жуунадылган сочинениелер, Горно-Алтайск, 1967, стр. 241.
17. Там же, стр. 232.
18. Р. Бикмухаметов. Роман и литературный процесс, ж. «Вопросы литературы» 1971, № 9, стр. 7.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СТИХА ГЕРОИЧЕСКОГО ЭПОСА АЛТАЙЦЕВ

Большинство жанров устного поэтического творчества алтайцев связано с напевно-повествовательным стихом. В них напев стиха неотделим от текста. Ритмический строй текста устной стихотворной речи определяется размером мелодии.

Попытка отождествления структуры устного стиха с письменным, отрыв текста от музыки ставили исследователей в тупик при определении его системы. Трудно, например, согласиться с выводом Н. К. Дилгрия о том, что героическое сказание есть не что иное, как «изысканная народная проза»¹. Все это было не «распадом когда-то стройной эпической техники» и не «переходом поэмы в сказку», а результатом анализа недоброкачественной записи. В связи с этим заметим, что ведение записи героического сказания в подлинном его звучании представляет собой чрезвычайную трудность. Поэтому собиратель обычно просит сказителя вести пересказ эпоса без напева. В этом случае собирателю удастся перевести на бумагу все содержание сказания со всеми его сюжетными нюансами. Но при передаче сказителем текста без напева исчезает подлинное ритмическое его звучание и строение. Поэтому исследователю стиха следует располагать материалом, соответствующим реальному звучанию при исполнении. Кроме того, при исследовании структуры стиха фольклорных произведений, в частности при уточнении слогового объема отдельных стихотворных строк, следует учитывать явления редуциции и элизии гласных звуков в алтайском языке. Речь идет о таких гласных звуках, качественная характеристика которых зависит от мелодии и ритмического строения стихотворных произведений. Эти гласные в зависимости от требования определенной мелодии и ритмики могут редуцироваться, совсем выпадать, сохраняться. Редуцированные гласные, как известно, каких-то особых графических знаков не имеют. Кроме того, неумелая попытка качественного корректирования гласных может привести к искажению содержания текста, ибо в таких случаях теряется смысловая значимость отдельно взятых слов. Смысл слова может быть восстановлен лишь в реальном звучании всей стихотворной строки. Естественно, это обстоятельство ограничивает абсолютную точность записи слова, каким мы его слышим из уст сказителя. Поэтому данный факт накладывает на исследователя дополнительную трудность и обязывает знать специфику звучания отдельных фонем языка того народа, на котором представлен стихотворный материал.

Героическое сказание алтайцев иногда достигает десяти и более тысяч стихотворных строк. Все стихотворные строки, каждая из которых составляет ритмическую единицу, между собой соизмеримы. Эта

соизмеримость достигается как языковыми, так и музыкальными особенностями.

Сравним два вида записи небольшого отрывка героического сказания «Алтай-Буучай»:

1. Запись, произведенная нами из текста, приложенного С. С. Суразаковым к его книге «Героическое сказание о богатыре Алтай-Буучае» в строгом соответствии с орфографическими правилами алтайского языка:

Жара-Чечен жараш келин
Каандарга айтпай кайты
Тогузон чой ылтагду
Чой кара сопогыныг
Каблутын кодорыгар
Оныч ич кыбында
Алтан айры министу
Алтын томрак бар эди-дидт
Алтай-Буучайдыг тынына
Једер неме ол болор-дидт
Эки маска эжелгилеп,
Эки бдуктин таманын
Кодоргылап, јети кунге турушты

При подсчете слогов в соответствии с этой записью мы обнаруживаем несовпадение количества слогов в стихах. Так, например, восьмисложные стихи составляют 35 процентов, шести- и девятисложные — по 24,2 процента, семисложные — 21,4 процента. Отсюда следовало бы сделать вывод о том, что стихи в данном отрывке неравносложны, диапазон их колебаний составляет от пятисложных до одиннадцатисложных строк, одиннадцатая стихотворная строка состоит из пяти, а четырнадцатая — из 11 слогов. Причем эти чередования не имеют строго определенной последовательности, которые позволяли бы сделать какие-то выводы о ритмической структуре вышеприведенного отрывка. Однако анализ записи, произведенный в строгом соответствии с исполнением сказителя, приведет нас к противоположным выводам.

Вот как воспроизвел этот отрывок в соответствии с исполнением сказания С. С. Суразаков:

Жара-Чечен Жараш келин
Каандарга айтпай кайты
Тогузон эки чой ылтагду
Чой ло кара сопогыныг
Кабылказын кодорыгар
Ашыг ичи бу кыбында
Алтан айры бу ла министу
Алтын томрак бар эди — дидт.
Эки јаан бу ла јутпа
Эки маска эжелгилеп,
Эки бдуктин бу таманын
Кодоргылап, јети кунге бу турушты

Первый стих изменению не подвергается. Во втором стихе сказитель долгую фонему «а» произносит настолько протяжно, что она удваивается, превращаясь, таким образом, в две самостоятельные фонемы. В третьем стихе из слова «тогузон» выпал звук «у», четвертый стих сказитель наполняет добавочной, не имеющей смыслового значения, частицей «ло», в пятом стихе заимствованное из русского языка слово «каблук» сказитель произносит в характерном для фонетики алтайского языка оформлении — «кабылка», сохранив притяжательный аффикс «зы». В шестом стихе сказитель к слову «ич» добавляет аффикс

принадлежности «и», а также указательное местоимение «бу», которое в тексте потеряло свое значение. В седьмом стихе в слове «томырак» опускается «ы». В девятой, десятой и одиннадцатой стихотворных строках включены утратившие свое смысловое значение местоимения «бу», «ол», а также частица «ла», которые в данном случае играют лишь роль ритмически наполнительной частицы. Двенадцатый стих остался без изменения, в тринадцатом стихе, состоящем из восьми слогов, в слове «эки» опускается звук «и», но затем добавляется частица «бу». Последний стих состоит из двенадцати слогов.

Но изменился ли смысл слов, подвергшихся такой фонетической реконструкции? Нет. Разговорная речь допускает произношение слова «тогзон» вместо «тогузон», «томрак» вместо «томырак».

Выпадение конечного гласного «и» в слове «эки» в тринадцатой стихотворной строке также не повлияло на его смысловое значение. Здесь при сочетании слова «эки» со словом «бдуктинг», соприкасаются две гласные фонемы «и» и «й». Две гласные, соприкасаясь между собой на границе двух слов, обычно стягиваются. Далее, как можно легко заметить, сказитель часто включает в стихотворные строки наполнительные частицы «бу», «ол», «ла», не несущие смысловую нагрузку и не влияющие на смысловое значение стихотворных строк. Как видим, разница записей существенная. Именно обращение к записи, произведенной в близком соответствии с исполнением сказителя, позволило С. С. Суразакову сохранить ритм стиха «Алтай-Буучай». Каждый стих состоит из двух симметричных ритмических частей: 4+4.

Героическое сказание «Алтай-Буучай» (вариант А. Калкина) состоит из 1405 стихотворных строк, из которых 1112 стихов в их графическом изображении являются восьмисложными, 152 — девятисложными, 114 — двенадцатисложными, 12 — тринадцатисложными. Подсчет показывает, что восьмисложные стихи составляют из общего количества стихов почти 80 процентов, девятисложные — 10,8 процента, 81,1 процента — двенадцатисложники, тринадцатисложные стихи не составляют и одного процента. Но если учесть реальное звучание звуков, и подвергающихся графическому изображению, то процент девяти- и тринадцатисложных стихотворных строк сводится к минимуму. Так, например, из 152 девятисложников в 87 случаях гласные редуцируются, поэтому девятисложные стихотворные строки превращаются в восьмисложные. Двенадцатисложные стихи являются подобием восьмисложников, где вторая ритмическая часть, следуя ритму мелодии, повторяется дважды. Таким образом, восьмисложные стихи в общей сложности составляют 94,9 процента. Лишь 5,1 процента стихотворных строк являются девяти- и тринадцатисложниками, многие из которых уравниваются соответственно восьмисложным или двенадцатисложным стихотворным строкам, иначе говоря, «лишний» слог в одной из ритмических частей протягивается сказителем короче остальных.

Таким образом, очевидно, что у сказителя Калкина текст изосиллабичен.

Возникает вопрос: каким же образом и какими средствами сказитель А. Калкин добивается почти полного изосиллабизма?

Первичный материал эпической речи, который весьма близок к стихотворной, связывается с напевом и подчиняется ему. Сказитель повествует о делах богатырей при помощи напева. Мелодия этого напева отличается определенностью и штампованностью. Стих героического эпоса распевается с легкой, во многих случаях едва заметной остановкой в середине стихотворной строки, а также изменением тона голоса в полустышиях. Этой легкой остановкой и изменением голоса достаточно, чтобы стих разделился на две части. Именно это деление стихотворных строк на две короткие пропорциональные части делает стих

ритмичным. Полустишие выступает как ритмическая часть. Ритмическая часть явилась наименьшей, неделимой единицей в стихотворной строке героического эпоса и выполняет функцию музыкального такта. Симметричность и изосиллабизм ритмических единиц достигаются сказителем в процессе пения различными средствами: принесением в текст характерных для эпоса парных слов, сложных числительных и глаголов, частым употреблением вспомогательных глаголов, вставкой лишенных смыслового значения слов, а также фонетической деформацией определенных слогов в слове и синтаксической реконструкцией. Так, например, если стихотворные строки состоят из менее чем восьми слогов, то сказитель вставляет в них:

1. Парные синонимические слова типа: «атту-чуулу» (прославленный), «улу-жаан» (великий), «эрлү-жаан» (мужественный), «эл-жон» (народ), «арка-бел» (спина), «эп-арга» (способ) и т. д.

Атту-чуулу Алтай Буучай
Андан-куштап журер жанду
Эмди болбой бу канайтты (80)

Или

Арка-белин арчий тудуп,
Ак тар кббдг токум салды (80)

2. Повторяющиеся прилагательные «жаан-жаан» (большой-большой), «терең-терең» (глубокий-глубокий), «бийик-бийик» (высокий-высокий), «јабыс-јабыс» (низкий-низкий) и т. д.

Терең-терең талайларды
Куйрук чийбей кечип јадат. (80)

3. Повторяющиеся деепричастия

Смытап-смытап бу отурды (87)

4. Повторяющиеся наречия

Акыр-акыр Алтай-Буучай
Олбс-бойын длдиг, эдем (93)

5. Составные числительные

Јетем јети тайга ашты. (84)

Все эти повторяющиеся парные слова, как правило, бывают четырехсложными и употребляются в начале стихотворных строк, составляя этим самым первую ритмическую часть стиха. Если же эти слова бывают двусложными, то сказитель, присоединив к основам слов необходимые аффиксы, доводит их до четырехсложных, образовав, таким образом, стандартную для эпоса ритмическую часть.

Весьма часто сказитель вводит в текст вспомогательные глаголы «болтыр», «эмтир», «кайтты», а также наречие «эмди», которые в стихотворные строки не вносят иного смыслового значения. Цель их включения в текст заключается в том, чтобы поддержать определенный слоговой объем ритмических единиц и сохранить симметрию полустиший.

Самым распространенным средством, восполняющим недостающие слоги в стихах, являются вставки — односложные наполнительные частицы, которые представляют собой слоговые знаки, служащие для поддержания определенного ритма. Эти слова-частицы не несут на себе смысловой нагрузки и не имеют определенного смыслового отношения и экспрессивных оттенков к данной логической единице.

Приведем пример.

Арча-белли арчим тудуа.
Ак тар коббн тошум салдам (81)

Если иметь ввиду значение слова «тар» как «узкий», то вторая строка переводится так: «белый, узкий, как хлопок, потник набросил». Легко заметить, что слово «тар» нарушает мысль, выраженную в стихе.

Или:

Ат длагбни јарт тар дежет,
Твртбн шфинг ддб берген
Эр длагбни јарт тар дежет (83)

В буквальном переводе это четырехстишие звучит так:

Что конь его пал — это узво ясно — говорит,
Уже сорок дней прошло.
Сам богатырь погиб — это узво ясно — говорит

Понятно, что «тар» переведенный на русский язык в значении «узко» звучит нелепо, вносит в текст неясность. В данном случае «тар» должен пониматься как ритмическое средство.

В «Алтай-Буучасе» наполнительные частицы в варианте А. Калкина включены в 456 стихотворных строк. Наибольшее количество вставок мы встречаем в восьмисложных стихотворных строках — 347.

Самой распространенной вставкой, встречаемой не только у Калкина, но и у других сказителей, является наполнительная частица «бу».

Например: Ай карагуй бу јудазин,
Тун шарагуй бу улдузин,
Базе такин бу тангинд (81)

Если одна из ритмических частей состоит из одного двусложного или двух односложных слов, то сказитель включает две наполнительные частицы, а именно, вышеназванная частица «бу» плюс «ла» или «бу» плюс «лай»?

Малдар бѳткен бу јерине
Барган дѳтп бу лай калтыр (117)

Иногда в ритмические части вместо «бу» плюс «ла» может включаться «ол» плюс «дор».

Ан хайлиник бу барала
Аза берген ол дор эди (101)

Кроме вышеуказанных, в первой и во второй ритмических частях, выступают и другие наполнительные частицы. Перечислим основные из них.

1. Наполнительные частицы «тар», «тер», «тор», «тѳр» и их дублеты «дар», «дер», «дор», «дѳр»:

«Ак тар малды олјолодор,
Албатым башкартырар» —
Јара-Чечен уј де кичи
Аидий сѳме бу сананган (83)

2. Наполнительные частицы «ла», «ле», «ло», «лѳ»:

Олѳтѳн лѳ тыннн кайда?
Олѳтѳн лѳ јажыг кайда? (95)

3. Наполнительные частицы «та», «те», «то» и их варианты:

Эрјинелѳ адин минген
Эр де кичи Алтай-Буучай (92)

4. Наполнительная частица «ол»

Алтын ташту аза тайга
Ол бажына једин туруп,
јери—јуртын шиндегежин
Ак тар малы амыр болды (88)

В полустихиях могут употребляться и двусложные наполнительные частицы. Так, например, сказители весьма часто в полустихия включают слово-частицу «эмди»:

Улген берген улбус-чоокыр
Ады эмди алдын јурет (82)
Или
Очо-Чечен бу ла сийны
Узаксынган эмди болтыр (83)

В ряде случаев, когда до определенного слогового объема в той или другой ритмической части не хватает одного слога, сказитель вместо односложных частиц включает наполнительное слово «эмди», предварительно переконструировав его в односложное «эм»:

Куркундарын эм сындырын
Тунге-тушке кичектеди (108)

Сказитель одну из ритмических частей может оформить лишь только из наполнительных частиц, не имеющих смыслового значения. К подобному построению ритмических частей сказитель прибегает весьма часто:

Сурбулжандый сурт тар дауп,
Јуруп ийбей бу ла кайтты (82)

Встречаются и такие случаи, когда сказитель всю стихотворную строку строит из сочетания слов, не имеющих смыслового значения:

Андап-куштап јурер јанду
Эмди болбой бу канайтты (80)

Любопытно отметить, что некоторые сказители для достижения строгой ритмичности стихов используют не только наполнительные слова-частицы, но и отдельно взятые звуки:

Мыны уккан Арнай каан а-а дейле,
Тбр бажынан туруп чыкты (86)
Или
«Э» дейле, Чарнай каан
Ээний база бу јутурди (86)
Или
Ээй-ээй, баатырлар,— дийт (89)

В зависимости от ритма могут употребляться односложные или двусложные союзы. Так, например, в разговорном языке употребляется два варианта соединительного союза 1. ла, ле, ло, лб и 2. была, биле. Поэтому сказитель при исполнении вставляет в ритмическую часть тот союз, который ему необходим, то есть, если в ритмической части недостает одного слога, сказитель вставляет один из односложных союзов. Но в случае, когда в ритмической части не хватает двух слогов, сказитель вставляет двусложные союзы.

В том случае, если в ритмической части не хватает нескольких союзов, то сказитель употребляет многосложное слово, выступающее в значении опущенного союза.

Итак, мы рассмотрели некоторые средства, позволяющие сказителю трансформировать двух-, трехсложные ритмические части и дово-

дять их до четырехсложных. Все эти средства выступают не сами по себе, не изолированно друг от друга, а в комплексе, в сочетании друг с другом.

Однако во многих случаях слоговой объем ритмических частей превышает стандартное число их слогов. Встречаются также случаи нарушения симметрии расположения ритмических частей. Между тем требования ритма героического сказания жестки. Поэтому эти требования ритмического строя эпоса удовлетворяются еще такими средствами, основы которых заложены в законах фонетики алтайского языка, в способе синтаксических группировок слов.

Как уже отмечалось, в графическом изображении в соответствии с правилами алтайской орфографии в «Алтай-Буучае» насчитывается 152 девятисложных стихотворных строки, что составляет 10,8 процента от общего количества стихов. Однако при исполнении гласные звуки в 87 стихах редуцируются или выпадают, в результате чего ритмические части стихотворных строк принимают типичную для размера героического эпоса строго пропорциональную ритмическую схему 4+4. Проиллюстрируем это на конкретных примерах.

Слоги 32 стихотворных строк из указанного числа девятисложников в «Алтай-Буучае» располагаются по схеме 4+5, в 71 стихе — 5+4. Как видно, и в первой и во второй ритмических частях стихотворных строк появились лишние гласные звуки, нарушающие пропорциональность расположения слогов в полустушиях. Поэтому с целью ликвидации нарушения характерной для героического эпоса ритмики стихов сказитель, не выходя из рамок законов фонетики алтайского языка, старается избавиться от этого лишнего слога, уравнять ритмические части стихов. Это уравнение полустуший достигается опущением или редуцированием одного из слогов в ритмических частях.

Сокращение слогового объема ритмических частей достигается за счет элизии гласных:

1. выпадение одного из гласных на границе двух столкнувшихся слов во второй ритмической части:

Јердиҥ сыртыҥ јети айланган,
Алтай сыртыҥ аты айланган. (82)

Во второй ритмической части этих двух стихотворных строк в словах «јети», «алты» выпадают соответственно конечные звуки «и» и «ы». Выпадение этих звуков объясняется широко распространенным в тюркских языках явлением элизии, согласно которой выпадает один из рядом стоящих гласных на границе двух слов (обычно выпадает конечный гласный впередистоящего слова).

2. выпадение дееспричастных аффиксов «ып», «ип», «уп», «ўп».

Алтын уйҥен чупҕа тартып,
Ах јалынга агыздыҥ ијди. (93)

Во второй стихотворной строке в слове «агыздып» дееспричастный аффикс выпадает.

3. выпадение корневых гласных:

Эј-эј, аҗиҥ — деди
Амыр-акыр, сыйым — деди. (80)

Или:

Удура тишту аду-ббру
Ауҥиҥиҥи тиҗеҥ салды. (82)

В данном примере в первом стихе в слове «удура» пропущен второй гласный звук «у», который в разговорной речи может употребляться как в полном, так и в неполном видах. Сказитель же для сохранения симметрии полустуший этот звук опускает. Кроме того, в этом же сти-

хе опускается падежный аффикс «ни» в слове «айу-бөрү». Следует заметить, что выпадение аффиксов в стихе героического эпоса распространенное явление.

Например:

- 1) выпадение аффикса дательного падежа
Алтын брғббгб базыл келди.
Алтын эжики ачыл кирди. (93)

Согласно фонетико-морфологической редукации в слове «брғббгб» выпадает аффикс дательного падежа «го».

- 2) выпадение аффикса творительного падежа
Алтын бажын артай тудуп.
Алтын уйгенле уйгендеди.
- 3) выпадение аффикса принадлежности
Эки түгей баатыр уулдар
Адазынни сбни укладылар. (81)

Примеры можно продолжить и дальше. Но в этом нет нужды. Подчеркнем лишь суть нашего рассуждения: правила орфографии алтайского языка не допускает опущения гласных, перечисленных нами выше. В разговорном же языке эти гласные звуки выпадают. Однако, если в той или другой ритмической части не хватает необходимого количества слогов, то сказитель эти аффиксы сохраняет.

Например Алтан јашту адамнынг
Кбксин оодо ол тебеле. (88)

Или

Ак мылтыгым чупчыбагар
Ак улдүмди суурбагар. (94)

Многие редуцированные гласные в стихе эпоса не выпадают, но они произносятся настолько бегло, что их присутствие в стихе еле уловимо:

Јагырар айдыг уч јагыла
Андап куштап јуртен эмир.
Элтирер айдыг уч экиде
Уктап јадар бу ла болтыр. (81)

В первой и третьей стихотворных строках первые ритмические части состоят не из типичных четырехсложных полуступиц, а из пятисложных. Однако сказитель в словах «јагырар» и «элтирер» гласные «ы», «и» во временном отношении произносит значительно короче, чем находящиеся рядом звуки «а», «е», в результате чего стихи получают характерный для героического эпоса ритмический рисунок: 4+4.

Весьма интересным, требующим дополнительного изучения, нам представляется использование сказителем деформированных в фонетическом отношении заимствованных слов. Например, в стихотворной строке «алтын устал бу тургусты» или «отурган ла бу остолы» слова «устал», «остол» приняли дополнительные гласные звуки «у» и «о» и стали двухсложными. Такая деформация слова «стал» объясняется тем, что разговорный язык не терпел скопления согласных в одном месте.

Итак, фонетические закономерности алтайского языка обуславливают и поддерживают определенный слоговой объем и стандартный тип построения ритмических частей эпического стихотворного текста.

Следует однако указать на то, что опущение того или иного звука или слова в стихотворной строке происходит в том случае, если в одной из ритмических частей содержится один или несколько лишних слогов. Если же в ритмической части содержится необходимый слоговой объем, то выпадения звуков или целых слов не происходит. Например, в стихотворной строке «мыны уккан Арнай каан» конечный гласный звук «ы» в слове «мыны» соприкоснувшись с гласным «у» слова

«суккан» согласно явления элизи не мог бы выпасть. Но в таком случае нарушилась бы пропорциональность полустушии, первая ритмическая часть равнялась бы не четырем, а трем слогам, чего не может допустить стандартный тип героического сказания.

Редукции и элизи не подвергаются те звуки, которые расположены на границе ритмических частей. При этом наличие количества слогов в полустушиях более четырех не приводит к выпадению гласных на границе ритмических частей. В качестве примера можно привести следующую строфу из «Алтай-Буучая»:

Алты тйедэ аз тайганыч
Айан болгон колтугында,
Жмлар-жылбас кык талайдыч
Кеен болгон жаказында
Атту-чуулу Алтай-Буучай журтап жатты. (79)

Здесь первая стихотворная строка имеет схему 5+4, то есть первое полустушие заключает в себе лишний слог. Но сказитель, опуская один из слогов первой ритмической части, приводит ее в соответствие с образцом героического сказания 4+4. При этом здесь мы наблюдаем весьма любопытную деталь, подтверждающую выдвинутый нами тезис об устойчивости гласных на границе ритмических частей. В самом деле, в соответствии с явлением элизи в алтайском языке выпадению могут подвергаться гласные «ы» и «у» в словах «алты» и «уйеду», ибо эти звуки сталкиваются с начальными гласными последующих слов. Но сказитель опускает гласный «ы», а не «у». Эта устойчивость звуков на стыке двух полустушии продиктована не явлениями грамматического порядка, а ритмической необходимостью мелодии стиха. Таким образом, ритмическое значение гласного звука, находящегося на стыке двух ритмических частей больше, нежели гласного, расположенного внутри полустушии.

Подчеркнем еще одну важную особенность гласных звуков в алтайских словах. Долгие гласные в соответствии с правилами фонетического строя не распадаются на два звука и выступают как самостоятельные фонемы. В стихе же они часто выступают как два слога, компенсируя этим самым недостающий в одной из ритмических частей слог.

Таким образом, выпадение и редукция звуков и слов не может происходить, если присутствие этих звуков и слов подкрепляет ритмичность стихов, усиливает симметричность полустушии. Явления элизи и редукции, таким образом, в устном стихотворном тексте обусловлены ритмическими требованиями.

Лишь структура 65 стихотворных строк не соответствует стандартному объему слогов «Алтай-Буучая». В этих стихах слова в ритмических частях и в целом в стихотворных строках выравниваются ритмом мелодии. В пении на произношение таких слогов затрачивается различное количество времени: одни слоги произносятся сказителем более ускоренно, другие же — протяжно. Это обстоятельство обусловлено тем, что стандартная мелодия не терпит нарушения симметрии времени произношения ритмических частей. Поэтому ритмическая часть с лишним слогом произносится более убыстренно, чем обычное полустушие. Полустушие же, состоящее из четырех слогов поется протяжно. По этому поводу Т. Ковальский писал: «Певец произвольно выбрасывает или, наоборот удваивает отдельные слоги в словах, чтобы достигнуть совпадения мелодии с текстом»³.

Таким образом, в уравнении полустушии девятисложника самая активная роль принадлежит напеву. Напев ликвидирует нарушение симметрии ритмических частей путем ускоренного или протяженного произношения одного из слогов. Подобное явление наблюдается не только

в родственных по языку стихах, например, в хакасском¹, но и в русском народном стихосложении, которое существенно отличается от алтайского, хакасского и других. Так, например, «соизмеримость ритмических единиц народного стиха — указывает Л. И. Тимофеев, — определяется не только речевыми их особенностями, но и музыкальными. Различие между двумя строками — может быть компенсировано при помощи напева, их уравнивающего»².

Итак, вышеназванные нами средства, обусловили изосиллабизм стихотворных строк. Благодаря мелодии и этим средствам, расположение слогов в ритмических частях стало строго определенным. Это еще раз подтверждает мысль о неразрывной связи слова и напева в народном стихе. «Народная песня — писал Сокальский, — создана для слуха, а не для глаза, и для иллюстрации стихов, а не для отдельного пения без слов. Поэтому, если разложить на составные части, полустихи, то всегда получается ритмически правильный фасон»³. Сказитель или певец поет под известную мелодику не любой речевой материал, а подчиняет этой мелодии определенным образом организованную, т. е. стихотворную речь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Н. К. Дмитриев, предисловие к книге «Когутей», М. Л., 1935.
2. С. С. Суражаков. Героическое сказание о богатыре Алтай-Буучае, Горно-Алтайск, 1961, стр. 96. В дальнейшем мы будем указывать лишь страницы текста.
3. Т. Ковальский. «К вопросам формального изучения поэзии турецких народов», (Русское переложение А. Линна). Изв. вост. факультета Азербайджанского гос. университета, т. 1, 1926, т. 2, 1928.
4. М. А. Унгвицкая. К вопросу о хакасском стихосложении. Ученые записки Абганского гос. пединститута, 1955, № 1, стр. 130.
5. Л. И. Тимофеев. Очерки теории и истории русского стиха. М., 1958, стр. 99.
6. П. Сокольский. Русская народная музыка великорусская и малорусская в ее строении мелодическом и ритмическом и ее отличия от современной гармонической музыки. Харьков, 1888.

О НЕКОТОРЫХ ПРИНЦИПАХ ПЕРЕВОДА АЛТАЙСКОГО ГЕРОИЧЕСКОГО ЭПОСА

Известно, что алтайцы обладают богатейшим героико-эпическим наследием. Записи его начались в 60-е годы прошлого столетия и продолжаются по сей день. В данное время имеется 212 записей героических сказаний алтайцев, из них на русский и другие языки переведено 62 сказания.

По отношению к алтайскому эпосу применялось 5 видов перевода.

1. **Лингвистический перевод.** Этот перевод является дословным, буквальным, нередко с сохранением структуры предложений тюркского языка. К такому переводу прибегали лингвисты В. В. Радлов («Образцы народной литературы тюркских племен Южной Сибири», СПб., 1866, перевод на немецкий язык), Н. А. Баскаков (перевод на русский язык 4-х сказаний Н. У. Улагашева, в его книге «Северные диалекты алтайского языка», М., «Наука», 1965). Ближким к лингвистическому переводу в смысле дословности являются переводы сказаний кайчи¹ Ч. Куранакова и С. Чонашева, сделанные Н. Я. Никифоровым и Г. Н. Потаниным («Аносский сборник», Омск, 1915).

Лингвистический перевод для серии «Эпос народов СССР» и вообще для фольклористики не подходит, ибо он затрудняет чтение и понимание смысла текста. Не случайно переводчики-лингвисты зачастую вынуждены в скобках давать пояснения отдельных слов и фраз.

2. **Изложение (или пересказ) содержания текста оригинала на русском языке.** К этому способу прибегали В. И. Вербицкий (сказания в его книге «Алтайские инородцы», М., 1893), Г. Н. Потанин (сказания в его книге «Очерки Северо-Западной Монголии», ч. IV, СПб., 1896) и А. Калачев (перевод сказания «Алтай-Буучай», Живая старина, СПб., 1896, вып. III—IV; причем А. Калачев содержание сказания изложил стихами, напоминающими стих русских былин). К художественным пересказам героических сказаний (в сокращенном виде) обращались и в советское время.

Пересказы, строго говоря, не являются переводами, в них нередко допускались вольности (пересказы Вербицкого и Калачева), но они могут представлять научную ценность, если будут сопровождать публикации полных текстов оригинала. Нами в 1970 году опубликовано героическое сказание кайчи Н. К. Ялатова «Олэнгир» с таким кратким пересказом содержания в 1,5 печатных листа, и книга имела успех.

3. **Поэтические переводы.** Имеются в виду переводы с ритмизацией и рифмовкой по законам русского стихосложения. Такими переводами алтайского эпоса усиленно занимались в 30—40-е годы новосибирские поэты. К ним относятся переводы поэтов А. Смердова,

1. Кайчи — сказитель-певец.

В. Непомнящих, Е. Березницкого, И. Мухачева, Е. Стюарт и других. В результате их деятельности в Новосибирске вышло несколько сборников и отдельных изданий героического эпоса алтайцев («Темир-Санаа», 1940; «Алтай-Буучай», 1941; «Алтын-Тууди», 1941; «Малчи-Мерген», 1945 и др.). Они изданы массовыми тиражами.

Следует отметить, что эти переводы сделаны по подстрочникам. Разумеется, такие переводы нужны, но для широкого круга читателей а не для фольклористики, ибо они, по сути, представляют собой двойной перевод: подстрочник и поэтический перевод. Естественно, текст перевода при этом в какой-то степени отдалается от текста оригинала. Изменения в текст вносятся также ритмизацией и рифмовкой по законам русского стихосложения.

4. **Поэтический перевод без ритмизации и рифмовки.** В дореволюционный период были предприняты переводы алтайского эпоса прозой. Таковы переводы Г. Токмашова сказания «Алтай-Куучуны» — «Козинка и Байи-Слу» (Труды Томского общества изучения Сибири, т. III, 1915). В советский период, в 1935 году, в Москве, в издательстве «Академия» вышел стихотворный перевод записанного Г. Токмашовым еще в 1914 году сказания кайчи М. Ютканакова «Когутей». На титуле книги переводчиком указан Г. Токмашов, но фактически авторами перевода были Г. Токмашов и русский писатель В. Зазубрин (автор первого советского романа «Два мира»).

Как видно из текста перевода, Г. Токмашов и В. Зазубрин старались прежде всего сохранить образность и национальный колорит речи. Они переводили, можно сказать, «свободным стихом», но там, где нужно, строили фразы по принципу синтаксического параллелизма, что вообще характерно для поэтической речи тюркоков, например:

А у нас
Не из чего пищи приготовить,
А у нас
Соли нехватает,
Нет у нас
Скота ввормленного!

Перевод Г. Токмашова и В. Зазубрина является весьма поэтичным, близким к научному, но и в нем содержатся отклонения от оригинала.

По образцу перевода Г. Токмашова и В. Зазубрина алтайские героические сказания переводил сибирский писатель А. Л. Коптелов (сказание «Ак-Тойчи» в сб. «Алтай-Буучай», 1941; сказание «Алтын-Коо» в сб. «Малчи-Мерген», 1947). Но переводы А. Коптелова сделаны по подстрочнику.

Четвертый вид перевода, казалось бы, является наиболее приемлемым. Но если за такой перевод принимаются писатели и поэты, не знающие языка оригинала, то они поневоле вносят в него изменения, отступают от принципа научности.

5. **Научный перевод.** В отличие от лингвистического перевода научный перевод в фольклористике не является дословным, буквальным, а прежде всего преследует цели образно-смысловой адекватности текстов перевода и оригинала.

К научному фольклористическому переводу алтайского эпоса мы приступили недавно. Таковы тексты трех вариантов героического сказания «Алтай-Буучай» (сказителей: А. Г. Калкина, Е. К. Таштамышевой и Ч. И. Бутуева в нашей книге «Героическое сказание о богатыре Алтай-Буучае», Горно-Алтайск, 1961) и наш же перевод сказания алтайцев «Маадай-Кара», записанного от кайчи А. Калкина, которое увидит свет в серии «Эпос народов СССР» в 1974 году.

1. Когутэй, М.—Л., 1935, стр. 52.

Однако именно проблемы научного фольклористического перевода эпоса вызывают споры.

Научный перевод не должен быть переводом слово в слово, строка в строку. Практика показала, что такие переводы невозможны. Иные переводчики склонны переводить эпос поэтически, их больше интересуют идея и образ, ими оставляется вне внимания языковая сторона.

В научном фольклористическом переводе, разумеется, главенствующую роль играет художественный образ, смысловое содержание, но при этом язык перевода должен предельно точно соответствовать языку оригинала.

При научном переводе алтайского эпоса неизбежно теряется строная ритмика и богатая звуковая организация поэтической речи оригинала. Однако необходимо сохранить образно-синтаксический параллелизм, придающий речи стихотворный ритм, несмотря на то, что нередко одни строки получаются длинными, а другие короткими. Примеры мы уже приводили.

Считаем, что при научном переводе эпоса рифма не нужна, ибо она является необязательной и в оригинале, характерна лишь для синтаксических параллелизмов.

Нами перечислены основные виды переводов алтайского героического эпоса. Подытоживая опыт работы переводчиков, мы приходим к определенным выводам.

1 Героический эпос является классическим памятником народного поэтического наследия. Разумеется, не все произведения в нем равноценны по своим идейно-художественным достоинствам. Поэтому одним из важных условий должно быть условие отбора лучших образцов для перевода. Практика переводов первых попавшихся произведений дает неверное представление о национальном эпосе.

2 К переводу эпоса должны быть привлечены люди, прекрасно знающие историю, жизнь и психологию народа, его язык и поэзию. Но в то же время переводчик должен в совершенстве владеть русским языком и русским поэтическим искусством. Если таковых не окажется, то следует практиковать совместные переводы представителей национальной и русской поэзии, как это делали Н. Никифоров и Г. Потанин, Г. Токмашов и В. Зазубрин, П. Кучняк и А. Коптелов.

Что касается принципов перевода, то, как нам представляется:

1 Перевод должен быть подчинен основной задаче — выдерживать верность идеям и образам, передать национальный характер и психологию героев через отражение национального языкового колорита. Переводчик должен стремиться передать специфику национальной речи. Для этого необходимо изучить строй языка переводимого эпоса. Мы указывали на образно-синтаксический параллелизм, как на специфическую особенность строя языка алтайского эпоса. Он характерен для эпоса и других тюркских народов. Однако, кроме него, имеется много других особенностей. Например, в алтайском эпосе часто встречаются длинные тирады, каждая из которых, по сути, составляет одно предложение. При переводе на русский язык сохранение длинных тирад-предложений затрудняет чтение, поэтому приходится их разбивать на части.

2 Большую трудность для переводчиков составляет строй тюркских предложений с группой подлежащих и с группой сказуемых, с определением впереди и с определяемым словом после определения. Переводчики нередко механически сохраняют строй тюркского предложения, однако оно остается понятным для переводчика, но непонятным для русского человека. Поэтому при переводе эпоса следует руководствоваться синтаксическим строем не языка оригинала, а языка переводчика — русского языка.

3 Специфика национального образно-поэтического мышления больше всего, пожалуй, проявляется в языковых тропах. Функция тропов, как известно, заключается в том, чтобы дать крайне сжатые фразы, насыщенные глубоким идейным и образным содержанием, т. е., говоря словами поэта, чтобы было «словам тесно, мыслям просторно». В разных языках могут совпадать сами тропы, допустим, эпитеты, метафоры, олицетворения, сравнения, метонимии, антитезы, иронии и т. д., но принципы их построения не всегда совпадают. По своему смыслу они нередко выступают в виде «зашифрованных» фраз. Возьмем, например, такую устойчивую поэтическую формулу из алтайского эпоса:

Кандый сбетин бу толчызы,
Кандый сгыш бу толыгы?
Дословно:
(Каких слов эта пуговица,
Каких мыслей этот угол?)

Перед нами метафорическое выражение, понятное алтайцам. Его смысл таков: «Что кроется за теми словами, которые ты сказал?» При дословном переводе на русский язык данная метафора становится бессмыслицей. Возьмем пример метонимии. Конь стоит и прядает ушами, и далее идет фраза:

Тенеринин агы-когун
Ары-бери селип турды
Дословно:
(Белое и синее на небе
Туда и сюда разгонял)

Здесь имеется в виду, что конь ушами разгоняет белые облака по синему небу. Разумеется, дословные переводы в таких случаях не подойдут, нужны смысловые переводы. Но найти смысловые эквиваленты к таким выражениям бывает нелегко, и переводчику приходится всячески изощряться в их поисках.

Трудность перевода нередко представляет даже такой, казалось бы, простой троп, как эпитет. Дело в том, что в эпосе алтайцев встречаются краткие эпитеты, вроде «кайчы кулак» (ножницы-уши коня), которые на русском языке надо дать в более развернутом виде, например, «уши, как стригущие ножницы». У русских читателей вызывают недоумение такие эпитеты, как:

Алтын тонду алыштар
Кумуш тонду кулуктар
(Золотошубые алыпы,
Сереброшубые кюлюкки)

Здесь имеются в виду шубы с золотыми и серебряными украшениями.

Но чаще всего в эпосе встречаются сложные развернутые эпитеты. По сути, они в алтайском языке не являются эпитетами, но при переводе становятся ими, например: «девятиностодевятирогий марал», «стовиштыый тополь». Думается, что такие сочетания иногда следует переводить проще: «марал, имеющий девятисто девять рогов». Но при этом не следует стремиться к упрощению характерных для алтайского эпоса сложных поэтических тропов и, идя по легкому пути, заменять их другими, более простыми.

Тропы более всего встречаются в устойчивых поэтических формулах-клише, которых в эпосе очень и очень много. Эти устойчивые формулы и представляют наибольшую трудность при переводе эпоса, они требуют к себе осторожного и творческого подхода.

4. Очень важным моментом при переводе эпоса является решение вопроса о том, как поступать в случаях, когда мы имеем дело с предметами, не имеющимися в русском обиходе, а следовательно, в русском

языке нет и соответствующих слов. Например, алтайское слово *кюо куйак* переводится обычно словом «кольчуга», но это вовсе не кольчуга, а, как сообщают сами сказители, — защитная одежда из спрессованной особым способом кожи, которую невозможно перерубить даже топором.

При переводе мы встречаемся со множеством других слов, не имеющих однословного эквивалента в русском языке.

5. Наконец, следует сказать и о форме перевода. У алтайцев наряду с исполнением эпоса каем, т. е. горловым пением, существует прозаическая его передача, но эта проза не является прозой в прямом смысле: она, во-первых, содержит многочисленные стихотворные вставки, во-вторых, сама «прозаическая часть» текста в значительной мере тяготеет к стиху. Именно поэтому при записи «рассказываемого» эпоса, начиная с В. В. Радлова, одни записывали его стихами, другие — прозой. В последнем случае и переводы осуществлялись прозой. Однако нам необходимо найти соответствующую исполнению «рассказываемому» форму записи и перевода. Текст перевода должен по форме воспроизводить текст оригинала, а текст оригинала — точно воспроизводить характер исполнения.

Алтайским эпосоведам предстоит огромная текстологическая работа, результатом которой должно быть подлинно научное многотомное издание алтайского героического эпоса. Только после тщательной научной подготовки каждого текста оригинала следует приступать к переводу его на русский язык.

Мы коснулись лишь некоторых общих вопросов перевода алтайского эпоса. В своей практической работе переводчик встречается с гораздо большим количеством трудностей. И в каждом конкретном случае он должен находить выход, проявлять не ремесленничество, а подлинное поэтическое творчество и талант. Только в таком случае перевод будет иметь успех.

ПРОЦЕССЫ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ В РАЗВИТИИ СЕВЕРНЫХ И ЮЖНЫХ ДИАЛЕКТОВ АЛТАЙСКОГО (ОЙРОТСКОГО) ЯЗЫКА

Исторические условия сложения некоторых тюркских общенародных языков способствовали объединению племенных диалектов и говоров, хотя и родственных, но различных по своему происхождению племен и этнических групп, которые в силу этих исторических условий объединялись под эгидой единого общенародного языка и подвергались нивелирующему его воздействию.

Одним из типичных примеров диалектной структуры таких языков является современный алтайский (ойротский) общенародный язык. Этот язык является единым как для алтайцев — представителей южных диалектов, на основе которых он был создан, так и для алтайцев — представителей северных диалектов, которые имеют довольно отдаленное родство с диалектами юга.

Единый литературный язык, на котором ведется преподавание в школе, транслируются радиопередачи, печатается общественно-политическая и художественная литература, издаются газеты и проч., естественно, воздействует на изменение речи алтайцев — представителей северных диалектов, которая письменно приобретает некоторые общие с южными диалектами черты.

Однако и литературный алтайский язык не остается безучастным в отношении северных диалектов. Происходит известная интерференция — взаимопроникновение специфических особенностей норм литературного языка, т. е. особенностей южных диалектов в устную речь представителей северных диалектов и некоторое, правда, весьма слабое проникновение главным образом лексических элементов северных диалектов в литературный алтайский язык.

В чем же заключаются эти процессы интерференции в развитии алтайских диалектов?

Как уже отмечалось выше, более интенсивному воздействию подвергаются, безусловно, северные диалекты под нивелирующим влиянием литературного языка.

Это воздействие реализуется главным образом на фонетическом и в меньшей степени на морфологическом уровнях северных диалектов, в то время как обратное влияние северных диалектов на литературный язык отмечается лишь в лексике и, главным образом, в терминологической ее части.

Известно, что северные диалекты алтайского языка по своим классификационным признакам относятся к хакасской подгруппе уйгуро-гузской группы Восточно-хуннской ветви тюркских языков, в то время как южные диалекты — к кыпчакско-киргизской группе той же ветви тюркских языков.

Из трех северных диалектов наиболее интенсивно подвергнут воз-

действию южных диалектов туба (диалект черневых татар), в то время как кумандинский и челканский — в большей степени сохранили consonные черты.

Любопытно, что в первую очередь северные диалекты воспринимают наиболее специфические фонетические особенности южных диалектов (а следовательно и литературного языка), которые первоначально параллельно существуют с соответствующими явлениями, характерными для северных диалектов, а затем получают и доминирующее значение.

Так для всех северных диалектов характерен начальный «ч» и для некоторых основ «н» вместо их субститутов общетюркского «й» и алтайского *дь//ть*. Этот начальный «ч» в туба-диалекте встречается уже значительно реже, чем в кумандинском и челканском, в которых он также уже подвержен замене «>дь//ть». Ср., например, *дьыл//тыл*, вместо *чыл* «год»; *дьыш//тыш* вместо *чыш* «лес, чаща»; *дьакшы//тыакшы* вместо *макшы* «хороший» и прочее.

То же следует сказать и в отношении *нь>дь//ть*, например: *дьаил//тыаил* вместо *ньяан* «большой»; *дьакыс//тыакыс* вместо *ньяныс* «один, единственный»; *дьан//тыан* вместо *ньяан* «бок», *дьек//тыек* вместо *ньен* «рукав»; *дьебил//тыебил* вместо *ньемил* «легкий» и проч.

Таким образом, северные диалекты приобретают характерный для южных диалектов признак *дь//ть* вместо *ч//нь*.

Факультативными в произношении представителей северных диалектов становятся характерные для них приточные *шь* и *жь* и аффрикативный *ч* — южных диалектов, ср. например: *чык//шык* «выходить», *чамак//шьямак* «сани», *чекпен//шьекпен* «сукно» и проч. при старой норме *шык//шьекпен* и проч. или *пычак//пыжьак//пышыак* «нож», *бичипыжьы//пышы* «писать», *качан//кажьан//кашыан* «когда» и проч. при норме *пычак, пычи, качан* и т. п.

Определенные сдвиги и адаптация происходят и в области губных согласных. Характерные закономерности северных диалектов в отношении соответствий *м//б* в начале слова и *б//я//м* — в середине слова нарушаются и губные согласные приобретают постепенно нормы литературного языка, ср. например северные диалекты *муре//мбру* «волк», *молат//молот* «сталь», *мурсак//морсок* «барсук», *майкаш* «грязь», но *тебир//тебир* «железо», *тавак//табак* «горло», *товен//тббен* «низ», соответственно замещаются литературными *бру* «волк» вместо *мбру*; *болот* вместо *молат* «сталь», *борсык* вместо *мурсак* «барсук», *балкаш* вместо *майкаш* «грязь», и *темир* вместо *тебир* «железо» *тамак* вместо *тамак* «горло», *тодмн* вместо *товен* «низ» или параллельно сосуществуют.

Характерный для северных диалектов конечный согласный *г* также либо исчезает полностью, замещаясь долготой гласного, как в литературном языке, либо параллельно сосуществует в речи одного и того же представителя, ср. например, *таг//туу* «гора», *суг//суу//сув* «вода», *уй//уйг//уй* «дом», *шериг//черу* «войско», *таглыг* — *туулу* «гористый, холмистый» и проч.

В области вокализма северные диалекты также подвержены воздействию южных диалектов и литературного языка.

В речи представителей северных диалектов и в особенности представителей туба-диалекта, как правило, сосуществуют и те, и другие нормы, ср. например: это сближение в отношении соответствия узких и широких гласных: для северных диалектов алтайского языка является нормой соответствие общетюркским широким *О, Э, О* — *У, И, У*, т. е. вокализм близкий к болгарскому, т. е. поволжским современным тюркским языкам: татарскому, башкирскому и отчасти чувашскому. В современных говорах туба-диалекта и других северных диалектах характерны уже факультативные варианты *у//о*; *ул//ол* «он»; *ура//оро* «яма»; *мурсак//борсок* «барсук», *уйда//ойто* «обратно» и проч.; *й//б*; *мй-*

ре//мбру//бору «волк»; нурук//пору «шапка»; чүй//чой «тянуть» и проч.; и//е: сибис//семис «жирный»; пик//пек//бек «крепкий»; пил//пел//бел «поясница» и проч.; т. е. вокализм в отношении слабого различия е//и, б//й, о//у, близкий не только к болгарскому и современным поволжским языкам — чувашскому, татарскому и башкирскому, но и к древне-тюркским языкам енисейско-орхонских надписей.

Некоторые сдвиги в отношении сближения речи северных и южных алтайцев под влиянием единого литературного языка наблюдаются и в отношении характерных морфологических показателей, так например, для тува-диалекта постепенно становится нормой оформление исходного падежа, общее с литературным алтайским языком, а именно: -нан//нен, -дан//ден, -тан//тен вместо исконного -дын//дин, -тым//тим, например: мендин//менен «от меня», үйдин//үйден «из дома» или оформление аффикса множественного числа -лар//лер вместо -лыр//лыр.

Параллельными и факультативными формами стали, например, формы отрицательного деепричастия: дьебийдин//дьемей «не едя», «не св»; сурабийдин//соримай «не спрашивая» и проч.

Любопытно, что процессы интерференции, как уже отмечалось выше, затрагивают наиболее характерные черты северных диалектов, в то время как южные диалекты и современный алтайский литературный язык являются устойчивыми в отношении воздействия со стороны северных диалектов, хотя в области лексики количество заимствований из северных диалектов в южные и в литературный язык в части терминологии довольно значительно.

Итак, процессы интерференции в развитии северных и южных диалектов алтайского (ойротского) языка характеризуются в большей степени воздействием южных диалектов и базирующегося на них литературного алтайского языка на северные диалекты, которые постепенно нивелируются, приобретая первоначально параллельные закономерности в фонетике и факультативные формы слов в морфологии, а под влиянием литературного языка, школьного преподавания, издания общей литературы и проч. приобретают характер смешанных диалектов, постепенно ассимилирующихся литературным языком.

Таким образом, северные диалекты, несмотря на значительные расхождения с южными диалектами и относясь по своим основным характерным чертам к другим классификационным группам, в данном случае к хакасской подгруппе, благодаря воздействию единого литературного языка постепенно сближаются с южными диалектами, и представители молодого и среднего поколения северных алтайцев, как правило, говорят уже на едином алтайском литературном языке.

Параллельные процессы происходят и в диалектных системах других тюркских народов, например, узбеков или уйгуров, общенародный язык которых является результатом консолидации, хотя и родственных, но разноплеменных этнических групп.

ЗАМЕТКА ОБ ОДНОМ ИЗ ДРЕВНЕЙШИХ СПОСОБОВ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В АЛТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Согласно общей теории словообразования в языках различных систем префиксы и аффиксы восходят к самостоятельным словам, обычно односложным, реже двусложным.

Предположительно первоначально префиксов и аффиксов не было, были одни корни. В таком случае, нам, т. е. тюркологам, изучающим языки агглютинативного типа, следовало бы учитывать в возможных пределах следующее одно обстоятельство.

Например, в агглютинативных языках слово, морфологически оформленное, должно иметь однозначные и инвариантные морфемы при линейном (от корня) характере их расположения¹. При этом от качества гласного звука в первом слоге слова должно зависеть качество всех гласных в последующих слогах.

По определению известного монголоведа, профессора Т. А. Бергаева, применительно к агглютинативному строю языка, «корень — основная морфема слова, показывающая его гнездовое значение (разрядка наша — В. Т.). Все остальные морфемы, т. е. аффиксы, оформляют корень»² по различным дополнительным значениям.

Отсюда следует, что первоначально в языке были одни корни, т. е. аффиксов и префиксов не было, кроме того, гласный звук первого слога слова должен был играть как элемент с большой фонетической нагрузкой, значительную смысловоразличительную роль в языке и должен был выступать в качестве одного из первоначальных средств словообразования. Заинтересовавшись этой идеей, мы обратились к особенностям алтайского корня в указанном плане.

В выборе материалов нас интересовали в основном односложные корни с изменяющимися гласными, влияющими на различные значения слова. Слова с постоянным составом звуков, имеющие разные значения, т. е. корневые омонимы, нас не интересовали. Это внутрисемантическая дифференциация слов (при фузионном состоянии слова) даже на разные части речи общеизвестна: *ич* «нутро», живот», *ич* «пить», *ич* /*ачы* «внутренняя сторона».

Разумеется, нельзя рассматривать древнейшее различение гласных в отрыве от изменения, чередования согласных в наше время.

Но нас интересовало именно изменение гласных в первом слоге слова, т. е. в первичном его корне по типу:

ич «нутро, живот»,

ач «голодный», *ач бору* «голодный, кровожадный волк»,

о́ч «дыхательное горло» (ОПС),

о́ч «злора, месть» (ОПС), *о́ч а́л* «отомстить»,

о́ч «потухнуть» (об огне), «прекратиться» (о жизни).

Сравни монг. *о́с* «месть, мщение», *о́с авах* «отомстить», *о́с санах* «питать злобу, ненавидеть» (МПС).

Примеры:

1. кач «убегать»

2. кӧч «кочевать»

3. кеч «переходить через речку, переправляться на лошади, в лодке»

Сравни. монг. кес «шататься, путешествовать»

1. кун «день».

2. кон «ночевать», но комок «день», үч конды «провел три ночи три дня».

1. кол «рука», кол «ручной»; кол мытык «пистолет», кол кире «но жевка».

2. кул «раб», кул кижж «ручной человек»

1. той «насытиться», «наестся», той «пир, свадьба»

2. тай «приносить в жертву».

1. бай «богатый».

2. бий «господин».

3. бой «стан тела; сам».

1. он «цвет».

2. он «выцветать». Сравни. монг. онго (МРС) «цвет, окраска»

1. сӧс «слово».

2. сес «догадаться, узнать, понять»

1. јар «раскалывать», јарык «трещина».

2. јыр «рвать на две части», јырык «рваное место».

1. јер «земля».

2. јӱр «ходить, жить»

3. јур(т) «семья; село».

1. таш «камень».

2. тош «лед», сравни. монг. тош «наледь».

3. тиш «зуб»

4. теши «сделать отверстие чем-нибудь острым»

1. тот «весенний и осенний загар лица», тот јиген «загорелый».

2. тат «ржавчина», тат јиген «заржавелый».

3. тӱт «испорченность хлеба, муки», тӱт јиген арба «испорченный от сырости ячмень», тӱдӱл калган кулур «испорченная от сырости мука».

1. кап «кожаный мешок; ловить, поймать»

2. кун «сосуд для изготовления чегени (кислого молока)».

3. кеп «форма; одежда, внешний вид», сравни. монг. кеп «форма».

1. чач «разбрасывать».

2. чеч «развязывать».

3. чыч «начинать расти, выпускать, распускаться (о семенах растений); чыч «отбрасывать, испражняться (о человеке и животных)».

4. чоч(ы) «вздвогнуть, испугаться, растеряться». Сравни. еще чачик «кисточка на шапке», чечек «цветок», монг. цецег «цветок»

Таких односложных семантических гнезд слов в алтайском языке пока обнаружено более сорока.

Двусложные корни слов.

1. биле «семья».

2. бӧлӧ «племянник по линии матери; конкретно: дети старшей и младшей сестры моей матери».

Это слово, вероятно, связано со словом бӧл «распределять, разделять на части». Кроме того, сравни. монг. слово бул (бул) «члены семьи, семья».

1. ачы «племянник». Сравни. монг. (МРС) ач «внук»

2. очы «младший ребенок в семье».

1. јада «сильное ненастье (о погоде)».

2. *Јуда* «сделаться ненастным» (о погоде), бедствовать, терпеть нужду; становиться неряхой».

3. *јуде* «сизнемогать, терпеть недостаток, болеть» (ОРС).

1. *кичик* «маленький» (Улаганский район).

2. *кучук* «щенок».

1. *ор* «вить».

2. *эре* «звончить, вкручивать (шуруп)».

3. *оро* «закутывать, завертывать». Сравни монг. *орой* «вить, обмотать».

1. *мерге* «способ кидания», *мерген* «словкий, меткий».

2. *мбр* «победа», *мбр алды* «победил», *мбр ой* «соревнование».

3. *мар* «повадка», *мар алды* «повадился» (видимо, как победитель)

и т. д.

Таких двусложных семантических гнезд пока обнаружено более двадцати.

Далее, по нашему мнению, значения первичных словообразовательных гласных во втором слоге слова зависят от гнездового значения слова, во многих случаях, удерживаемого гласными первого слога слова.

К примеру: *кѳс* «глаз», *кѳр* «смотреть». Это явление ротацизма общеизвестно. Остановимся на втором варианте этого слова — *кѳр*.

Предположим, что при наличии согласных К, Р на своих местах в этом слове могут быть гласные: «а», «о», «ѳ», «е».

Например: *кѳр*, *кар*, *кор*, *кер*.

Отсюда:

1. *кѳр* «смотреть» — *кору* «смотреть».

2. *кара* «смотреть, ухаживать», сравните: *карак* «глаз», но *кару* «родной, дорогой, ласковый». Это слово имеется в монгольском языке.

3. *коры* «сохранять, оберегать от постоянного пагубного влияния»; но *кору* «самое дорогое, больное, уязвимое место», *кору јер* «уязвимое место, например, сердце»; и еще: *коро* «быть утраченным, израсходованным, умершим и т. д.».

4. *кере* «очевидец, свидетель».

Другой пример такого рода:

1. *кол* «рука».

2. *кыл* «сделать» (тувинск. яз.), *кылык* «поступок» (алт. яз.).

3. *калак* «просчет, беда».

4. *кул* «раб», сравни *кол мылтык* «ручное ружье» и *кул киж* «ручной человек, т. е. раб».

5. *күлү* «связать по рукам» и т. д.

6. *күлү* (к), «удалец, силач, ловкач».

1. *чечек* «цветок».

2. *чачак* «кисть на шапке».

Обобщая все сказанное, надо подчеркнуть следующее: явление это не случайное.

Замеченная закономерность, по нашему мнению, не может быть привнесённой в алтайский язык извне. Она характерна для всех тюркских языков. «Список общетюркских односложных слов» из книги Александра Михайловича Щербака «Сравнительная фонетика тюркских языков» (Ленинград, 1970), может служить в известной мере материалом для такого соображения. Например: *кѳч*, *кач*, *кеч*; *ич*, *ач*, *ѳч*; *ѳк*, *он*; *кѳн*, *ком* и др. корни слов.

Подобное явление есть в монгольских языках, о чем свидетельствует исследование Трофима Алексеевича Бертагаева «Морфологическая структура слова в монгольских языках». По словам профессора Бертагаева

ева, «явление такого рода свидетельствует, прежде всего о не совсем устойчивой инвариантности гласных (разрядка наша — В. Т.) в прошлом, об их большей способности варьировать по сравнению с согласными»¹. Гласные всегда были первым средством общения на расстоянии, это общеизвестно.

Но инвариантность должна была быть закреплена (позже) общими строем языка за согласными, причем звучными, а не глухими.

Семантическое гнездование слов в зависимости от характера гласных звуков в первом слоге корня слова даст много разумных соображений о генеалогии алтайских языков.

По нашим примерам, словообразовательная роль гласных в далеком прошлом совершенно очевидна. Это явление свидетельствует об естественном состоянии агглютинативного строя тюркского языка в то время, когда гласные первого слога были более активными, чем согласные этого же слога.

Если это так, то несомненно типологическое родство монгольских и тюркских языков в отдаленном прошлом.

Надеемся, что дальнейшее, более углубленное, детальное и специальное исследование этого вопроса в алтайских языках может обнаружить и родство генетическое, т. е. общеалтайское генеалогическое родство, не только типологическое.

А в историческом плане рассмотрения языка указанный способ древнейшего словообразования должен быть признан внутри тюркской группы языков одним из важнейших наряду с

1) внутрисемантической дифференциацией слова типа: *ич* «живот», *ич* «пить»; *кан* «кровь», *кан* «утолить жажду»; *суузымым канды* «выпил досыта».

2) изменением согласных первого слога корня: *кос* «глаз», *кор* «смотреть»; *бас* «наступать», *бар* «иди»; *кел* «приходить», *кет* «уходить»; *ал* «брать», *ат* «кидать, стрелять»; *сал* «положить», *сат* «продать».

3) суффиксацией и другими способами.

Это в прошлом очень важный словообразовательный способ, что не подлежит сомнению, к настоящему времени, видимо, уступил место более продуктивным и регулярным способам словообразования.

При реконструкции, этимологизировании первичного корня слова, роль гласных звуков также должна строго учитываться наряду с ролью других средств словообразования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аврорин. Итоги и задачи изучения языков малых народностей Сибирского севера. См. сб. «Языки и фольклор народов Сибирского севера». М.—Л., 1966, стр. 21.
2. Т. А. Бертагеев. Морфологическая структура слова в монгольских языках. М., 1969, стр. 19.
3. Там же, стр. 97.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Монг. — монгольский язык

МРС — Монгольско-русский словарь. Под общей редакцией А. Лувсандэндэва. М., 1957.

ОРС — Ойротско-русский словарь. И. А. Баскаков и Т. М. Тошакова. М., 1947.

СТРУКТУРНАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ АЛТАЙСКИХ
ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИМЕН

При анализе географических наименований алтайского языка легко выделяются *терминированные* и *эллиптированные* образования. Под терминированными понимаются такие структурные типы топонимов, в которых имеется географический термин (*Ак-таш, Алтай Кожы, Алтай-Туу, Кайыңду-Кыр, Калбак-Меес, Кара-Кая, Кара-Озёк, Кызыл-Айры, Салду-Көл* и др.). Эллиптированными считаются структурные типы, в которых отсутствует географический термин (*Бака, Балыкту, Калбалу, Кызыл, Чичке* и др.).

Терминированные названия подразделяются на два класса. I класс — географические термины, ставшие собственными именами, то есть тот случай, когда термин, обобщающий все предметы определенного рода, становится собственным именем одного предмета данного рода. II класс терминированных названий составляют топонимы, включающие в себя географический термин, относящийся объект к нему подобным, плюс индивидуализирующая, детерминативная часть, выделившая данный объект из числа ему подобных.

Географические термины алтайского языка занимают определенное место в топонимической системе региона. Они участвуют в образовании наименований как гидро-, так и орографических объектов. Географические термины в оронимах отличаются большим разнообразием. Сюда включаются термины положительных форм рельефа, служащих для обозначения перевалов (*ажу, арт, бел, боочы*), горных хребтов (*кыр, сын*), отдельно стоящих гор, холмов, возвышений (*бом, кабак, кырлан, кадилгак, кажат, кая, межелик, таш* и др.) и термины отрицательных форм рельефа (*јырык, калчал, кообы, ой, ойбок, ойдык, ойук* и др.). Гидрографическая терминология (*айры, карасу, суу, булак, салаа, белтир* и др.) представлена значительно меньшим числом единиц, хотя ее участие в образовании топонимов чрезвычайно велико.

Эллиптированные названия представляют собой образования с опущенным географическим термином. Отсутствие его часто бывает ситуативным. Эллиптированные формы имен чаще отмечаются в письменных источниках (особенно картах). В речи местного населения они могут встретиться лишь в том случае, когда речевая, бытовая ситуация позволяет сказать недвусмысленно при употреблении названия без термина. Там, где для собеседника ясно, что он будет понят неточно, термин обязательно присутствует, поэтому важной частью структурного анализа является то, как собран топоним — с карты или из живого контекстного употребления. Граница между терминированными и эллиптированными образованиями в живой речи является очень шаткой, нами она проводится лишь для удобства структурного анализа. В собранных нами контекстных топонимах, общим числом 908, 56% — это терминированные образования. Терминированные топонимы I класса составляют 9% всех образований и 17% терминированных структур.

С точки зрения морфолого-синтаксической терминологии названия I класса представляют собой существительные в форме чистой основы, не осложненной аффиксами. Терминированные названия II класса представляют собой термин (определяемое) + его определяющие, находящиеся в препозиции к нему. Таких определений к термину может быть не одно, а несколько. При одном определении к термину простое детерминативное определительное словосочетание названо в нашем описании синтагмой. В собранных примерах терминованных образований встречается только атрибутивная синтагма. Усложненной синтагмой названа такая, которая составлена более чем из двух слов. Приведем примеры терминованных структур.

А. Атрибутивная синтагма простая.

1. Предметная.

а) В атрибутивной функции выступает имя существительное нарицательное: р. *Абыл-Ойук*, *Адыр-Кая*, *Бөрү-Озёк*, *Кабай-Таш*, *Кабак-Туу*, *Кабан-Суу*, *Кош-Арки*, *Кызылкат-Арка*, *Сарас-Кыр*, *Серке-Тайга*, *Суу-Кыр*, *Тас-Тайга*, *Туюк-Кобы*, *Чет-Туу*, *Ширее-Таш* и др.

б) В атрибутивной функции выступает имя существительное собственное, это: *Абай-Кобы*, *Бодон-Кобы* и др.

2. Качественная.

а) Определение выражено неприменным прилагательным. Это самая распространенная модель терминованных образований. Чаще всего в составе географических наименований встречаются прилагательные *ак* «белый; с ледниковым началом или питанием (о реке); голый, чистый, без леса и камня (о местности)», *кара* «черный; темный, лесистый (о местности); прозрачный (о воде)», *кок* «синий, голубой, зеленый», *кызыл* «красный». Перечислим некоторые из них: *Ак-боом*, *Ак-Кажат*, *Ак-Тайга*, *Ак-Таш*, *Кара-Боом*, *Кара-Көл*, *Кара-Ойук*, *Кок-Кал*, *Кёк-Тёбё*, *Кызыл-Таш*, *Кызыл-Ойук*, *Кызыл-Межелик* и др.

б) Определение выражено производным прилагательным с аффиксом *лу*—*лу* (*ту*—*ту*, *ду*—*ду*).

Во многих тюркологических работах этому аффиксу отводится значительное место. Прилагательные с ним имеют значение «владеющий чем-нибудь, снабженный чем-нибудь». В Л. Котвич предполагает, что исходной формой этого аффикса является I. Другие тюркологи, В. Банг, например, говорили о происхождении названного аффикса от глагольного корня *ил* «прибавляй». Третья группа ученых высказывалась за частичное происхождение его и т. д. И до настоящего времени нет единой точки зрения по этому вопросу.

В алтайских топонимах встречаются следующие варианты этого аффикса: *лу*, *лу*, *ту*, *ту*, *ду*, *ду*, а также *лыг*, *лык*, *лик*, *дык*, *дук*. Особенно благоприятными для сохранения последней более древней формы с *л*, *к* явились эллиптированные формы, о которых речь пойдет ниже.

Интересно проследить разницу в лексическом значении однокорневых определений с аффиксом и без него. Такие сравнения можно провести как на эллиптированных, так и на терминованных образованиях:

Аржан-Суу	}	Аржанлу-Кобы
Аржан-Туу	}	
Калба-Кая	}	Калбалу-Карасу

Перевод первой части сочетаний в левом и правом столбцах может быть совершенно одинаковым, но усиленное значение наличия, посессивности передается, безусловно, во втором столбце.

Аффикс — *лу* и его варианты являются широко представленными в структурных типах топонимических образований не только алтайской, но

и татарской, башкирской, тувинской и вообще тюркской топонимии. Это *Азалу-Кобы, Аюлу-Кыр, Байлу-Межелик, Боочылу-Кобы, Карагайлу-Кобы, Куулу-Көл, Оболу-Боочы, Көлдү-Ойук, Салду-Көл, Талду-Айры, Тарбаганду-Меес, Мөштү-Айры, Сөбөктү-Арка, Ташту-Кыр* и др.

3. Количественная синтагма *Алты-Айры, Тогуз-Көл, Уч-Айры, Одус-Суугаш, Көл-Тош* и др.

Б. Изафетная атрибутивная синтагма.

Под изафетными мы понимаем лишь конструкции, оформленные с помощью морфологических показателей — аффиксов. Топонимические структуры дают примеры того типа изафета, который С. С. Майзелем назван *двухаффиксным*, в нем первый компонент оформлен генетивным, а второй релятивным аффиксом. Определение и определяемое грамматически и семантически связаны друг с другом. Родительный падеж, кроме принадлежности одного предмета другому, означает вообще всякую зависимость одного имени от другого. В Грамматике алтайского языка¹ дается разъяснение значения наличия и отсутствия притяжательного (родительного) падежа так: «Собственное имя может не принимать аффикса притяжательного падежа, когда не разумеется какое-нибудь определенное лицо в числе лиц одноименных, например, *Лыбан уулы* — сын Ивана, неизвестно какого; *Лыбанныг уулы* — сын определенного, известного лица». Изафет описанного типа изображен у С. С. Майзеля как $S_1 + M_1$ (где наличие аффикса показано цифрой 1, а его отсутствие 0). Таких примеров несколько: *Абыстын кыры, Куригиннын сыны* и др. Н. А. Баскаков² считает подобные сочетания исторически более древними и характерными для случаев, в которых определение выражено местоимением или именем собственным.

В алтайской топонимии отмечены случаи другого изафета, названного С. С. Майзелем *одноаффиксным*, в котором первый компонент не имеет генетивного, а второй имеет релятивный аффикс ($S_0 + M_1$). Эта конструкция отличается от предыдущей тем, что родительный падеж оказывается здесь не обязательным, так как в сочетаниях подобного рода не подчеркивается обязательная принадлежность одного предмета другому. Второй тип нашел большее распространение в топообразовании, чем предыдущий: *Абыс-Арты, Кайыр-Арты, Ат-Бажы, Бука-Бажы, Јер-Оозы, Кой-Бажы, Чочко-Кобызы, Туралу-Оозы, Балкаш-Тайгизы* и др.

В терминированных образованиях имеются примеры, составляющие усложненную атрибутивную синтагму, которая представляет собой с точки зрения структуры или простое детерминативное определительное сочетание или изафетную конструкцию. Не составляя заметного пласта в алтайской топонимии, она все же интересна тем, что сближается, на наш взгляд, с так называемыми славянскими названиями-ориентирами. В славянских языках такие топонимы образовались из сочетаний предлогов с именами существительными в косвенных падежах. Это архаические синтаксические конструкции, содержащие часть диалога между собеседниками, ответы на вопросы «где?», «куда?». Из диалога остается лишь обстоятельство места, остальные слова опускаются. Это обстоятельство места с течением времени субстантивируется и становится собственным названием поля, урочища и т. д.: *За глинські мастами, Пад Паулаўку, На скаушыніскі лес* (примеры взяты у Е. М. Адамовича³).

Сближение со славянскими названиями идет не по линии структуры, а по линии необходимости сориентировать собеседника на новый объект через старый, уже ранее обозначенный полным именем. В основном это изафетные конструкции типа $S_0 + M_1$: *Ак-Айры-Бажы, Ара-Көл-Оозы, Ат-Бажы-Оозы, Кара-Кая-Кыры, Кара-Төш-Оозы, Кош-Арка-Сыны, Күрү-Айрыктын-Бели, Орто-Айры-Сыны, Тус-Көл-Ойук*.

Среди эллиптированных образований выделяются с точки зрения их структуры слово, синтагма (атрибутивная и предикативная), усложнен-

ная атрибутивная синтагма. Слово выступает как существительное, например: гора *Бабырган*, лог *Балкаш*, река *Кучук*, река *Карагай*, гора *Серке*, гора *Той*, урочище *Тура*, хребет *Тырмууш*, ручей *Чиб* и др.; как производное прилагательное: гора *Бурул*, река *Јаан*, долина *Јалбак*, река *Кийыр*, гора *Каскик*, река *Сангары*, гора *Чанкыр* и др.; как производное прилагательное с аффиксом: лог *Азалу*, гора *Ботколу*, гора *Каялу*, гора *Марчалу*, ущелье *Согонолу*, гора *Текелу*, гора *Колду*, лог *Талду*, река *Аспаху*, лог *Састу*, река *Ташту* и др.; как глагол: река *Блалыр*, река *Сыгырар* и др.; как числительное: река *Он*, река *Беш*.

В эллиптированных образованиях имеется:

А. Атрибутивная синтагма простая с существительным-определяемым.

1. Предметная. В атрибутивной функции выступает имя существительное нарицательное, например: гора *Алтын-Тагаи*, лог *Бала-Кышту*, река *Сай-Конуш*, ущелье *Сыгын-Мүйс*, река *Таш-Чадыр* и др.

2. Качественная.

а) определение выражено производным прилагательным: гора *Ак-Корум*, урочище *Ак-Сас*, гора *Ак-Тагаи*, гора *Јалбак-Моби*, гора *Кара-Корум*, гора *Кара-Учук*, гора *Кызыл-Кумак*, гора *Оргу-Тыт*, лог *Орто-Кулак*, лог *Сары-Тыт*, место *Чокир-Тыт*, лог *Эски-Кышту* и др.

3. Количественная.

В атрибутивной функции выступает имя числительное: гора *Беш-Элбек*, гора *Беш-Тыт*, гора *Эки-Куюк*, лог *Уч-Моби*, река *Уч-Мүйс* и др.

Б. Атрибутивная синтагма простая с прилагательным-определяемым.

а) В атрибутивной функции выступает имя существительное нарицательное, в функции определяемого — производное прилагательное: лог *Мал-Јаан*, река *Ойрук-Чалыр*.

б) в атрибутивной функции выступает производное прилагательное: лог *Кара-Суулу*, лог *Мукур-Шибилек*, река *Туюк-Ташту*.

В. Предикативная синтагма.

В структуре тюркских географических названий Горно-Алтайской

А. О глагольные формы занимают небольшое место. В нашем материале глагольные формы встретились лишь в эллиптированных образованиях как слово и предикативная синтагма, то есть аппелатив, положенный в основу имени, состоит из глагольной формы или существительного + глагольная форма. Первый тип, по-видимому, появился в результате опущения слова, следующего за глаголом, то есть географического термина. Взятая вне топонима часть существительного + глагол может в речи выступить в качестве целого законченного предложения с имеющимся налицо подлежащим (дополнением) и сказуемым. Глагол в построении типа существительное + глагол может иметь следующие формы:

а) причастия прошедшего-настоящего времени с аффиксом $\frac{\text{ган}}{\text{ген}}$ или

$\frac{\text{кан}}{\text{кен}}$,

например, лог *Аю-Чапкан*, долина *Ая-Аткан*, река *Јаан-чык-Тфшкен*, Кыл-*Лыккан*, *Мбндюр-Соккон*, гора *Ат-Ашкан* и др.;

б) причастия настоящего-будущего времени с аффиксом р: *Ан-Чыгар*, место *Ат-Тудар*, река *Саадак-Былаир*, река *Суак-Калыр*, река *Шаш-Калыр*, река, населенный пункт *Элик-Манар* и др.;

в) причастия настоящего-будущего времени в отрицательной форме: река *Аю-Кечлес*.

В эллиптированных формах встречаются также и усложненные синтагмы: лог *Алтыгын-Кызыл-Тыт*, лог *Устугей-Кызыл-Тыт*, гора *Тус-Кол-Кара-Тонди*.

Сопоставление терминированных и эллиптированных образований по-

казывает, что в терминированных преобладают двусоставные структуры, в эллиптированных, наоборот, односоставные⁶.

Принцип языковой экономии, который мы усматривает и в употреблении географических названий, и в основе номинации, находит чисто внешнее выражение в стремлении осведомителей опустить для картографов, диалектологов, топонимистов географический термин, если совершенно ясно в беседе, о каком объекте идет речь, особенно когда река, лог, урочище, гора находятся где-то рядом, и их можно показать, избегая длинных описаний или ориентировок через другие объекты. В этой ситуации появляются эллиптированные образования. Эллипсис встречается и в речи местного населения, обращенной друг к другу, особенно, если объекты всем хорошо знакомы и находятся рядом. Для дальних мест, знакомых только немногим, обязательно требуются дополнительные языковые затраты и усиленное описание через географические термины, новое определение и т. д. Это объясняет появление усложненных синтагм. Таким образом, с одной стороны, увеличивается количество единиц в тополексе, а с другой стороны, оно сокращается и приводит к эллиптированным формам. Эллипсис, возникающий в искусственной речевой ситуации (работа с картографом, географом, топонимистом), должен быть отграничен от эллипсиса, появляющегося в естественной речи собеседников. Принцип экономии, одним из внешних выражений которого является эллипсис, имеет внешние и внутренние резервы выполнения недостающего речевого звена, чтобы быть понятным и с опущением какой-то части высказывания. Внешние резервы экономии, на которых мы подробно остановимся, — это грамматические и ситуативные средства, возникающие неогосознано и служащие единственной цели — довести свою мысль до слушателя.

Нижеследующие таблицы покажут внешние резервы экономии. В левом столбце даются примеры из речи осведомителей, в первом — перевод. В алтайских предложениях дважды подчеркнуты те формы или значения, которые позволили обойтись в речевом обмене без географических терминов.

Таблица № 1 содержит образцы речи, когда восполнение недостающего географического термина идет за счет грамматического или лексического значения других членов высказывания-предложения.

1. Јаанчык Түшкенде јаан
рыба БАЛЫКТАР бар.
2. Кыя Јыкканым БАЖЫ-
НА чыктыс.
3. Саукулардым ЈАРАДЫН-
ДА мал јүрген.
4. Сыгырада КУР бар.
5. Бис Угардым ООЗЫНДА
болдис.

1. В Јаанчык-Түшкен есть
небольшие рыбы.
2. Мы поднялись на верши-
ну Кыя-Јыккан.
3. На берегу Саукулар пас-
ся скот.
4. Через Сыгырар есть мост.
5. Мы были на устье Угар.

Таблица № 2 показывает ситуативный эллипсис, который оказался возможным за счет не грамматических или лексических средств, а в определенной бытовой ситуации (объект всем хорошо знаком, собеседники находятся рядом с ним и т. д.).

1. Кара Буката кыштулар
бар.
2. Оозында Јун-Балудан
андан туратандар.
3. Какта кыштулар бар.
4. Туристтер Кап Каларда
токтоды.

1. В (логу) Кара-Бука есть
зимние стоянки.
2. Прежде на (горе) Јунбалу
охотились.
3. На (горе) Как есть зи-
мовки.
4. Туристы остановились на
Кап-Калар (горе).

5. Саадак Быларга чыгарга көп керек.

6. Аю Кечпеске бугун экскурсияга барып жүрдибис.

5. Чтобы подняться на Саадак Былар нужно много потратить времени.

6. Сегодня ходили на экскурсию на (гору) Аю Кечпес.

Таблица № 3 показывает обязательное употребление географического термина во избежание двусмысленности, когда непременно нужно упомянуть собеседнику род объекта.

1. Чоигкыр деп кыр бистиг журттаг одус километр.

2. Сангыскандунин суузында көп чараандар бар.

3. Тынт Кескеннин суузын кечтис.

4. Суузардын суузы түрген агат.

5. Јол-Түжер суу кичинек суучак.

1. Гора Чоигкыр расположена в 30 км от нашего села.

2. В реке Сангысканду много хариусов.

3. Перешли речку Тынт Кен.

4. Суузар — река с быстрым течением.

5. Јол-Түжер — небольшая речка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грамматика алтайского языка, составлена членами Алтайской Миссии, Казань, 1869, стр. 124, 125.
2. Н. А. Баскаков, Предложение и словосочетание в тюркских языках, Вопросы составления описательных грамматик, М., 1964, стр. 78.
3. Е. М. Адамович, Варианты названий и названия — ориентиры в топонимии, Микротопонимия, изво МГУ, 1967, стр. 67.
4. См. подробнее О. Т. Молчанова, Принципы построения топонимов Германского Поволжья 2, Горький, 1971, стр. 130.

СОДЕРЖАНИЕ

1. С. С. Тухтеев. Важная веда в истории Горного Алтая	4
2. И. П. Эдоков. Работа партийных организаций области по коллективизации крестьянских хозяйств и укреплению колхозного строя (1927—1937 гг.)	11
3. Д. А. Сортуяков. Подготовка в Горном Алтае кадров народного хозяйства Тувакской Народной Республики	19
4. А. П. Беликова. Становление пионерского движения в Горном Алтае (1924—1934 гг.)	24
5. П. З. Курусанов. Участие трудящихся Горного Алтая в первой революции (1905—1907 гг.)	33
6. А. П. Макошев. К истории исследования кормовой базы и условий развития животноводства Горного Алтая	38
7. В. И. Эдоков. Зарождение профессионального изобразительного искусства Горного Алтая	43
8. Л. П. Потанов. Алтай-Саянские этнографические параллели к древнетюркскому обряду жертвоприношения домашних животных и их историческое значение	51
9. И. И. Ешелкин. О скальных изображениях некоторых животных в горах Юго-Восточного Алтая	63
10. Ф. А. Сатлаев. К вопросу о развитии плужного земледелия в Горном Алтае (XIX—начало XX вв.)	69
11. И. И. Шатинова. Национально-смешанные браки в Горном Алтае	80
12. Д. И. Табаев. Об источниках изучения обычного права алтайцев	93
13. Г. В. Кондаков. Афанасий Коптелов и алтайский фольклор	104
14. Р. А. Палкина. О незаконченном романе «Адыл» П. Кучника	119
15. С. М. Каташев. Некоторые особенности стиха героического эпоса алтайцев	124
16. С. С. Суразаков. О некоторых принципах перевода алтайского героического эпоса	134
17. Н. А. Баскаков. Процессы интерференции в развитии северных и южных диалектов алтайского (ойротского) языка	139
18. В. Н. Тадмыки. Заметка об одном из древнейших способов словообразования в алтайском языке	142
19. О. Т. Молчанов. Структурная классификация алтайских географических имен	146

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

(выпуск одиннадцатый)

Главный редактор Павел Егорович ТАДЫЕВ

Технический редактор М. Г. Шеленова
Корректор О. Ф. Андреева

Сдано в набор 4 X 1974 г.

Подписано в печать 22 IV 1976 г.

Формат 70×108 1/16.

Уч.-изд. л. 14, 37. Усл. печ. л. 13,3.

Тираж 500. Заказ 4413.

АН 16240. Цена 76 коп.

Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы.

Горно-Алтайская типография, г. Горно-Алтайск, пр. Коммунистический, 27

